

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Защита прав потребителей при краткосрочной аренде транспортных средств. *Кондратьев В.А.* 3
- Правовые аспекты регулирования конкурсного производства в РФ. *Лутовинова Н.В., Смагин А.А., Чижикова В.В., Ильин В.А., Бекбулатов Д.Р.* 8
- Экономические основы конституционного строя Российской Федерации. *Титова Е.А., Безгодова О.И., Кудинова М.Г., Зенина О.А., Сурай Н.М.* 12
- Формирование антикоррупционных стратегий в развитии муниципалитетов. *Чеботарева И.Ю., Удычак Ф.Н., Тхаркахо М.М., Мамишева З.А., Марков П.Н.* 17
- Особенности применения гражданско-правовых механизмов защиты предпринимателей от незаконных действий органов власти и должностных лиц. *Кудинов С.В.* 21

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Совершенствование механизмов возмещения вреда, причиненного преступлением. *Муллахметова Н.Е.* 25
- Получение и использование показаний в российском уголовном процессе: «реперные точки» предстоящего пути. *Новиков С.А.* 29
- К вопросу об электронном уголовном судопроизводстве. *Суюнова Д.Ж.* 33
- Классическая континентальная модель апелляции – будущее уголовного судопроизводства России: аналитический обзор на примере ФРГ. *Трофимик А.Г.* 36
- Обеспечение прав личности и современные тенденции в российском уголовном судопроизводстве. *Шадрин В.С.* 39

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Проблемы борьбы с наркопреступностью в исправительных колониях. *Дук Ю.И.* 44
- Киберпреступность в период пандемии коронавируса COVID-19. *Харланов А.С., Бобошко А.А., Гросу А.В.* 48

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Об особенностях организации и тактики производства отдельных следственных действий в пенитенциарных учреждениях. *Акчуринов А.В.* 53
- Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, с учетом особенностей расследования коррупционных преступлений в сфере дорожного строительства. *Габоев Н.В.* 57
- Криминалистическое моделирование как универсальный метод научного познания события преступления. *Пристансков В.Д.* 62

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru Сайт: http://zakonivlast.ru/

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Авдийский Владимир Иванович**, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ
- Баранов Николай Алексеевич**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Буренко Владимир Иванович**, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет
- Гончаров Петр Константинович**, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)
- Гущин Василий Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции
- Конышев Валерий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет
- Корконосенко Сергей Григорьевич**, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет
- Косаренко Николай Николаевич**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова
- Косов Геннадий Владимирович**, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет
- Кошкин Андрей Петрович**, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
- Нурлышев Геннадий Николаевич**, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет
- Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции
- Мартьянов Борис Федорович**, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Нисневич Юлий Анатольевич**, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ
- Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- Сардарян Генри Тигранович**, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
- Скитович Виктор Викторович**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
- Смоленский Михаил Борисович**, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения
- Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 31.10.2021 Цена свободная Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

List of References

CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Consumer protection for short-term vehicle rental.
Kondratyev V.A. **3**
- Legal aspects of regulation of bankruptcy proceedings in the Russian Federation. *Lutovinova N.V., Smagin A.A., Chizhikova V.V., Ilyin V.A., Bekbulatov D.R.* **8**
- The economic foundations of the constitutional system of the Russian Federation. *Titova E.A., Bezgodova O.I., Kudinova M.G., Zenina O.A., Suray N.M.* **12**
- Formation of anti-corruption strategies in the development of municipalities. *Chebotareva I.Yu., Udychak F.N., Tkharakho M.M., Mamisheva Z.A., Markov P.N.* **17**
- Features of the application of civil law mechanisms for protecting entrepreneurs from illegal actions of government bodies and officials.
Kudinov S.V. **21**

CRIMINAL PROCESS

- Improvement of mechanisms for compensation for harm caused by crime.
Mullakhmetova N.E. **25**
- Obtaining and using testimony in the Russian criminal process: "reference points" of the road ahead. *Novikov S.A.* **29**
- On the issue of electronic criminal justice.
Suyunova D.Zh. **33**

- The classic continental model of appeal - the future of criminal justice in Russia: an analytical review on the example of the Federal Republic of Germany.
Trofimik A.G. **36**
- Ensuring individual rights and modern trends in Russian criminal proceedings.
Shadrin V.S. **39**

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW

- Problems of combating drug-related crime in correctional colonies. *Duk Yu.I.* **44**
- Cybercrime during the COVID-19 coronavirus pandemic. *Kharlanov A.S., Boboshko A.A., Grosu A.V.* **48**

CRIMINALISM. JUDICIAL AND EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

- On the peculiarities of the organization and tactics of the production of certain investigative actions in penitentiary institutions. *Akchurin A.V.* **53**
- Problems of using the results of operational-search activities as evidence in criminal proceedings, taking into account the peculiarities of the investigation of corruption crimes in the field of road construction. *Gaboev N.V.* **57**
- Forensic modeling as a universal method of scientific knowledge of a crime event.
Pristanskov V.D. **62**

Защита прав потребителей при краткосрочной аренде транспортных средств

Кондратьев Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права, заместитель заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье исследуется проблема квалификации договора каршеринга – краткосрочного пользования автомобилем. На основании анализа законодательства, научной литературы и правоприменительной практики, автором выявлено, что данный договор имеет смешанную природу и включает элементы договора проката и договора аренды транспортных средств без экипажа, при этом данный договор является потребительским. Также в статье делается вывод о наличии оснований для квалификации договора каршеринга как публичного и признания гражданина-пользователя потребителем.

Ключевые слова: каршеринг, договор проката, договор аренды транспортных средств, потребитель, публичный договор, отказ в заключении договора, квалификация договора.

В последние годы в крупных городах активно набирает популярность такой сервис как каршеринг – предоставление автомобиля без экипажа арендатору во временное владение и пользование за определенную плату, на определенный срок[1]. Правительство РФ в Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года[2] указало, что прогнозируется дальнейшее развитие сервисов общего пользования автомобилями, которые удовлетворяют потребности пользователей в осуществлении перевозок без личного владения автомобилем и позволяют избежать издержек владения транспортным средством (уплата транспортного налога, затраты на техническое обслуживание, ремонт и др.). Как показывает статистика на примере города Москва, количество пользователей сервисом каршеринга неуклонно растет[3].

Развитие указанных сервисов требует адекватной правовой реакции, прежде всего в целях обеспечения защиты прав, как пользователей, так и лиц, предоставляющих автомобили в пользование. На данный момент на федеральном уровне отсутствуют нормативные акты, регулирующие отношения, связанные с краткосрочной арендой транспортных средств. На уровне субъектов РФ можно отметить Постановление Правительства Москвы от 31.08.2011 № 405-ПП «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве»[4], в данном документе закреплены различные меры поддержки и содействия деятельности субъектов, предоставляющих автомобили в краткосрочную аренду гражданам.

Одним из ключевых вопросов, возникающих при рассмотрении правового регулирования отношений каршеринга, является квалификация договора, от чего напрямую зависят применяемые к отношениям сторон нормы, в том числе возможность применения к рассматриваемым отношениям положений Закона о защите прав потребителей. В правовых актах, правоприменительной практике и специальной литературе не сформировалось какой-либо единой позиции по данному вопросу. При этом можно выделить четыре основных подхода, рассматривающих договор каршеринга как: 1) договор возмездного оказания услуг; 2) самостоятельный договор; 3) договор аренды транспортного средства без экипажа; 4) договор проката.

При квалификации договора каршеринга, представляется необходимым исходить из того, что основным критерием, положенным в основу построения системы договоров в гражданском законодательстве, является критерий направленности договора на достижение определенного юридического и экономического результата[5]. Любая классификация, в том числе и вышеупомянутая должна иметь исчерпывающий характер, в связи с этим справедлива точка зрения В.В. Кулакова, который пишет, что «перечень объектов гражданских прав, закрепленный в ст. 128 ГК РФ, является исчерпывающим, таким образом, не может быть договоров с нетипичным объектом. Если иметь в виду обязательства, то представить иные действия, кроме давно известных в науке и закрепленных в законе – передача в собственность, во временное владение и пользование, выполнение работ, оказание услуг и др., – трудно»[6]. Действительно, если исходить из критерия экономической направленности договоров (обязательств), то крайне затруднительно предложить такой вид договора, который бы не подпадал полностью или частично под уже имеющиеся типы договоров или комбинацию нескольких из них. Соответственно, любой «появляющийся» договор должен вписываться в рамки имеющихся типов договоров или их совокупности (смешанный договор).

Первый подход к квалификации договора каршеринга, вытекает из Постановления Правительства города Москвы «О городской поддержке таксомоторных перевозок и услуги каршеринг в городе Москве», в котором используются формулировки «услуги каршеринга», что дает повод порассуждать о возможности рассмотрения данного договора в качестве возмездного оказания услуг. Однако, если обратиться к определению договора возмездного оказания услуг, закрепленному в ст. 778 ГК РФ то данный договор предполагает совершение исполнителем определенных действий в отношении заказчика и именно сами эти действия являются объектом обязательства. В договоре каршеринга ярко прослеживается направленность на предоставление имущества в пользование, соответственно, подход рассматривающий договор каршеринга как возмездное оказание услуг представляется несостоятельным.

Второй подход, сторонником которого является С.Р. Дерюгина, состоит в том, что договор каршеринга рассматривается в качестве самостоятельного вида договора. Основной предпосылкой для такого вывода, указанный автор видит в том, что договор каршеринга обладает определенными отличительными признаками, к которым следует отнести форму договора, сроки, правила о невозможности для проката возобновления договора на новый срок[1]. Вместе с тем, предложенный подход представляется недостаточно обоснованным, поскольку система договоров является многоуровневой и на каждом уровне для выделения тех или иных групп используются определенные критерии. Основным системообразующим критерием является направленность на достижение определенного резуль-

тата. В рамках соответствующих групп (типов) договоров, выделенных по направленности, формируются свои внутренние ступени классификации по тем или иным критериям, что можно наблюдать на примере договора аренды. В рамках гл. 34 ГК РФ выделяются отдельные виды договоров аренды в зависимости от объекта договора (аренда зданий и сооружений, аренда транспортных средств и т.д.), в зависимости от субъекта (договор проката) и т.д. Нельзя не согласиться с утверждением Ю.В. Романца о том, что «важно отличать системные признаки, обосновывающие выделение типа (вида) договора, от особенностей его регламентации. Системный признак предопределяет правовое регулирование, в то время как элементы правового регулирования (права и обязанности сторон, субъектный состав, предмет, форма и порядок заключения и расторжения договора, имущественная ответственность и т.д.) сами предопределяются системным признаком»[5]. Своим высказыванием Ю.В. Романец обращает внимание на то, что признаки или критерии выделения договоров нужно отличать от особенностей правового регулирования, поскольку вторые производны от первых и предопределяются ими. Еще советский исследователь М.В. Гордон писал, что «при выявлении нового типа договорных отношений, следует каждый раз изучать вопрос о том, насколько дело идет о таких отношениях, которые не укладываются в известные ранее правовые признаки»[7]. Например, договор аренды зданий и сооружений выделяется по признаку – объекта, что обусловило установление для данного договора государственной регистрации, в случае заключения договора на срок более года. Очевидно, что данный договор был выделен в отдельный вид не потому, что он имеет особый порядок заключения, а наоборот, он имеет особый порядок заключения в связи с наличием специфического объекта. Возвращаясь к договору каршеринга, следует отметить, что каких-либо нормообразующих признаков он не имеет, ни форма, ни особый порядок заключения, ни срок не могут рассматриваться в качестве таковых, поскольку они зависят от квалификации договора. Если брать за основу нормообразующие признаки, такие как субъектный состав и объект, то особый субъектный состав договора каршеринга совпадает с договором проката, а объект совпадает с договором аренды транспортных средств. Тем самым, можно сделать вывод, что отсутствуют основания для рассмотрения договора каршеринга в качестве самостоятельного вида, поскольку он не обладает какими-либо нормообразующими признаками, принципиально отличающими его от иных договоров, направленных на передачу имущества в пользование. Поскольку основания для признания договора каршеринга в качестве самостоятельного вида договора аренды отсутствуют, то он может быть рассмотрен в качестве одного из видов договоров аренды, которые уже нашли отражение в ГК РФ. Наиболее близкими моделями, как уже было отмечено, являются договор проката и договор аренды транспортных средств без экипажа.

В литературе находит отражение подход предусматривающий, что к договору каршеринга должны применяться правила о договоре проката, поскольку физические лица – арендаторы, пользуясь автомобилем, безусловно, являются потребителями, права которых находятся под защитой Закона о защите прав потребителей[8]. С другой стороны, в правоприменительной практике договор был квалифицирован в качестве аренды транспортных средств без экипажа. Так, Московский городской суд указал, что с учетом объекта аренды договор каршеринга по своей правовой природе является договором аренды транспортных средств без экипажа. Также суд указал, что нормы о прокате (§ 2 главы 34 ГК РФ) не подлежат применению, поскольку в отношении аренды транспортных средств в силу ст. 625 ГК РФ применяются специальные нормы, содержащиеся в подразделе 2 § 3 главы 34 ГК РФ. В связи с этим суд сделал вывод, что договоры о краткосрочной аренде транспортных средств не являются публичными договорами, а потому ответчики как арендаторы, руководствуясь закрепленным в ст. 421 ГК РФ принципом свободы договора, вправе устанавливать для арендаторов дополнительные требования и ограничения для заключения такого рода договоров, в том числе по возрасту и водительскому стажу[9].

На проблему разграничения договора аренды транспортных средств и договора проката обращали внимание в литературе, однако четкого ответа на него дано было. Актуальность данного вопроса состоит прежде всего в том, что положения о договоре проката и договоре аренды транспортных средств содержат некоторые правила, которые противоречат друг другу, например, касающиеся обязанности по проведению текущего ремонта. Отдельными авторами высказывалась позиция о приоритете норм о прокате, а в качестве аргумента было отмечено, что «в противном случае осуществление предпринимательской деятельности по прокату автомобилей становится практически невозможным. Прокат по своей экономической природе предполагает, как отмечалось, краткосрочное владение и пользование имуществом, поэтому возложение на арендатора обязанности по производству текущего и капитального ремонта необоснованно»[10]. Однако приведенные аргументы видятся малоубедительными и не до конца ясно, какой именно способ преодоления коллизии был применен. Кроме того, не совсем понятна и логика суда в части признания специальными норм о договоре аренды транспортных средств по отношению к нормам о прокате.

Говоря о коллизии между нормами о прокате и аренде транспортного средства, то для их преодоления следует руководствоваться прежде всего тем, что договор проката выделен в отдельный вид из-за особого субъектного состава, а договор аренды транспортных средств в связи со специальным объектом – транспортным средством. Тем самым, на примере вышеупомянутых статей, касающихся проведения текущего ремонта можно наблюдать коллизию специальных норм, выделенных по

объекту и по субъекту. А.Е. Кирпичев, рассматривая способы преодоления коллизии специальных норм, выделенных по субъекту и по объекту, пришел к выводу, что приоритет имеют нормы, выделенные именно по объекту[11], аналогичный подход находит отражение и в практике Верховного Суда РФ[12]. Руководствуясь данным подходом, при конкуренции норм о договоре проката и договоре аренды транспортных средств без экипажа приоритет имеют нормы о договоре аренды транспортных средств, поскольку они выделены по объекту. В тоже время в части, не противоречащей к данному договору, могут применяться нормы и об одном, и о другом договоре.

Применительно к договору каршеринга одним из ключевых вопросов является возможность признания его публичным договором. В целом, нормы о договоре аренды транспортных средств прямо не исключают того обстоятельства, что он может быть публичным, т.е. сам по себе факт того, что в правилах о договоре аренды транспортных средств не указано, что договор является публичным, не исключает того обстоятельства, что он может быть признан таковым. Нормы о публичном договоре содержатся в подразделе II раздела III ГК РФ «Общие положения о договоре», которые являются общим правилом для всех норм части второй ГК РФ, соответственно, если специальной нормой иное, то применяется общая. Кроме того, публичный договор в литературе рассматривается в качестве типовой договорной конструкции[13]. Существо типовой договорной конструкции, как справедливо отмечает В.К. Андреев, состоит «в технико-юридическом закреплении типичных договорных условий сторон, как правило, независимых от тех или иных видов договоров»[14]. Тем самым типовую договорную конструкцию от вида договора отличает то, что она представляет собой определенную модель построения договорных отношений, в рамки которой могут быть помещены различные виды договоров.

Основываясь на сделанных выше выводах о том, что публичный договор является типовой договорной конструкцией, следует, что публичным договором может признан и договор аренды транспортных средств без экипажа, если арендодателем выступает субъект, осуществляющий предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, а арендатором лицо, использующее автомобиль для личных нужд. Тем самым участие указанных лиц в договорном обязательстве позволяет отнести его к публичному договору и арендодатель, соответственно, обязан заключить его с любым, кто обратится в силу п. 1 ст. 426 ГК РФ.

Конструкция публичного договора, как справедливо подчеркивает М.Н. Илюшина изначально направлена на защиту интереса более слабой стороны – потребителя[15]. Но если оценить положение пользователя и арендодателя по договору каршеринга, то, как представляется данный договор ставит арендодателя в более неблагоприятное положение, в связи с тем, что договор заключается, как правило, дистанционно, в электронной форме, тем самым арендодатель не может достоверно

оценить состояние водителя, во-вторых, автомобиль является источником повышенной опасности, в связи с чем, возрастает вероятность причинения вреда, как транспортному средству, так и третьим лицам. Применение правил о публичном договоре в отношении договора каршеринга не позволяют обеспечить разумный баланс интересов сторон и ставят арендодателя в менее выгодное положение, поскольку он лишен возможности отказаться от заключения договора с любым, кто обратится.

Как представляется, в данном случае выходом из сложившейся ситуации может служить предоставление арендодателю возможности отказа в заключении договора с лицами, которые ранее существенно нарушали условия договора. Безусловно, законодательных основ для создания таких списков нет, поскольку закон прямо предусматривает обязанность предпринимателя заключать договор с любым, кто обратится. Немногочисленные примеры из правоприменительной практики также свидетельствуют о том, что отказ в заключении договора в связи с включением лица в черный список является неправомерным. Так, суд указал, что, «поскольку действующим законодательством не предусмотрен отказ в предоставлении гостиничных услуг по таким основаниям, суды обоснованно сочли законным требование управления в части прекращения обществом нарушения прав потребителей, а именно: не допускать отказ в заключении договора о предоставлении гостиничных услуг лицам по причине внесения их в «черный список»[16]. Как представляется, нормы ст. 426 ГК РФ не обладают необходимой гибкостью, безусловно, можно сказать, что в защиту субъекта предпринимательской деятельности может сыграть ст. 10 ГК РФ, т.е. ссылка на недобросовестное поведение и в связи с этим отказ в защите права недобросовестного потребителя, но такой подход скорее создаст большую неопределенность, нежели способствует решению обозначенной проблемы. А.Е. Кирпичев справедливо отмечал, что «самая предсказуемая неюридическая санкция – отказ от заключения договоров с нарушителем в будущем – нуждается в правовом закреплении. Возможно, в положениях о публичном договоре следует указать на возможность для лица, не занимающего доминирующего положения на рынке, отказать в заключении публичного договора контрагенту, который ранее существенно нарушил аналогичный договор»[17]. Действительно, такой подход представляется справедливым, поскольку абсолютный запрет на отказ в заключении договора, может служить не только защите прав, но и созданию предпосылок для злоупотребления этим правом. Кроме того, подобный подход был реализован в сфере авиаперевозок, в ст. 107.1 Воздушного кодекса предусмотрено, что перевозчик или лицо, уполномоченное перевозчиком на заключение договора воздушной перевозки пассажира, вправе отказать в заключении такого договора пассажиру, если он внесен данным перевозчиком в реестр лиц, воздушная перевозка которых ограничена, в связи с привлечением такого лица к

административной ответственности за невыполнение законных требований командира воздушного судна во время нахождения на борту. Тем самым, предоставление субъектам предпринимательской деятельности возможности устанавливать дополнительные требования к контрагентам при заключении договора, а также право на отказ от заключения договора с лицами, которые ранее существенно нарушали договор, было бы разумным решением создавшейся проблемы.

Литература

1. Дерюгина С.Р. Каршеринг и райдшеринг: к проблеме правовой природы договоров // Гражданское право. 2019. № 4. С. 20 – 23.
2. СЗ РФ. 2018. № 19. ст. 2804.
3. http://transport.mos.ru/common/upload/docs/1473085733_Karshering_2016_publichnaya_prezentatsiya.pdf (дата обращения 24.12.2019).
4. Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 50.
5. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Норма, 2013. С. 83–84.
6. Кулаков В.В. Состав и структура сложного обязательства. М.: РАП, 2011. С. 233.
7. Гордон М.В. Система договоров в советском гражданском праве // Ученые записки Харьковского юрид. ин-та. Харьков, 1954. Вып. 5. С. 75.
8. Бубновская Т.А., Суворов Ю.Б. К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32–36.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.04.2019 по делу № 33–19520/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кабалкин А., Санникова Л. Договор проката // Российская юстиция. 2000. № 6.
11. Кирпичев А.Е. Коллизии специальных норм обязательственного права // Закон. 2019. № 3. С. 140.
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.01.2017 по делу № 304-ЭС16–17144, А27–21020/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. С. 322–348; Богданова Е.Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // Lex russica. 2019. № 7. С. 108–118.
14. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса: учебник для магистров / Р.Н. Аганина, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. С. 82.
15. Илюшина М.Н. Институт публичного договора в гражданском законодательстве: современное состояние // Юстиция. 2016. № 1. С. 20 – 27.
16. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 16.06.2014 по делу № А70–10682/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры опера-

тивного воздействия, расторжение договора и не-юридические санкции // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 7. С. 9–16.

Protection of rights for short-term rental of vehicles

Kondratyev V.A.

Russian State University of Justice (Moscow)

The article examines the problem of qualification of car sharing – short-term use of a car. Based on the analysis of legislation, scientific literature and law enforcement practice, the author revealed that this agreement is of a mixed nature and includes elements of a rental agreement and a rental agreement for vehicles without crew, while this agreement is a consumer agreement. The article also concludes that there are grounds for improving the qualifications of a public and recognized consumer user.

Keywords: car sharing, rental agreement, vehicle lease agreement, consumer, public agreement, refusal to conclude an agreement, qualification of the agreement.

References

1. Deryugina S.R. Car sharing and ride sharing: to the problem of the legal nature of contracts // *Civil law*. 2019.No. 4.P. 20 - 23.
2. SZ RF. 2018. No. 19. Art. 2804.
- 3.http: //transport.mos.ru/common/upload/docs/1473085733_Karshering_2016_publichnaya_prezentatsiya.pdf (access date 12.24.
4. Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. 2011. No. 50.
5. Romanets Yu.V. The system of contracts in the civil law of Russia. M.: Norma, 2013.S. 83–84.
6. Kulakov V.V. Composition and structure of a complex commitment. M.: RAP, 2011.S. 233.
7. Gordon M.V. The system of contracts in Soviet civil law // *Scientific notes of the Kharkov law. in-that. Kharkov*, 1954. Issue. 5, p. 75.
8. Bubnovskaya T.A., Suvorov Yu.B. On the issue of car sharing: legal aspects // *Lawyer*. 2018. No. 7. P. 32–36.
9. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 04/26/2019 in case No. 33-19520 / 2019 // ATP ConsultantPlus.
10. Kabalkin A., Sannikova L. Rental agreement // *Russian justice*. 2000. No. 6.
11. Kirpichev A.E. Collisions of special norms of the law of obligations // *Zakon*. 2019.No. 3.P. 140.
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 30, 2017 in case No. 304-ES16-17144, A27-21020 / 2015 // ATP ConsultantPlus.
13. Vitryansky V.V. Reform of Russian civil legislation: interim results. Moscow: Statut, 2018. P. 322–348; Bogdanova E.E. Problems of using smart contracts in transactions with virtual property // *Lex russica*. 2019. No. 7. P. 108–118.
14. Business law: Legal support of business: a textbook for masters / R.N. Aganina, V.K. Andreev, L.V. Andreeva and others; otv. ed. I.V. Ershova. M.: Prospect, 2017.S. 82.
15. Ilyushina M.N. The Institute of Public Contract in Civil Legislation: Current State // *Justice*. 2016.No. 1.P. 20 - 27.
16. Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the West Siberian District of June 16, 2014 on case No. A70-10682 / 2013 // SPS "ConsultantPlus".
17. Kirpichev A.E. The system of sanctions for violation of the contract: measures of responsibility, measures of operational influence, termination of the contract and non-legal sanctions // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2016. No. 7. P. 9–16.

Правовые аспекты регулирования конкурсного производства в РФ

Лутовинова Наталья Викторовна,
старший преподаватель, юридический факультет, Российский государственный социальный университет,
LutovinivaNV@rgsu.net

Смагин Андрей Андреевич,
преподаватель, колледж, Российский государственный социальный университет, SmaginAA@rgsu.net

Чижикова Вера Викторовна,
преподаватель, колледж, Российский государственный социальный университет, ChizhikovaVV@rgsu.net

Ильин Виктор Анатольевич
преподаватель, колледж, Российский государственный социальный университет, аспирант, АНОО ВО ЦС РФ Российский университет кооперации, IlinVA@rgsu.net

Бекбулатов Дамир Равилович,
старший преподаватель, факультет экологии и техносферной безопасности, Российский государственный социальный университет, bek.aigul@mail.ru

В современной экономико-правовой среде вопросы банкротства приобрели особую актуальность, банкротства как юридических, так и физических лиц. Не смотря на то что, пострадавшими от пандемия COVID-19, официально признан определённый перечень отраслей и сфер экономики России, отрицательный экономический эффект отразился практически во всех сферах, секторах и отраслях экономики, что повлекло за собой череду банкротств как юридических так и физических лиц.

Ключевые слова: банкротство, конкурсное производство, конкурсный управляющий

Несостоятельность или банкротство - актуальная тема для правоприменителей и коммерческих структур не только России, но и всего мира, содержащая в себе большое количество особенностей. В информационной базе системы арбитражных судов РФ «Электронное правосудие» зарегистрировано 600 539 дел о банкротстве, а за первые три квартала 2018 года - 62 884 дела. При этом количество банкротов увеличивается ежегодно более чем на 20%.

При обобщении изложенных данных можно увидеть, что реабилитационные процедуры, предусмотренные Федеральным законом от 26.10.2002 № 127 - ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту - Закон о банкротстве), применяются менее чем в пяти процентах дел, а более восьмидесяти процентов должников переходят при этом к реализации имущества (конкурсному производству).

Даже учитывая возможную погрешность данных, приведённых в статистике, можно сделать вывод о том, что основополагающей процедурой при рассмотрении дел о несостоятельности юридических лиц выступает именно конкурсное производство. Данный довод частично находит своё подтверждение и в законодательстве. Так, в соответствии с п. 1 ст. 124 Закона о банкротстве принятие арбитражным судом решения о признании должника банкротом влечет за собой открытие конкурсного производства. То есть именно данная процедура следует после подтверждения судом факта несостоятельности юридического лица.

В ретроспективном обзоре банкротного законодательства (в частности древнейшем отечественном правовом документе - Русской Правде), должник подвергался аресту, кроме этого арест накладывался на все его имущество. Кредиторы имели возможность предъявить требования, избрать конкурсное управление для осуществления расчетов с кредиторами банкрота.

Конкурсное управление должно было произвести опись, а также осуществить поиск и реализовать охрану имущества должника. В функции конкурсного управления также входила проверка законности предъявленных должником требований, распределить их приоритет по очередности выплат. Кредитором первой очереди являлась церковь, кредитором второй очереди выступало государство.

На сегодняшний день актуальной является проблема разграничения ликвидации и процедуры банкротства юридического лица.

При этом, необходимо отметить, что не смотря на существенные отличия процедур, они обладают множеством сходных черт и заимствований.

Действующий закон о банкротстве содержит в

себе легальное определение понятия «конкурсное производство». Так, согласно абз. 16 ст. 2 Закона о банкротстве конкурсное производство - это процедура, применяемая в деле о банкротстве к должнику, признанному банкротом, в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Завершающей стадией признания юридического лица несостоятельным является применение процедуры конкурсного производства, поскольку именно тогда юридическое лицо окончательно признается банкротом и ликвидируется. Основной целью применения процедуры конкурсного производства является максимальное удовлетворение требования кредиторов.

Согласно действующему законодательству, ликвидация юридического лица может быть проведена на добровольной основе - по решению учредителей (участников) такого лица в случае достижения цели, для которой оно создавалось или невозможности дальнейшего беспрепятственного осуществления деятельности, либо принудительно - по решению суда, в случае нарушения законодательства и предъявления, в связи с этим иска уполномоченного органа.

Согласно ст. 62 ГК РФ, в случае неисполнения решения суда, возникает основание для назначения в качестве ликвидатора арбитражного управляющего, осуществляющего деятельность за счет имущества должника.

В связи с этим, необходимо обратиться к существующей судебной практике, в частности к определению Арбитражного суда Саратовской области от 18 декабря 2017 года по делу № А57-30921/2015, где суд, удовлетворив поступившее заявление действующего ликвидатора, освобождает его от исполнения своих обязанностей. В определении суд указывает на необходимость предоставления кандидатуры арбитражного управляющего из определенного судом круга Ассоциаций арбитражных управляющих.

При этом, арбитражный управляющий должен соответствовать требованиям законодательства, для утверждения его в качестве ликвидатора юридического лица.

При подаче в суд информации о соответствии арбитражного управляющего требованиям, предъявляемым к кандидатуре ликвидатора, возникает проблема выявления таких требований, поскольку в ГК РФ отсутствует норма, регулирующая данный вопрос.

Однако, на сегодняшний день практика такова, что кандидатура арбитражного управляющего подается в соответствии с общими требованиями ст. 20.2. Закона о банкротстве, предъявляемыми к кандидатуре арбитражного управляющего.

Таким образом, можно сделать вывод о существующих проблемах в действующем законодательстве по урегулированию процедуры ликвидации, что приводит к вынужденному заимствованию норм и отсылке к законодательству о банкротстве, что может привести к заблуждению.

В связи с вышеизложенным, считаем необходимым расширить существующую законодательную

базу, путем внесения в Гражданский кодекс РФ положений по поводу ведения реестра требований кредиторов в рамках процедуры ликвидации, а также более четкого обозначения статуса кредиторов и ликвидатора, с целью предотвращения возникновения двойственных ситуаций и проведения грамотной ликвидации юридического лица.

Остановимся на некоторых аспектах конкурсного производства. Так, в заявлении о признании должника банкротом должна быть указана либо конкретная кандидатура арбитражного управляющего, подлежащего назначению на первую применяемую в отношении должника процедуру, либо саморегулируемая организация, из числа членов которых управляющий должен быть утверждён.

Говоря о полномочиях конкурсного управляющего в деле о банкротстве должника, нельзя не отметить что управленческие полномочия конкурсного управляющего в деле о банкротстве юридического лица (а полномочия делятся на две категории: полномочия по управлению делами должника (осуществление административных функций органа управления должника); полномочия, связанные непосредственно с осуществлением обязанностей, предусмотренных Законом о банкротстве, для процедуры конкурсного производства) несколько шире полномочий его прежнего руководителя, что обуславливается особым правовым регулированием банкротных правоотношений, а также целям осуществления открытой в отношении должника процедуры. Например, будут считаться правомерными действия конкурсного управляющего по распоряжению имуществом должника, выходящие за пределы, установленные для руководителя должника уставом организации - банкрота.

Итак, в соответствии с п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве конкурсный управляющий обязан:

- принять имущество должника, в течение трёх месяцев с даты введения в отношении должника процедуры конкурсного производства провести его полную инвентаризацию. Указанный срок может быть продлён арбитражным судом по мотивированному ходатайству конкурсного управляющего;
- опубликовать в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве результаты проведённой инвентаризации имущества должника не позднее трех рабочих дней с даты ее окончания;
- привлечь профессионального оценщика для проведения оценки имущества должника в определённых Законом о банкротстве случаях;
- принимать меры, направленные на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц;
- принимать меры по обеспечению сохранности имущества должника;
- уведомлять работников должника о предстоящем увольнении не позднее чем в течение месяца с даты введения конкурсного производства;
- предъявлять к третьим лицам, имеющим задолженность перед должником, требования о ее взыскании в порядке, установленном Законом о

банкротстве и Гражданским кодексом Российской Федерации;

- заявлять в установленном порядке возражения относительно требований кредиторов, предъявленных к должнику;

- вести реестр требований кредиторов, если иное не предусмотрено законом;

- передавать на хранение документы должника, подлежащие обязательному хранению в соответствии с федеральными законами (порядок и условия передачи документов должника на хранение устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации);

- заключать сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, только с согласия собрания кредиторов или комитета кредиторов;

- исполнять иные установленные законом обязанности.

При этом в соответствии с п. 3 ст. 129 Закона о банкротстве конкурсный управляющий, осуществляя свою законную деятельность, вправе:

- распоряжаться имуществом должника в порядке и на условиях, установленных Законом о банкротстве;

- увольнять работников должника, в том числе руководителя должника, в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом;

- заявлять отказ от исполнения договоров и иных сделок в порядке, установленном ст. 102 Закона о банкротстве. Конкурсный управляющий не вправе заявлять отказ от исполнения договоров должника при наличии обстоятельств, препятствующих восстановлению платежеспособности должника;

- подавать в арбитражный суд от имени должника заявления о признании недействительными сделок и решений, а также о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником, иски о взыскании убытков, причиненных действиями (бездействием) руководителя должника, лиц, входящих в совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный исполнительный орган или иной орган управления должника, собственника имущества должника, лицами, действовавшими от имени должника в соответствии с доверенностью, иными лицами, действовавшими в соответствии с учредительными документами должника, предъявлять иски об истребовании имущества должника у третьих лиц, о расторжении договоров, заключенных должником, и совершать другие действия, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и направленные на возврат имущества должника;

- осуществлять иные права, связанные с исполнением возложенных на него обязанностей, установленных Законом о банкротстве.

При наличии оснований, установленных федеральным законом, конкурсный управляющий

предъявляет требования к третьим лицам, которые в соответствии с федеральным законом несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника.

Согласно п. 6 ст. 129 Закона о банкротстве конкурсный управляющий обязан прекратить осуществление должником хозяйственной деятельности, в случае принятия такого решения собранием кредиторов. Прекращение деятельности должника на основании решения собрания кредиторов не допускается, если ввиду характера деятельности должника такое прекращение может повлечь за собой экологические, техногенные катастрофы, нарушение жизнеобеспечения граждан и иные социально значимые последствия.

Конкурсный управляющий может быть освобожден от исполнения своих обязательств по основаниям, предусмотренным положениями ст. 144 Закона о банкротстве.

При этом не следует смешивать понятия «освобождение» и «отстранение» конкурсного управляющего от его обязательств. Указанные действия имеют совершенно различные правовые основания и последствия. Одним из главных оснований освобождения арбитражного (конкурсного) управляющего от исполнения им его обязанностей в конкретном деле о банкротстве выступает заявление конкурсного управляющего о его собственном освобождении. В качестве других оснований в указанной выше статье Закона указывается ходатайство саморегулируемой организации, членом которой является конкурсный управляющий, об освобождении управляющего: поданное в суд на основании решения коллегиального органа управления СРО; ввиду выхода конкурсного управляющего из состава членов саморегулируемой организации; ввиду выявленного несоответствия кандидатуры арбитражного управляющего общим требованиям предъявляемым к арбитражным (конкурсным) управляющим, предусмотренным Законом о банкротстве. Указанный перечень не является исчерпывающим, то есть Закон допускает и иные основания для освобождения управляющего от исполнения им своих обязанностей в деле о банкротстве.

После освобождения конкурсного управляющего от исполнения возложенных на него обязанностей, арбитражный суд утверждает нового конкурсного управляющего в соответствии с общими правилами, предусмотренными Законом о банкротстве, из числа кандидатур, предложенных саморегулируемой организацией, членом которой являлся прежний арбитражный управляющий.

В случае непредставления в арбитражный суд саморегулируемой организацией арбитражных управляющих кандидатуры конкурсного управляющего и (или) информации о его соответствии установленным Законом о банкротстве требованиям, заявитель и (или) иные лица, участвующие в деле о банкротстве, вправе обратиться в суд с ходатайством об утверждении конкурсного управляющего из числа членов другой саморегулируемой организации. В случае отсутствия предложений от лиц, участвующих в деле, кандидатуры конкурсного

управляющего или саморегулируемой организации, дело о банкротстве подлежит прекращению.

При этом стоит отметить, что новый конкурсный управляющий может быть назначен арбитражным судом одновременно с разрешением вопроса об отстранении прежнего. Новый управляющий будет считаться исполняющим обязанности конкурсного управляющего до момента утверждения его кандидатуры собранием кредиторов.

Таким образом, согласно действующего банкротного законодательства конкурсный управляющий - это ключевая фигура всего конкурсного процесса. Будучи подконтрольным суду, собранию (комитету) кредиторов, саморегулируемой организации, членом которой он является, конкурсный управляющий обязан, осуществляя возложенные на него обязанности, действовать в интересах как кредиторов, так и должника. От компетенции конкурсного управляющего, правильности и своевременности его действий напрямую зависит результат всей процедуры несостоятельности.

На сегодняшний день российское банкротное законодательство достаточно качественно регулирует правоотношения в этой сфере, сформирована обширная судебная практика по делам о несостоятельности, ввиду чего внесение изменений в работающий во всех смыслах закон в части, пусть даже обоснованного с точки зрения теории права, разграничения понятий «несостоятельность» и «банкротство», может повлечь собой возникновение существенных пробелов в законодательстве и правовых коллизий, при этом указанные последствия будут касаться не только сферы гражданских правоотношений, но и применения норм уголовного и административного права.

Литература

1. Институт несостоятельности (банкротства) в таблицах и схемах: учебно - методическое пособие / Е. Алешина, И. Баранов, Ч. Басхаев и др.; отв. ред. С.А. Карелина. М.: Юстицинформ, 2017. С. 183.

2. Постановление Правительства РФ «О регулирующем органе, осуществляющем контроль за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих» от 03.02.2005 № 52 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 6. Ст. 464.

3. Постановление Правительства РФ «О регулирующем органе, осуществляющем контроль за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих» от 03.02.2005 № 52 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 6. Ст. 464.

4. Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 12. С. 52.

5. Кован С.Е., Предупреждение банкротства. 2015.С.163.

6. Консультации специалистов // Бухгалтер и закон. – 2015. – № 2(174). – С. 47-54.

Legal aspects of the regulation of bankruptcy proceedings in the Russian Federation

Lutovinova N.V., Smagin A.A., Chizhikova V.V., Iljin V.A., Bekbulatov D.R. Russian State Social University

In the modern economic and legal environment, the issues of bankruptcy have become particularly relevant, the bankruptcy of both legal entities and individuals. Despite the fact that a certain list of branches and spheres of the Russian economy has been officially recognized as affected by the COVID-19 pandemic, the negative economic effect has been reflected in almost all spheres, sectors and branches of the economy, which has led to a series of bankruptcies of both legal entities and individuals.

Keywords: bankruptcy, bankruptcy proceedings, bankruptcy trustee

References

1. Institute of insolvency (bankruptcy) in tables and diagrams: teaching aid / E. Aleshina, I. Baranov, Ch. Baskhaev and others; otv. ed. S.A. Karelin. M.: Yustitsinform, 2017. S. 183.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation "On the regulatory body exercising control over the activities of self-regulatory organizations of arbitration managers" dated 03.02.2005 No. 52 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 6. Art. 464.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation "On the regulatory body exercising control over the activities of self-regulatory organizations of arbitration managers" dated 03.02.2005 No. 52 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 6. Art. 464.
4. Arbitration and civil procedure. 2018.No. 12.P. 52.
5. Kovan SE, Bankruptcy prevention. 2015, p. 163.
6. Consultations of specialists // Accountant and law. - 2015. - No. 2 (174). - S. 47-54.

Экономические основы конституционного строя Российской Федерации

Титова Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра теоретико-исторических и государственно-правовых дисциплин Алтайский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,

Безгодова Ольга Игоревна,

магистрант, Алтайский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», bezgodova.olenka@mail.ru

Кудинова Маргарита Геннадьевна,

кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой финансов, бухгалтерского учета и аудита ФГБОУ ВО Алтайский государственный аграрный университет, kudinova_margarita@mail.ru

Зенина Оксана Анатольевна,

адвокат, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, публичного управления и профсоюзного движения Алтайского института труда и прав Алтайского института труда и прав (филиал Академии труда и социальных отношений),

Сурай Наталья Михайловна,

к.т.н., доцент, доцент кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности ФГБОУ ВО Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), natalya.mixajlovna.1979@mail.ru

Соблюдение положений экономических основ конституционного строя всей вертикалью власти и принятие социально-ориентированных экономических решений являются залогом динамичного развития рыночных отношений и повышения качества жизни граждан России, а также создание благоприятных условий для среднего и малого и бизнеса. Основы конституционного строя находятся в тесном взаимодействии с экономическими основами, так как основы конституционного строя отражают способности взаимодействия государства с гражданином и обеспечивают права и свободы человека, а свобода экономической деятельности невозможна без демократических методов управления страной.

В статье рассматриваются экономические основы конституционного строя Российской Федерации; выявлены его основные принципы и факторы, определяющие условия функционирования того или иного рынка; сделан вывод, что в России регулирование конкретных правоотношений должны осуществляться путем экономических и административных методов.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, принципы экономических основ конституционного строя РФ, единое экономическое пространство, свобода экономической деятельности, государственная собственность, частная собственность, муниципальная собственность, конкуренция.

Главным элементом конституционного строя Российской Федерации являются экономические основы, ввиду того, что они составляют правовую основу организации хозяйственной деятельности в стране.

На основе конституционных принципов единого экономического пространства в современном государстве формируется экономическая система, действующая в условиях прямой конкуренции, равноправия и свободы экономической деятельности и защите всех форм собственности. Научное осмысление правовой природы, понятия и содержания экономической системы - одна из проблем современного конституционного права.

Следует отметить, что в рамках производства и распределения товаров и в целом рыночных отношений рыночная экономика является экономической основой конституционного строя России, участниками которых выступают хозяйствующие субъекты, находящиеся в конкурентных отношениях. Несмотря на то, что в России конкуренция поддерживается, но по недопущению монопольных привилегий принимаются различные меры, основанные на соответствующем государственном контроле.

На наш взгляд, под основами Конституционного строя Российской Федерации следует понимать основные принципы и в целом основы государства, которые позволяют привнести Федерации характер Конституционного государства.

Основы Конституционного строя - это своего рода уникальная, в отличие от системы норм права, система принципов. Если в системе правовых норм приоритет юридической силы принадлежит принципам права по отношению к другим нормам, но в тоже время система принципов характеризуется отсутствием явной иерархии между ними. Осавелюк Е.А. обосновывает, что «Принципы права не имеют внутренней иерархии... все принципы перечисленные в Гл. 1 Конституции РФ, а затем содержательно раскрыты в текущем законодательстве, равны между собой и должны применяться во взаимосвязи таким образом, чтобы использование одного принципа не наносило ущерб реализации другого» [1].

В исследованиях Саудаханова М.В. говорится, что «Сердцевину экономической основы Конституционного строя РФ составляют принципы равенства всех форм собственности; использование и охрана земли и других природных ресурсов в Российской Федерации как основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; единства экономического пространства; свободного перемещения товаров, услуг и

финансовых средств; поддержка конкуренции; свободы экономической деятельности» [2].

В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых ресурсов, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности. В Российской Федерации частная, государственная, муниципальная и иная собственность в равной степени защищается и признается. Также законом охраняется право на частную собственность.

Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, и могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Граждане имеют право на владение землей и другими природными ресурсами, находящимися в частной собственности, использование и распоряжение ими, если это не наносит ущерба окружающей среде и не ущемляет права и законные интересы других лиц.

С 22.03.1991 г. в Российской Федерации действует Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в котором определены правовые и организационные ограничения для предотвращения недобросовестной конкуренции и монопольной деятельности.

Саудаханов М.В. отмечает, что «поскольку любая система предполагает иерархическую устойчивую связь структурных элементов, то представляется более правильным рассматривать принципы экономической основы, закрепленные в ст.8 Конституции РФ не в том порядке как они в ней изложены. Прежде всего, необходимо проанализировать роль и место принципов равенства и равной защиты различных форм собственности, поскольку они могут заложить конституционную основу экономического производства, свободы конкуренции, а также обеспечить единство экономического пространства. Поэтому без приоритета принципов равноправия и равной защиты различных форм собственности любая конкуренция и единство экономического пространства будут бесполезны» [3].

Вместе с тем, целевое использование государственной и частной собственности отличаются субъектами управления собственностью, правовым статусом и количественным составом, в то же время их объединяет общий принцип равенства форм собственности. Благодаря этому происходит совершенствование конкуренции, снижаются издержки производства и происходит повышение эффективности производства товаров и услуг [4].

Сопоставление различных научных определенных основ и принципов в рамках конституционного права позволяет сформулировать некоторые выводы. Выявлено, что важной составляющей конституционного строя выступают экономические основы, а экономические основы конституционного строя - это совокупность конституционных принципов и норм, направленных на регулирование экономических отношений и основанных на единстве экономического пространства.

На наш взгляд, все принимаемые решения государственной власти должны быть направлены на реализацию экономических основ конституционного строя Российской Федерации, а экономические отношения основаны на социальном партнерстве между государством и человеком.

Мичурина Е.С. отмечает, что «разработка нового усовершенствованного законодательства ориентирована на обеспечение баланса интересов граждан, бизнеса и государства» [5].

В своих научных исследованиях Данилова И.В. говорит, что «делается это с целью устранения излишнего неэффективного государственного регулирования хозяйственной деятельности, а, следовательно, для стабильного развития страны как правового демократического государства и модернизации экономических основ конституционного строя Российской Федерации» [6].

Примером законодательных изменений экономических основ, позволяющих рассчитывать на поддержку государства является расширение категории предпринимателей, относящихся к среднему и малому бизнесу [7]. В принятых поправках к Федеральному закону от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» для представителей малого и среднего бизнеса установлен максимальный размер выручки (без учета НДС он в два раза выше, чем был установлен раньше).

Между научным сообществом, практиками и предпринимателями постоянно ведутся дискуссии по вопросам о проводимых реформах, выявляются нарушения предписаний конституционных принципов. Так, по данным Государственного совета Российской Федерации «усилилась тенденция экономического сепаратизма в субъектах РФ. Она выражается в действиях региональных властей, направленных на запрещение участникам рынка из других регионов вести коммерческую деятельность на территории своего субъекта. Такой характер действий был свойствен экономической политике России 1990-х годов. Данная тенденция влечет за собой угрозу экономической целостности и национальной безопасности государства» [8, 9].

Наиболее распространенными формами вмешательства государства в экономику страны являются установление запретов на ввоз товаров из других регионов. При этом, очень важна роль муниципальных властей, которые принимают соответствующие нормативно-правовые акты для поддержки конкуренции и конкурентного рынка. Примером действий региональных властей являются информационно-статистические справочники Федеральной антимонопольной службы.

Карлин А.Б. отмечает, что «Свобода экономической деятельности как основа конституционного строя тесно взаимосвязана с социальным характером Российского государства. Характеристика Российского государства как социального (ст. 7 Основного закона России) предполагает определенные обязанности не только государства, но и его хозяйствующих субъектов» [10].

В исследованиях Башкатова А.Д. говорится, что «Если свобода экономической деятельности предполагает необходимость со стороны государства создавать гарантии свободного развития хозяйствующих субъектов, то социальный характер государства связан с определенными ограничительными мерами в отношении таких субъектов» [11]. Например, минимальный размер оплаты труда, предоставление необходимых условий для работников для обеспечения охраны труда и здоровья. При этом, важными составляющими для граждан являются собственность, предпринимательство и труд, обеспечивающих механизм взаимодействия работников с государством.

В Конституции Российской Федерации, в качестве основы конституционного строя, закреплена

свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 27, ч. 1 ст. 34, ст. 35, 36, ч. 1 ст. 37 Конституции РФ), в рамках которых каждому гражданину для получения прибыли предоставляет право создавать организации, заключать договоры, открывать счета и распоряжаться финансовыми результатами своей деятельности.

Милушев Д.Ф. отмечает, что «свобода экономической деятельности предполагает, что субъекты экономики ... самостоятельно принимают решения о путях своего развития, а экономическая свобода является принципом экономической демократии, которая возможна только в условиях «свободного рынка, креативного, информационного гражданского общества» [12].

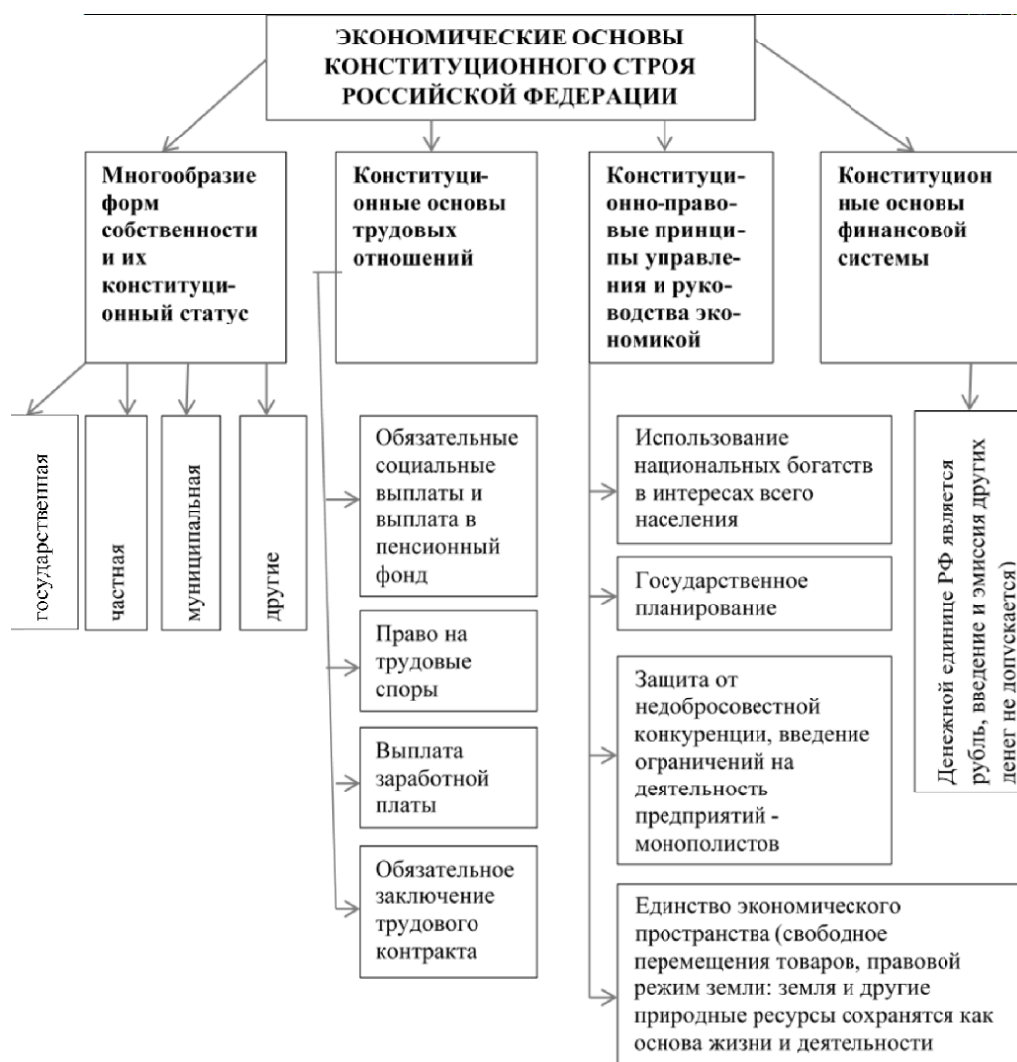

Рис. 1. Экономические основы конституционного строя Российской Федерации

Правительство заботится об экономических интересах государства, общества, личности, предполагает конституционное регулирование свободы экономической деятельности на основе принципов демократии, что проявляется в форме социального партнерства и ответственности бизнеса перед обществом.

Главным фактором, определяющих условия функционирования того или иного рынка является конкуренция и в сочетании с рыночной системой она определяет, что должна производить экономика, как эффективно организовать производство и как эффективно распределить ресурсы.

Теоретические положения о конкуренции начали формироваться ещё в середине XVIII века. Среди

основных представителей классической политической экономики можно отметить Д. Риккардо и А. Смита. Позже теоретические аспекты конкуренции рассматривались такими авторами как Дж. Кейнс, А. Маршалл, М. Портер, В. Леонтьев, Й. Шумпетер и др. В современной экономической литературе под конкуренцией понимается соперничество между людьми (конкурентами) в каждой области, которые влияют на ценовую, товарную и сбытовую политику организации, а также заинтересованы в достижениях одной и той же цели.

В то же время основным механизмом рыночной экономики является конкуренция, позволяющая сбалансировать спрос и предложение, а также критерием, по которому определяется тип отраслевого рынка [13].

В рыночной экономике конкуренция заставляет производителей постоянно снижать производственные затраты с целью увеличения прибыли, увеличивать производительность труда, улучшать качество продукции и постоянно увеличивать ассортимент предлагаемых товаров и услуг.

Таким образом, производители на рынке продуктов, товаров и услуг должны постоянно конкурировать за покупателей с различными конкурентами, чтобы получить наибольшую прибыль. На наш взгляд, чтобы конкуренция способствовала развитию экономики регионов, необходимо выполнение следующих условий:

1. С целью исключения сговора продавцов, на рынке должно присутствовать как можно больше однородного товара.

2. Конкуренция должна заинтересовать товаропроизводителей в увеличении своих доходов не только за счет повышения цен, но и за счет увеличения количества и качества произведенных продуктов.

3. Создавать потребительский рынок, превосходящий предложение над спросом, где у потребителей будет свобода выбора.

4. Государство должно регулировать конкуренцию, поскольку конкуренция носит стихийный характер, в отсутствие регулирующей роли государства она может привести к серьезным экономическим, экологическим, социальным и другим серьезным негативным последствиям.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что соблюдение положений экономических основ конституционного строя всей вертикалью власти и принятие социально-ориентированных экономических решений являются залогом динамичного развития рыночных отношений и повышения качества жизни граждан России, а также создание благоприятных условий для среднего и малого и бизнеса [14]. Основы конституционного строя находятся в тесном взаимодействии с экономическими основами, так как основы конституционного строя отражают способы взаимодействия государства с гражданином и обеспечивают права и свободы человека, а свобода экономической деятельности невозможна без демократических методов управления страной.

Литература

1. Осавелюк Е.А. Проблемы соотношения принципов территориальной целостности и права народов и наций на самоопределение // Россия: вопросы эффективного развития: научные труды ИМПЭ им. А.С.Грибоедова М. - 2010. - Вып. 2010. - С.87-93.

2. Саудаханов М.В. Экономическая основа как составляющая часть основ конституционного строя Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. - 2019. - №4. - С.89-90.

3. Саудаханов М.В. Понятие и структура экономической основы Конституционного строя Российской Федерации // Государственная служба и кадры. - 2019. - №2. - С. 38 – 43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-ekonomicheskoy-osnovy-konstitutsionnogo-stroya-rossiyskoy-federatsii>

4. Саудаханов Т.В. Право собственности как способ реализации экономической основы конституционного строя России // Образование. Наука, Научные кадры. - 2019. - №2. - С.57-64.

5. Мичурина Е.С. Законодательное обеспечение экономических прав и основ: проблемный аспект // Парламентаризм в современном мире: теория и практика: материалы VII Международного конституционного форума, посвященного 10-летию юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (11 декабря 2015 г., Саратов). Саратов. - 2016. - Ч. 1.

6. Данилова И.В. Конституционные основы ограничения прав и свобод в экономической сфере (на примере лицензирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. – 2014.

7. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: ФЗ от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 27 ноября 2017 г.) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>

8. Доклад Государственного совета Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности субъектов Российской Федерации по содействию развитию конкуренции в Российской Федерации». М., 2018.

9. Мичурина Е.С. Некоторые принципы экономических основ Конституционного строя Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. - 2018. – Т. 18. - №3.- С. 62-67.

10. Карлин, А.Б. Конституционный принцип свободы экономической деятельности в условиях социального государства. Проблемы реализации // Закон и право. №12. 2003. - С. 12-18.

11. Башкатов, А.Д. Свобода экономической деятельности как основа конституционного строя современной России // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2016. - №1. - С. 100-104.

12. Милушев, Д.Ф. К вопросу об экономической демократии // Конституционные проблемы народо-властия в современном мире: материалы VI Меж-

дународного конституционного форума, посвященного 105-летию СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Саратов. - 2015. - Вып. 6.- Ч. 1.

13. Федоренко В.И. Свобода экономической деятельности в системе конституционного строя России// *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2019. -С.82-88. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-sisteme-konstitutsionnogo-stroya-rossii/viewer>

14. Титова Е.А., Безгодова О.И., Кудинова М.Г. Единство экономического пространства - основа конституционного строя России // В сборнике: *Человек в экономико-правовом и политическом пространстве. Сборник научных статей XXIV научно-практической конференции, посвященной 30-летию со дня образования Федерации независимых профсоюзов России. Под редакцией Р.А. Самсонова, Е.С. Аничкина, И.Е. Панова. 2020. С. 138-146.*

Economic foundations of the constitutional system of the russian federation

Titova E.A., Bezgodova O.I., Kudinova M.G., Zenina O.A., Suray N.M.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Altai State Agrarian University, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky

Compliance with the provisions of the economic foundations of the constitutional system by the entire vertical of power and the adoption of socially-oriented economic decisions are the key to the dynamic development of market relations and an improvement in the quality of life of Russian citizens, as well as the creation of favorable conditions for medium and small businesses. The foundations of the constitutional system are in close interaction with the economic foundations, since the foundations of the constitutional system reflect the ways of interaction between the state and the citizen and ensure human rights and freedoms, and freedom of economic activity is impossible without democratic methods of governing the country.

The article examines the economic foundations of the constitutional system of the Russian Federation; its basic principles and factors determining the conditions of functioning of a particular market are identified; it is concluded that in Russia the regulation of specific legal relations should be carried out by economic and administrative methods.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, the principles of the economic foundations of the constitutional system of the Russian Federation, the single economic space, freedom of economic activity, state property, private property, municipal property, competition.

References

1. Osavelyuk E.A. Problems of correlation of the principles of territorial integrity and the right of peoples and nations to self-determination// *Russia: issues of effective development: scientific works of the IMPE named after A.S.Griboyedov M.*- 2010. - Issue. 2010. - pp.87-93.
2. Saudakhanov M.V. Economic basis as a component of the foundations of the constitutional system of the Russian Federation// *Education. The science. Scientific personnel.* - 2019. - No. 4. - pp.89-90.
3. Saudakhanov M.V. The concept and structure of the economic basis of the Constitutional system of the Russian Federation// *Civil service and personnel.* - 2019. - No. 2. - pp. 38-43. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-ekonomicheskoy-osnovy-konstitutsionnogo-stroya-rossiyskoy-federatsii>
4. Saudakhanov T.V. Property right as a way to implement the economic basis of the constitutional system of Russia// *Education. Science, Scientific personnel.* - 2019. - No. 2. - pp.57-64.
5. Michurina E.S. Legislative support of economic rights and foundations: a problematic aspect // *Parliamentarism in the Modern World: Theory and Practice: Materials of the VII International Constitutional Forum dedicated to the 10th anniversary of the Faculty of Law of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (December 11, 2015, Saratov).* Saratov. - 2016. - Part 1.
6. Danilova I.V. Constitutional bases of restriction of rights and freedoms in the economic sphere (on the example of licensing): *autoref. dis. ... cand. jurid. sciences. M.* - 2014.
7. On the Development of Small and medium-sized Businesses in the Russian Federation: Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 (as amended, dated November 27, 2017) // *SZ RF. 2007. No. 31. St. 4006.* [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Report of the State Council of the Russian Federation "On priority areas of activity of the subjects of the Russian Federation to promote competition in the Russian Federation". Moscow, 2018.
9. Michurina E.S. Some principles of the economic foundations of the Constitutional system of the Russian Federation// *Bulletin of the Volga Institute of Management.* - 2018. - Vol. 18. - No. 3.- pp. 62-67.
10. Karlin, A.B. The constitutional principle of freedom of economic activity in the conditions of a social state. *Problems of implementation // Law and Law. No.12. 2003.* - pp. 12-18.
11. Bashkatov, A.D. Freedom of economic activity as the basis of the constitutional system of modern Russia // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky.* - 2016. - No. 1. - pp. 100-104.
12. Milushev, D.F. On the question of economic democracy // *Constitutional problems of democracy in the modern world: materials of the VI International Constitutional Forum dedicated to the 105th anniversary of N.G. Cheryshevsky SSU. Saratov.* - 2015. - Issue 6.- Part 1.
13. Fedorenko V.I. Freedom of economic activity in the system of the constitutional system of Russia// *Legal policy and legal life.* - 2019. -p.82-88. [electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-ekonomicheskoy-deyatelnosti-v-sisteme-konstitutsionnogo-stroya-rossii/viewer>
14. Titova E.A., Bezgodova O.I., Kudinova M.G. Unity of economic space - the basis of the constitutional system of Russia // In the collection: *A man in the economic, legal and political space. Collection of scientific articles of the XXIV scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of the formation of the Federation of Independent Trade Unions of Russia. Edited by R.A. Samsonov, E.S. Anichkin, I.E. Panov. 2020. pp. 138-146.*

Формирование антикоррупционных стратегий в развитии муниципалитетов

Чеботарева Ирина Юрьевна

к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин, Адыгейский государственный университет, филиал в г. Белореченске, Vetal_01@list.ru

Удычак Фатима Нурбиевна

к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, f.udychack@yandex.ru

Тхаркахо Марина Меджидовна,

к.э.н., доцент кафедры конституционного и административного права, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, marina.txarkaho@mail.ru

Мамишева Зара Аскарбиевна

к.ю.н., доц., доцент кафедры теории и истории государства и права и политологии
Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, mamisheva.zara@mail.ru

Марков Пётр Николаевич

к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Markov.petr1977@mail.ru

Развитие социально ориентированного государства, которое функционирует на принципах демократии и верховенства права де-факто невозможно без организованного привлечения институтов гражданского общества в стратегию и практику публичных управленческих процессов. В целях гармоничного функционирования публичной и социальной подсистем в единой модели государственного управления, от сферы реализации управленческих функций, необходимым является определение предмета, цели и алгоритма кооперации институтов гражданского общества и учреждений государственного управления. Национальное законодательство России достаточно поверхностно определяет основы такой кооперации, выделяя лишь партикулярные аспекты участия институтов гражданского общества в публичных процессах, закрепляя, в основном абстрактные нормы, которые носят характер принципов, а затем лишь фрагментарно очерчивая реальную систему полномочий данного социального института в современных условиях социальной жизни. В частности, Конституцией России определению полномочий институтов гражданского общества не оказано должного внимания, при этом Основным законом установлено лишь право граждан на объединение, свободу слова и мирные собрания, доступ к информации, что свидетельствует об отсутствии закрепления практических индикаторов функционального статуса данных институтов.

Ключевые слова: муниципалитет, стратегия, противодействие коррупции, формирование, развитие.

С точки зрения законодателя социальная роль институтов гражданского общества ограничивается следующими векторами деятельности: реализация программных целей, консультации государственных и муниципальных институтов, осуществление согласования отдельных назначений в пределах штатов соответствующих публичных учреждений.

Учитывая то, что профильным нормативно-правовым актом, который определяет принципы функционирования институтов гражданского общества в России недостаточно определены функции данной компоненты социального механизма, а другими нормативно-правовыми актами бланкетно дублируются приведенные положения, считаем необходимым систематизировать функции гражданского общества, которые, последнее, реализуют в условиях взаимодействия с публичными субъектами:

1) учредительная (создание как общественных институтов общего типа, так и специализированных объединений, союзов, программными целями которых охватывается решение ряда вопросов, по которым взаимодействие общества и государства является крайне желательным; деятельность согласительных советов, общественных комиссий по отбору кандидатов на публичную службу);

2) консультативное (совещательное участие в подготовке и дальнейшем обсуждении проектов нормативно-правовых актов; предоставление дополнительной информации институтам публичного управления по вопросам развития соответствующих территориальных единиц);

3) контрольно-надзорная (мониторинг эффективности деятельности публичных институтов и принятие необходимых мер реагирования в случае выявления нарушений);

4) информационная (исследование публичной информации; анализ отчетности институтов публичного управления относительно состояния реализации программ развития и др);

5) координирующая (содействие институтам публичной власти в решении вопросов по налаживанию транснациональной, межотраслевой и других форм взаимодействия для эффективного выполнения функциональных полномочий такими институтами).

Перечисленные функции, учитывая их общий характер должны быть детализированы, в контексте участия гражданского общества именно в предотвращении коррупции, путем их проекции через призму задач антикоррупционного законодательства и одноименной государственной политики. В решении этого вопроса ключевое значение приобретает международная конвенционная практика, которая служит краеугольным камнем для си-

стематизации роли институтов гражданского общества в предотвращении коррупции в публичном аппарате.

Хотя проблема коррупции и составляет существенный фактор беспокойности международного сообщества, имеющиеся политико-правовые средства, предоставленные международным правительственным организациям, не позволяют формально закрепить императивные предписания, которые бы обязывали государств-участников к направленному применению или видоизменению внутренних регуляторных актов, или же практики их применения, следствием чего является закрепление в данной конвенции исключительно рекомендательных мер информационного и организационного типов.

Хотя «Стамбульский план действий» и носит рекомендательно-стратегический характер, приходится констатировать весомый вклад его положений в понимание стратегии интеграции гражданского общества в плоскость антикоррупционной практики в государстве. Так, помимо традиционных для международной конвенционной практики информационно-аналитических акцентов на возможные формы социально-публичной кооперации по вопросу предотвращения коррупции, данным актом предложено применение механизма участия неправительственных организации именно в процессе мониторинга эффективности деятельности государственных учреждений [9]. Данный факт свидетельствует о констатации переосмысления международным сообществом роли гражданского общества в предотвращении коррупции как явлению, что проявляется в отступлении от закрепления за институтами общества исключительно в роли пассивного участника антикоррупционной стратегии, отводя последнему роль субъекта контрольно-надзорного влияния на качество управленческих процессов в государстве [4].

Исследованию влияния гражданского общества на противодействие коррупции в России хотя и уделялось значительное внимание в отечественной правовой науке, все же качество таких научных изысканий в смысле практически-прикладного значения их результатов для разработки целостной стратегии интеграции социальных институтов в практику антикоррупционной деятельности остается неудовлетворительным [2].

Оправданное отступление от устоявшейся модели позиционирования гражданского общества в качестве пассивного участника антикоррупционных процессов, осуществленное в исследованиях, в то же время с бессистемным анализом данного вопроса в правовой литературе, обуславливает необходимость детальной экспликации содержательного наполнения каждой из определенных автором антикоррупционного значения функций гражданского общества в современной модели функционирования государства с отражением практических форм манифестации данных функций в конкретных политико-правовых мероприятиях, которые осуществляются или могут быть интегрированы в национальную правовую систему [10].

Антикоррупционное измерение учредительной функции гражданского общества в национальной правовой системе России находит свое проявление в следующих формах: основания специализированных общественных объединений, программными целями которых выступает мониторинг коррупционной активности в органах публичного управления, консолидация сведений о коррупционных правонарушениях и принятии мер по обеспечению необходимого правового реагирования на проявления коррупции.

Участие общественных организаций в реализации антикоррупционной политики в государственном механизме приобретает все большее значение во многих государствах. В качестве примера выраженной динамики может служить развитие Transparency International – всемирной неправительственной организации, основанной в 1993 году в ФРГ в качестве общественного объединения равнодушных участников общества, которые заинтересованы в обеспечении верховенства права во всех вопросах общественной жизни и чувствуют внутреннюю нетерпимость к любым проявлениям коррупции, даже в самых мелких бытовых ее формах. Динамичное развитие национального антикоррупционного общественного объединения в международную организацию с представительством в более чем 140 странах мира, исследованию которой диктуют условия для определения стратегии политического развития как отдельных государств, так и международного сообщества в целом, подчеркивает верность учредительной роли институтов гражданского общества в предотвращении коррупции в государственном и муниципальном аппаратах.

В контексте исследования данной формы учредительных антикоррупционных полномочий институтов гражданского общества прослеживается интересная особенность, которая функционально отделяет социальную институциональную антикоррупционную систему от ее публичного аналога: количество общественных организаций, которые специализируются на предотвращении коррупции прямопропорционально влияет на уровень интенсивности общей антикоррупционной деятельности с социальным локусом инициации; в свою очередь дифференциация однотипных полномочий в сфере предотвращения коррупции экспоненциально снижает результативность такой деятельности при каждом увеличении количества публичных антикоррупционных институтов [3].

Исследование указанных фактов требует комплексного, кое-где межотраслевого подхода, а также проведения скрупулезного исследования, что, в силу несовершенства процедуры конкурсного отбора, отсутствия алгоритма проведения такой проверки, труднодоступности данного типа информации остается в стороне от внимания публичных учреждений, осуществляющих отбор кандидатов [8]. Осуществление компенсаторной функции по устранению приведенной правовой пробелы возлагается именно на институты гражданского обще-

ства, которые могут приобретать форм квалификационных советов, консультативных комиссий, общественных комиссий, действующих на постоянной основе при соответствующих центральных органах публичной власти (в основном тех, которые осуществляют правоохранительные функции), их территориальных управлениях. Функциональным назначением приведенных органов выступает одновременное отсеивание лиц, не отвечающих требованиям по добропорядочности, а также превенция потенциальных проявлений коррупции при проведении профессионального отбора штатным персоналом соответствующего властного института.

Конвенционная практика международного сообщества закрепляет тенденцию по применению комбинированного варианта формирования структуры, а следовательно и персонального состава органов государственной власти в государствах-подписантах. Нередкими случаями является интеграция в структуру органов государственной власти коллегиально-избранных представителей территориальных общин, профильных общественных организаций, социальных объединений другого типа, в том числе по созданию соответствующих подразделений, в основном наделенных контрольно-надзорными полномочиями.

В отличие от модели функционирования совещательных органов, наделенных полномочиями по первичному отбору кандидатов на должности, интеграция представителей гражданского общества в структуру институтов публичной власти позволяет обеспечить текущий анализ управленческой деятельности, не ограничиваясь при этом исключительно одним направлением кадровой работы властной учреждения. Эффективность антикоррупционной деятельности гражданского общества будет достигать своего апогея включительно в случае постоянного мониторинга управленческих процессов в государственном аппарате. Дистанционное выполнение данной задачи сводит на нет его практическую действенность [7].

Автором отстаивается необходимость введения механизма штатной интеграции в структуру центральных органов государственной власти, их управлений в областных центрах и учреждений местного самоуправления в областях в качестве самостоятельного подразделения коллегиальных комиссий, формирование которых будет происходить из числа представителей профильных общественных организаций, задействованных в сфере выявления и реагирования на проявления коррупции. Сферой ведения указанных подразделений должна охватываться норма-проектная, договорная, тендерная и текущая управленческая деятельность учреждения, при которой аккредитовано указанное подразделение для идентификации и реагирования на коррупционные риски в указанных сферах деятельности публично звена управления [5].

Содержанием консультативной функции институтов гражданского общества в процессе их участия в осуществлении антикоррупционной деятельности охватываются:

- подготовка и представление по требованию уполномоченных субъектов нормотворческой деятельности проектов нормативных актов, направленных на предупреждение коррупции, в том числе по вопросам общей компетенции соответствующих органов публичной власти в части превенции коррупционных рисков, которые могут иметь место в таких нормативных актах;

- предоставление аргументированных разъяснений действующего законодательства по вопросам предотвращения коррупции при сложности однозначного выявления коррупционных факторов в фактуальной ситуации, которая вносится на рассмотрение общественного института;

- текущее экспертно-аналитическое содействие публичным учреждениям по вопросам, требующим системного, в том числе доктринального, толкования национального законодательства.

По нашему мнению, в контексте раскрытия особенностей контрольно-надзорной функции институтов гражданского общества как механизма предотвращения коррупции следует обратить внимание на ряд ее дополнительных особенностей, о которых речь не идет в доктринальных разведках, впрочем, свидетельствуют достижения высокого уровня антикоррупционной эффективности такой функции [1]:

- проведение контрольно-надзорных мероприятий общественными организациями происходит на добровольных и бесплатных началах, что минимизирует нагрузку на источники бюджетных ассигнований;

- комплексность проверки не ограничивается рамками предмета инспектирования, очерченного в соответствующем решении-направлении, применение которого присуще в контексте публичных проверок, а следовательно, предметом проверки выступают все аспекты публичной деятельности инспектируемого органа управления;

- осуществление мероприятий общественного контроля, в основном носит скрытый (латентный) характер, что обеспечивает максимальное приближение содержания управленческих процедур при проверке к их типовому значению в повседневной практике [6];

- общественные мероприятия контрольно-надзорного характера могут приобретать значение «контрольного запроса на предоставление административных услуг, при котором представитель общественной организации выступает в качестве получателя соответствующей государственной услуги, а инспектируемый орган государственной власти в качестве поставщика такой услуги. Таким образом потенциальные коррупционные риски, искусственные бюрократические препятствия в надлежащем обеспечении процедуры управления прослеживаются не только документально, но и в динамике, что позволяет максимально полно задокументировать такие факторы для дальнейшего обеспечения реагирования на них.

Имманентное наполнение информационной функции в осуществлении антикоррупционной деятельности и институтами гражданского общества

включает ряд процессов и мер, связанных с операционализацией публичной информации. Отечественные научные исследования лишь формально указывают на отдельные формы данной функции общественных институтов, при этом не систематизируя их комплексную архитектуру, что диссоциируется с задачей интеграции результатов таких исследований в призму практического правоприменения [11].

Для примера, исследуя проблему предотвращения коррупции как форма активности гражданского общества в ФРГ отмечали, что широкий спектр правовых возможностей, обусловленный существованием демократического режима управления, в большинстве зарубежных государств, создает практическую возможность гражданских институтов и отдельных индивидов осуществлять информационный анализ практики функционирования государственных учреждений. Самым эффективным из системы информационных средств анализа публичного управления, безусловно является механизм публичного запроса на получение информации.

Литература

1. Запруднов, И. В. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии коррупции в муниципалитете / И. В. Запруднов // Научный поиск. – 2016. – № 1. – С. 43-49.

2. Шабанов, Х. М. Роль и место органов прокуратуры Российской Федерации в механизме противодействия коррупции / Х. М. Шабанов // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 12(151). – С. 418-419. – DOI 10.46320/2073-4506-2020-12-151-418-419.

3. Степанцов, М. Е. Моделирование системы "власть-общество-экономика" с элементами коррупции на основе клеточных автоматов / М. Е. Степанцов // Математическое моделирование. – 2017. – Т. 29. – № 9. – С. 101-109.

4. К вопросу о коррупции на муниципальном уровне / А. В. Ильиных, Г. Е. Кузнецова, П. В. Исаякина, Я. О. Путинцева // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 111-117.

5. Андреева, Л. А. Коррупционные факторы публичных и частных договоров в местном самоуправлении / Л. А. Андреева // Вопросы современной юриспруденции. – 2017. – № 3-4(65). – С. 19-30.

6. Харькова, О. М. Противодействие коррупции в органах местного самоуправления / О. М. Харькова, Н. С. Познахарева // Матрица научного познания. – 2019. – № 4. – С. 262-264.

7. Зотов, В. Б. Институты и технологии государственного и муниципального управления / В. Б. Зотов, К. О. Терехова // Муниципальная академия. – 2020. – № 3. – С. 2-5.

8. Афанасов, А. Н. Системы электронного документооборота как один из путей преодоления бюрократизма и коррупции в системе государственного и муниципального управления / А. Н. Афанасов // Столица науки. – 2019. – № 10(15). – С. 35-44.

9. Петухов, Р.В. О причинах восприятия местных органов власти как наиболее коррумпированных властных и общественных институтов современной России / Р. В. Петухов // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 6. – С. 77-86. – DOI 10.31171/vlast.v27i6.6832.

10. Ватлина, Л.В. Теоретические основы и проблемы местного самоуправления в современных условиях / Л. В. Ватлина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 2(128). – С. 51-56.

11. Сулимов, Н.Ю. Ужесточение административной ответственности государственного служащего как мера совершенствования антикоррупционной политики / Н.Ю. Сулимов // Юридическая наука. 2019. № 3. С. 17-19.

Formation of anti-corruption strategies in the development of municipalities

Chebotareva I.Y., Udychak F.N., Tkharakho M.M., Mamisheva Z.A., Markov P.N.

Adyge State University, branch in Belorechensk.

The development of a socially oriented state that operates on the principles of democracy and the rule of law is de facto impossible without the organized involvement of civil society institutions in the strategy and practice of public management processes. In order to ensure the harmonious functioning of the public and social subsystems in a single model of public administration, regardless of the sphere of implementation of managerial functions, it is necessary to determine the subject, purpose and algorithm of cooperation between civil society institutions and public administration institutions. The national legislation of Russia rather superficially defines the foundations of such cooperation, highlighting only the specific aspects of the participation of civil society institutions in public processes, fixing mainly abstract norms that are in the nature of principles, and then only fragmentally delineating the real system of powers of this social institution in modern conditions of social life. In particular, the Russian Constitution does not pay due attention to the definition of the powers of civil society institutions, while the Basic Law only establishes the right of citizens to association, freedom of speech and peaceful assembly, access to information, which indicates the lack of consolidation of practical indicators of the functional status of these institutions.

Keywords: municipality, strategy, anti-corruption, formation, development.

References

1. Zaprudnov, IV On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption laws in the municipality / IV Zaprudnov // Scientific search. - 2016. - No. 1. - S. 43-49.
2. Shabanov, Kh. M. The role and place of the prosecution authorities of the Russian Federation in the anti-corruption mechanism / Kh. M. Shabanov // Eurasian legal journal. - 2020. - No. 12 (151). - S. 418-419. - DOI 10.46320 / 2073-4506-2020-12-151-418-419.
3. Stepanov, ME Modeling of the "power-society-economy" system with elements of corruption based on cellular automata / ME Stepanov // Mathematical modeling. - 2017. - T. 29. - No. 9. - S. 101-109.
4. On the issue of corruption at the municipal level / A. V. Ilyikh, G. E. Kuznetsova, P. V. Isaykina, J. O. Putintseva // Scientific Notes of PNU. - 2017. - T. 8. - No. 2. - S. 111-117.
5. Andreeva, L. A. Corruption factors of public and private contracts in local government / L. A. Andreeva // Questions of modern jurisprudence. - 2017. - No. 3-4 (65). - S. 19-30.
6. Kharkov, OM Anti-corruption in local government / OM Kharkov, NS Poznakhareva // Matrix of scientific knowledge. - 2019. - No. 4. - S. 262-264.
7. Zotov, V. B. Institutes and technologies of state and municipal management / V. B. Zotov, K. O. Terekhova // Municipal Academy. - 2020. - No. 3. - P. 2-5.
8. Afanassov, A. N. Electronic document management systems as one of the ways to overcome bureaucracy and corruption in the system of state and municipal administration / A. N. Afanassov // Capital of Science. - 2019. - No. 10 (15). - S. 35-44.
9. Petukhov, RV On the reasons for the perception of local authorities as the most corrupt government and public institutions of modern Russia / RV Petukhov // Power. - 2019. - T. 27. - No. 6. - S. 77-86. - DOI 10.31171 / vlast.v27i6.6832.
10. Vatlina, LV Theoretical foundations and problems of local self-government in modern conditions / LV Vatlina // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. - 2021. - No. 2 (128). - S. 51-56.
11. Sulimov N.Yu. Tightening of the administrative responsibility of a civil servant as a measure to improve anti-corruption policy // Legal Science. 2019.No. 3.P. 17-19.

Особенности применения гражданско-правовых механизмов защиты предпринимателей от незаконных действий органов власти и должностных лиц

Кудинов Сергей Владимирович

аспирант, Российский государственный социальный университет, адвокат, Адвокатская Палата Московской области, SR-Podolsk@yandex.ru,

В целях экономического развития России руководством государства поставлена задача формирования стабильного среднего класса, механизмом создания которого, является государственная поддержка предпринимательства. В то же время существуют факторы, ограничивающие предпринимательскую деятельность. Уровень защиты прав предпринимателей определяется сложившимися институциональными и правовыми условиями, включая наличие административных барьеров в ведении предпринимательской деятельности на той или иной территории. Несмотря на целый комплекс вариантов защиты прав предпринимателей, его субъекты не чувствуют себя защищенными по причине несовершенства законодательства, судебной системы и низкой юридической грамотности самих предпринимателей. Автор считает, что сложившаяся тенденция в стране говорит не об усилении контроля за предпринимателями, а об увеличении их ответственности с учетом повышения открытости и прозрачности отношений между государством и бизнесом.

Ключевые слова: предприниматели, государственные органы, налоговая служба, уполномоченный по правам человека, гражданское право.

Ни один государственный орган или должностное лицо никогда не ставит перед собой целью оказание, какого либо давления на предпринимателей. В то же время на практике встречаются единичные случаи неправомерных действий государственных структур относительно нормального функционирования малого и среднего бизнеса.

В последнее время участились случаи оказания давления на бизнес со стороны Федеральной налоговой службы. Так с конца 2020 года в Москве активно проводятся следственные действия в подразделениях ФНС, итогом которых становятся массовые задержания сотрудников налоговой — только в апреле сообщалось о пяти задержаниях по делам о вымогательстве. Ранее Федеральная служба безопасности и Следственный комитет работали по межрайонным инспекциям, но уже в 2021 году обыски затронули офис и Московского управления ФНС [6].

Неправомерные действия налоговой службы проявляются в виде вынесения решения об отказе в государственной регистрации нового места нахождения (адреса) организации с последующими негативными для предпринимателей последствиями.

В этом ключе, уместно привести пример подобного казуса, который произошел в мае 2021 года с московской строительной компанией ООО «Континенталь-С», которая завершив свою деятельности в Москве, планировала передислоцироваться в Уфу по месту нахождения учредителя, с последующим изменением юридического адреса. Однако республиканская налоговая служба воспрепятствовала подобным действиям [6].

Казалось бы, простая ситуация: организация решила поменять место нахождения из Москвы переехать в Башкортостан.

Для этого в регистрирующий орган подается заявление о государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы юридического лица (с приложением документов, подтверждающих внесение изменений в учредительные документы и нахождение организации по новому адресу).

Однако на практике все больше организаций жалуются на то, что налоговая инспекция (как регистрирующий орган) чинит препятствия и под надуманными предлогами отказывает в регистрации нового места нахождения организации [8].

По сути, Межрегиональная инспекция Федеральной налоговой службы №39 по Республики Башкортостан не пускает в республику московские коммерческие компании. Об этом говорят десятки отказов и затягиваний в регистрации московских компаний на территории Башкортостана [6].

39-ая налоговая служба дала негласную установку районным налоговым инспекциям – приостанавливать государственную регистрацию московских ООО и затягивать процесс проверок, а в случае с ООО «Континенталь-С» сотрудники 2-ой налоговой службы проводят бесконечные проверками, не допуская регистрацию московского ООО в Уфе, вынуждая закрыть действующую организацию и открыть новую [6].

По сути, налоговая инспекция прямо препятствует реализации указаний президента России Владимира Путина по поддержке малого бизнеса и предпринимательства, всячески блокируя вхождение федеральных инвесторов и коммерческих предприятий в республику [1].

Таким образом, предприниматели часто становятся жертвами административного произвола, который отражается не только на благосостоянии предпринимателей, но и негативно сказывается на национальных интересах страны. На этот дисбаланс в юридической практике Общественная палата Российской Федерации неоднократно обращала внимание Президента России, Государственная Дума постоянно вносит изменения в законы и акты, а исполнительные органы власти ограничивают проверки, поэтому существует устойчивая тенденция к уменьшению административных барьеров, однако в большинстве случаев предприниматели вынуждены отстаивать свою позицию в судебных решениях.

В представленном выше примере с московской строительной компанией видится нарушение, закрепленного в статье 34 Конституции Российской Федерации права на предпринимательскую деятельность, путем создания административных сдерживающих барьеров.

В этой связи возрастает актуальность выработки механизмов защиты предпринимателей от неправомερных действий представителей государственных органов, обеспечивающий синтез императивной и диспозитивной правовой методологии.

Защита прав всегда предусматривает процедуру осуществления субъективного права при условии появления факторов, ограничивающих возможность их реализации и представляет собой устранение ограничений, реализацию правового статуса, восстановление нарушенных прав и наказание виновного.

По сути, главной целью государственно-правовой защиты прав предпринимателей является превенция, выявление и устранение препятствий реализации законных прав [7].

Отдельно уместно выделить институт уполномоченных по правам предпринимателей, введенный в 2013 году Федеральным законом от 07.05.2013 «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» №78-ФЗ, предусматривающий создание структуры уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах федерации и при Президенте России, а также определяет их правовое положение, основные задачи и компетенцию [2].

Закон устанавливает, что «уполномоченный по правам предпринимателей гарантирует государственную защиту прав и законных интересов предпринимателей и соблюдения соответствующих прав органами власти всех уровней и должностными лицами» [2]. Это указывает на создание государственного института, преследующего цель обеспечения защиты прав предпринимателей.

Важнейшим законом защиты предпринимателей от незаконных действий государственных органов, наделенных контрольно-надзорными функциями, является Федеральный закон от 26.12.2008 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» № 294-ФЗ. Данный закон структурирует порядок проведения всевозможных видов проверок – плановых и внеплановых, а также регламентирует условия и правила их проведения. Помимо этого важнейшим шагом к воспрепятствованию давлению на предпринимателей послужил факт наделения прокуратуры полномочиями по согласованию внеплановых выездных проверок бизнеса и формированию ежегодного сводного плана проведения плановых проверок [4].

Согласно Конституции России интересы предпринимателей призвана охраняться вся система права, в том числе нормы различных ее отраслей. Так, методы защиты гражданских прав на занятие предпринимательской деятельностью представлены в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный перечень не является исчерпывающим, и позволяет применять другие способы правовой защиты, предусмотренные законом. Следовательно, и гражданско-правовые механизмы защиты прав предпринимателей в Российской Федерации могут быть самыми разными, но все они должны находиться в правовой плоскости. В этом контексте применимы имеющиеся институты и инструменты гражданско-правовой защиты предпринимательских прав. Однако, решение о выборе и о применении того или иного механизма правовой защиты должно исходить от самого субъекта предпринимательской деятельности. Только сам предпринима-

тель, как носитель права, может принимать решение об инициировании процесса защиты своих прав, если сочтет, что они нарушаются [5].

Также, уместно обратить внимание на то, что на практике институт уполномоченного по правам предпринимателя не оказывает конкретной правовой помощи, а играет роль рупора, выражающего интересы предпринимателей. Подобный рупор успешно решил одну из основных проблем, преследующих бизнес - проверки многочисленными ведомствами, которую законодатель постепенно решает, внося изменения в нормативные акты, направленные на защиту интересов субъектов предпринимательства.

Важно понимать, что, дав предпринимателям возможность защитить себя, законодатель значительно расширил круг допустимых действий, значительно демократизирующих систему малого и среднего бизнеса в России. При применении административного механизма, действия должностных лиц обжалуются в вышестоящую инстанцию, однако следует учитывать, что в некоторых случаях судебная процедура невозможна до тех пор, пока не будут исчерпаны средства административного урегулирования. Если это не предусмотрено или административная процедура обжалования не увенчалась успехом, можно подать иск в суд, для взыскания убытков, причиненных незаконными действиями сотрудников из какого-либо государственного ведомства.

Однако положения о гражданско-правовой защите прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля нуждаются в надлежащем правовом регулировании, по причине наличия правовой брешы и ряда существенных противоречий в действующем законодательстве. А именно, отсутствует концептуальное понимание ресурсов гражданско-правовой защиты предпринимателей, которые применимы при осуществлении государственного контроля [6].

Изложение гражданско-правового принципа презумпции добросовестности предпринимателей ограничивает реализацию полного спектра защиты прав предпринимателей, в отношении которых осуществляется государственный контроль.

Правоотношения по реализации государственного контроля исполнения условий гражданско-правовых договоров, в которых государство выступает продавцом имущества или права, не подпадают под действие Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», в результате чего уровень гражданско-правовой защиты прав предпринимателей, выступающих покупателями по таким договорам снижен [6].

Помимо этого, законодательно не установлены условия удовлетворения требования о возмещении вреда, причиненного при осуществлении государственного контроля, предъявляемого потерпевшим субъектам предпринимательства.

Литература

1. Абашев Е.Г. Государственно-правовая защита прав предпринимателей / Е.Г. Абашев // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 3. - С. 940.
2. Гудман С.А. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве / С.К. Жиров // Юрайт. 2021. № 1. - С. 65 - 76.
3. Евский Я.Ю. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / Я.Ю. Евский // М.: Инфра-М, 2020. - С.276.
4. Жиров С.К. Юридическая ответственности государства // Пробелы в российском законодательстве / С.К. Жиров // 2018. № 6. - С. 80-84.
5. Кобзев А.С. Предпринимательское право России / А.С. Кобзев. – Саратов: «Перспектива». – С. 390.
6. Обжалование решения налоговой инспекции об отказе в государственной регистрации нового места нахождения (адреса) организации / Zakon.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/09/16/obzhalovanie_resheniya_nalogovoj_inspekcii_ob_otkaze_v_gosudarstvennoj_registracii_novogo_mesta_nahozhdeniya
7. Панченко А.И. К вопросу о понятии нормы административного права / А.И. Панченко // Право. Экономика. Безопасность. 2017. № 1-2 (10). С. 85-86.
8. Смирнова Т.И. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в современной России / Т.И. Смирнова // М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2019. – С. 448.

Features of the application of civil law mechanisms for the protection of entrepreneurs from illegal actions of authorities and officials

Kudinov S.V.

Russian State Social University

With a view to the economic development of Russia, the state leadership has set the task of forming a stable middle class, the mechanism for creating which is state support for entrepreneurship. At the same time, there are factors limiting entrepreneurial activity. The level of protection of the rights of entrepreneurs is determined by the existing institutional and legal conditions, including the presence of administrative barriers in doing business in a particular territory. Despite a whole range of options for protecting the rights of entrepreneurs, its subjects do not feel protected due to imperfect legislation, the judicial system and low legal literacy of entrepreneurs themselves. The author believes that the current trend in the country speaks not of strengthening control over entrepreneurs, but of increasing their responsibility, taking into account the increased openness and transparency of relations between the state and business.

Keywords: entrepreneurs, government agencies, tax service, human rights ombudsman, civil law.

References

1. Abashev E.G. State legal protection of the rights of entrepreneurs / E.G. Abashev // Actual problems of economics and law. 2020.Vol. 14.No. 3. - P. 940.
2. Goodman S.A. The ratio of guilt and wrongfulness in civil law / S.K. Zhiron // Yurayt. 2021. No. 1. - P. 65 - 76.
3. Yevsky Y.Yu. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation / Ya.Yu. Evsky // М.: Инфра-М, 2020. - p. 276.
4. Zhiron S.K. Legal responsibility of the state // Gaps in Russian legislation / S.K. Zhiron // 2018. No. 6. - P. 80-84.
5. Kobzev A.S. Entrepreneurial law of Russia / A.S. Kobzev. - Saratov: "Perspective". - S. 390.

6. Appeal against the decision of the tax inspectorate to refuse state registration of the new location (address) of the organization / Zakon.ru [Electronic resource]. - Access mode: https://zakon.ru/blog/2020/09/16/obzhalovanie_resheniya_nalogovoj_inkspicij_ob_otkaze_v_gosudarstvennoj_registracii_novogo_mesta_nahozheniya
7. Panchenko A.I. On the question of the concept of the norm of administrative law / A.I. Panchenko // Law. Economy. Security. 2017. No. 1-2 (10). S. 85-86.
8. Smirnova T.I. Institute of the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in Modern Russia / T.I. Smirnova // M.: NORMA: INFRA-M, 2019. - P. 448.

Совершенствование механизмов возмещения вреда, причиненного преступлением

Муллахметова Н.Е.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Смоленский филиал Саратовской государственной юридической академии, зав. кафедрой организации правоохранительной и судебной деятельности Смоленского государственного университета

На протяжении многих лет проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, остается актуальной для науки и практики. Официальная статистика свидетельствует, что за первое полугодие 2020 года ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 292,7 млрд. рублей. При этом существенная часть ущерба (91,1%) приходится на преступления, зарегистрированные в городах и поселках городского типа.

В статье рассматриваются изменения законодательства последних лет, направленные на защиту интересов потерпевших от преступлений в части возмещения причиненного вреда, а также некоторые научные разработки по этому вопросу. Указывается на недостаточность принятых мер и на возможные пути дальнейшего совершенствования правовых механизмов в данной сфере.

Ключевые слова: возмещение причиненного преступлением вреда, потерпевший, уголовный процесс

На протяжении многих лет проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, остается актуальной для науки и практики. Официальная статистика свидетельствует, что за первое полугодие 2020 года ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 292,7 млрд. рублей. При этом существенная часть ущерба (91,1%) приходится на преступления, зарегистрированные в городах и поселках городского типа [13]. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за этот же период судами рассмотрено 39701 гражданский иск, из них удовлетворено на сумму 113 287 941 993 рублей [5]. И хотя даже эти цифры впечатляют, это только учтенные данные, нельзя забывать о латентной преступности и причиняемом ею ущербе.

Ст. 52 Конституции РФ гарантирует потерпевшим право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба. Уголовно-процессуальный закон определяет в качестве одной из задач судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

В процессуальной науке и в законодательстве разработаны различные варианты возмещения причиненного преступлением вреда: это и гражданский иск в уголовном деле, добровольное возмещение вреда, уголовно-процессуальная реституция (т.е. возврат в натуре вещей, которые были утрачены в результате совершения преступления, через институт вещественных доказательств), подача гражданского иска за рамками уголовного процесса, а также возмещение вреда государством в некоторых случаях.

В последние годы в Уголовно-процессуальный и Уголовный кодексы РФ внесены изменения, направленные на обеспечение прав потерпевшего, в том числе на возмещение причиненного преступлением вреда. Так, в соответствии с Федеральным законом № 432 от 28.12.2013 одним из условий отмены условного осуждения и снятия судимости является полное или частичное возмещение вреда условно осужденным в размере, определенном решением суда. Этим же законом аналогичное условие внесено и в другие статьи (об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, о судимости), к судебным издержкам отнесены суммы, выплачиваемые потерпевшему на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю потерпевшего, в УПК РФ включена статья 160.1 о принятии мер по обеспечению гражданского иска. Все это, несомненно, направлено на защиту прав и законных интересов потерпевших.

Положительным моментом является и то, что в проектах закона о введении в Уголовный кодекс ка-

тегории «проступок» предусматривается обязанность лица, совершившего отдельные категории уголовных проступков, возместить причиненный ущерб, при невыполнении которой лицо привлекается к уголовной ответственности в общем порядке [6]. Все названные меры направлены на стимулирование позитивного посткриминального поведения лица, на реализацию идеи восстановительного правосудия.

Но на практике эти положения не всегда приводят к ожидаемым результатам. Так, в ряде субъектов Российской Федерации в докладах уполномоченных по правам человека отмечались проблемы, связанные с возмещением вреда потерпевшим при условно-досрочном освобождении. Например, в Свердловской области получены следующие данные: из 50 выбранных для проверки осужденных, освобожденных досрочно, только 6 реально принимали меры по погашению долга. Такая ситуация связана с отсутствием четкого взаимодействия учреждений, исполняющих наказания, службы судебных приставов, правоохранительных органов. Также существует проблема низкого дохода осужденных, из-за чего они просто не в состоянии выплачивать компенсации [11].

Важным шагом в обеспечении правильного применения института гражданского иска в уголовном процессе стало принятие в 2020 году Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» [9]. В данном Постановлении, в частности, разъяснены некоторые проблемные вопросы института гражданского иска в уголовном деле: о защите интересов государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также Российской Федерации (п. 2 ППВС), о предъявлении иска в интересах несовершеннолетних (п. 3 ППВС), о возможности возмещения морального вреда при совершении преступления, посягающего на имущество или материальные блага, если при этом вред был причинен также личным неимущественным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам, например, при разбое, краже с незаконным проникновением в жилище, мошенничестве, совершенном с использованием персональных данных лица без его согласия (п. 13 ППВС). Также уточнены временные границы заявления гражданского иска по делу, рассматриваемому судом с участием присяжных заседателей (п. 16 ППВС), вопросы отказа от гражданского иска (п. 22 ППВС). Суд обратил внимание на то, что случаи применения ч. 2 ст. 309 УПК РФ о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска и передаче вопроса о размере возмещения для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства должны носить исключительный характер, описаны действия суда при обращении к исполнению вступившего в законную силу приговора, где содержится решение в части гражданского иска с применением ч. 2 ст. 309 УПК РФ (п. 27–28 ППВС).

Передача вопроса о возмещении причиненного преступлением вреда в гражданский процесс

осложняет положение потерпевшего, ведь он самостоятельно должен вновь доказывать размер причиненного вреда, поскольку преюдициальное значение приговор суда имеет только в части установления вины осужденного [10].

Анализ судебной практики показывает, что сегодня в России суммы компенсаций морального вреда в среднем в 4,9 раза ниже, чем в Дании или Израиле, в 7 раз ниже, чем в ЮАР, в 32 раза ниже, чем в Чехии [4].

26 марта 2020 года состоялось знаковое мероприятие: Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству проведен «круглый стол» по методике расчета размера компенсаций морального вреда в случаях посягательств на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. Участниками «круглого стола» стали авторитетные представители юридического сообщества, в том числе Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации, Ассоциации юристов России, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, образовательных организаций высшего образования, члены Совета Федерации и др. Итогом стала разработка Методических рекомендаций по определению размера компенсации морального вреда. В данном документе предлагается определять четыре типа критериев и методов расчета компенсации:

1) компенсация за временные боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни на период лечения (компенсация за временный дефицит здоровья);

2) компенсация за возникновение окончательного и не устраненного в результате лечения дефицита здоровья и связанные с этим боль, страдания, нарушение привычного образа жизни и снижение качества жизни (компенсация за постоянный дефицит здоровья);

3) компенсация за боль и страдания, возникшие в результате посягательств на физическую неприкосновенность человека, но не сопряженные с возникновением дефицита здоровья;

4) компенсация за страдания, связанные с потерей близкого человека [12].

Например, постоянным дефицитом здоровья может признаваться полный паралич рук и ног, а базовую вменяемую компенсацию за него предлагается установить в 4,5 миллиона рублей, в случае потери близкого человека – в размере 2 миллионов рублей. Но на размер компенсации влияют также коэффициенты: индивидуальной степени страданий, формы вины причинителя вреда, индивидуальных особенностей ответчика и иных связанных с ним юридически значимых обстоятельств, степени вины потерпевшего. Конечно, представленная методика направлена лишь на создание неких ориентиров, унификацию при определении размеров компенсации вреда, причиненного преступлением, но она не лишает суд возможности усмотрения при

принятии решения. Рекомендации были представлены для широкого обсуждения юридическим сообществом и всеми гражданами.

Несмотря на важное теоретическое и практическое значение этих разработок следует помнить, что определение размера возмещения не является главной проблемой, гораздо сложнее добиться реального исполнения судебных актов в части взыскания присужденной компенсации.

Социологические опросы показывают, преобладающее большинство пострадавших от преступлений – порядка 70% – не могут добиться возмещения нанесенного преступлением ущерба[7].

Сегодня так и не решены проблемы возмещения причиненного преступлением вреда в случаях, когда виновный не установлен, либо скрывается от следствия, либо у него отсутствует возможность возместить вред хотя бы частично. Так, по статистическим данным в 2019 году из 917 тысяч приостановленных уголовных дел в 895 тысячах случаев не было установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. Из 884661 лица, которые должны возмещать причиненный преступлением вред, 609831 не могут этого сделать по причине финансовой несостоятельности [3].

Требуется законодательного решения вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением, в случае прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности. Так, с учетом позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 8 декабря 2017 года № 39-П, давая согласие на прекращение уголовного дела по данному основанию, обвиняемый (подозреваемый) одновременно соглашается и с возможностью возмещения причиненного преступлением вреда.

Что же касается выплат компенсаций потерпевшим за счет государства, то это возможно лишь в немногих случаях: если вред причинен вследствие террористического акта, техногенных катастроф, стихийных бедствий, при совершении посягательства в отношении защищаемого участника уголовного судопроизводства. В очередной раз встает вопрос о создании Фонда защиты жертв преступлений, который уже много лет обсуждается на страницах юридических изданий [2, с. 54], [1, с. 11–15], предложения подкреплены и законодательными инициативами [8].

Очевидно, что только комплекс законодательных и организационных мер способен улучшить ситуацию с возмещением причиненного преступлением вреда. Это не только выплата компенсаций, но и психологическая, медицинская реабилитация жертв преступлений, направленная в том числе на снижение уровня виктимизации населения.

От того, насколько эффективно решается проблема возмещения причиненного преступлением вреда, зависит отношение граждан к правосудию и правоохранительной системе в целом, доверие государству.

Литература

1. Ахмедшина Н.В. О потерпевших от преступлений // Виктимология. 2015. № 1 (3).

2. Журавлев Р.А. Правовые и организационные аспекты реализации конституционного права потерпевших от преступлений на компенсацию причиненного ущерба // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3.

3. Костина О. Забытая жертва // Российская газета. 2020. 20 февраля. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuje-korrektirovki.html> (дата обращения: 08.01.2021).

4. Куликов В. Вредные деньги // Российская газета. 2020. 23 марта. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/03/23/associaciia-iuristov-rossii-rasschitala-bazovye-kompensacii-moralnogo-vreda.html> (дата обращения: 08.01.2021).

5. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 08.01.2021).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/29308/> (дата обращения: 08.01.2021).

7. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 2017 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/posradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhde-na-spravedlivost-> (дата обращения: 19.01.2021).

8. Проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений». [Электронный ресурс]. – URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1130/ (дата обращения: 08.01.2021).

9. Российская газета. 2020. 23 октября. № 240.

10. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 № 297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крючкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 3.

11. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – Москва: Издательство Проспект, 2020. – С. 24–25. [Электронный ресурс]. – URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LowRes.pdf (дата обращения: 19.01.2021).

12. Совершенствование гражданского законодательства Российской Федерации: новые подходы к исчислению размера компенсации морального

вреда. [Электронный ресурс]. – URL: http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/116222/ (дата обращения: 08.01.2021).

13. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2020 года // Официальный сайт МВД Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/21933965/> (дата обращения: 08.01.2021).

Improvement of mechanisms of compensation for harm caused by crime Mullakhmetova N.E.

Saratov State Law Academy,

For many years, the problem of compensation for harm caused by a crime remains relevant for science and practice. Official statistics show that in the first half of 2020, the damage from crimes (for completed and suspended criminal cases) amounted to 292.7 billion rubles. At the same time, a significant part of the damage (91.1%) falls on crimes registered in cities and urban-type settlements.

The article examines changes in the legislation of recent years aimed at protecting the interests of victims of crimes in terms of compensation for harm caused, as well as some scientific developments on this issue. The lack of measures taken and possible ways to further improve the legal mechanisms in this area are pointed out.

Keywords: compensation for harm caused by a crime, victim, criminal procedure

References

1. Akhmedshina N.V. About victims of crimes // *Victimology*. 2015. No. 1 (3).
2. Zhuravlev R.A. Legal and organizational aspects of the implementation of the constitutional right of victims of crimes to compensate for the damage caused // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 3.
3. Kostina O. Forgotten victim // *Russian newspaper*. 2020.20 February. [Electronic resource]. - URL: <https://rg.ru/2020/02/20/sistema-podderzhki-liudej-stavshih-zhertvami-prestupnikov-trebuuet-korrektirovki.html> (date accessed: 01/08/2021).
4. Kulikov V. Harmful money // *Russian newspaper*. 2020.23 March. [Electronic resource]. - URL: <https://rg.ru/2020/03/23/assotsiatsiia-iuristov-rossii-rasschitala-bazovye-kompensatsii-moralnogo-vreda.html> (date accessed: 01/08/2021).
5. Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of criminal cases in the first instance // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. [Electronic resource]. - URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (date of access: 01/08/2021).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.10.2020. No. 24 "On Submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Draft Federal Law" On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Concept of a Criminal Offense ". [Electronic resource]. - URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/29308/> (date of access: 01/08/2021).
7. Victims of crime: in the hope of justice. All-Russian poll by VTsIOM. 2017 [Electronic resource]. - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/posradavshie-ot-prestuplenij-v-nadezhdena-spravedlivost-> (date of access: 19.01.2021).
8. Draft Federal Law "On Victims of Crime". [Electronic resource]. - URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1130/ (date of access: 01/08/2021).
9. *Russian newspaper*. 2020.23 October. No. 240.
10. See: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11.02.2020 No. 297-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Vladimirovich Kryuchkov on violation of his constitutional rights by part four of Article 61 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" // *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation ... 2020*. No. 3.
11. Observance and protection of the rights of victims in criminal proceedings: a thematic report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. - Moscow: Prospect Publishing House, 2020. - pp. 24–25. [Electronic resource]. - URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/106171_25.12_sborka_LoWRes.pdf (date accessed: 19.01.2021).
12. Improvement of the civil legislation of the Russian Federation: new approaches to calculating the amount of compensation for moral damage. [Electronic resource]. - URL: http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/round_tables/116222/ (date accessed: 01/08/2021).
13. The state of crime in the Russian Federation in January - October 2020 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. [Electronic resource]. - URL: <https://mv.d.rf/reports/item/21933965/> (date of access: 01/08/2021).

Получение и использование показаний в российском уголовном процессе: «реперные точки» предстоящего пути

Новиков С.А.

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассмотрены актуальные вопросы совершенствования института показаний в российском уголовном процессе, предложены ориентиры его предстоящей реформы. Особое внимание уделено необходимости уточнения понятия «показание», его разграничения в системе источников доказательств с объяснениями участников процесса. Затронуты вопросы оглашения показаний в ходе судебного разбирательства, развития процедуры получения показаний, а также создания дополнительных правовых стимулов для дачи правдивых показаний.

Ключевые слова: доказательственное право; система доказательств; показания участников уголовного процесса; допрос

Уголовно-процессуальная наука традиционно и обоснованно рассматривает процесс доказывания в качестве стержня, основы всей уголовно-процессуальной деятельности. В свою очередь, важнейшая роль в доказывании всегда принадлежала и по-прежнему принадлежит показаниям участников процесса. Регламентация и практика получения и использования показаний во многом характеризует состояние уголовного процесса в целом в соответствующий период времени.

Показания можно отнести к числу древнейших источников доказательств, появившихся, вероятно, одновременно с уголовным процессом. Пройденный путь – от *свода, присяги, повального обыска* через абсолютизацию вины и пытку, формальную теорию доказательств до современного состояния с широким объемом процессуальных гарантий, предоставляемых допрашиваемому лицу, – не был, разумеется, легким. Однако и сегодня отчетливо ощущается необходимость дальнейшего совершенствования отечественного института показаний; ниже мы предложим те ориентиры, «реперные точки», к которым, на наш взгляд, следует стремиться в будущем. Назовем пять таких ориентиров.

Первое, что необходимо сделать: уточнить само понятие «показание». Предложенные законодателем в статьях 76–79 УПК РФ дефиниции, определившие показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля как сведения, сообщенные ими на допросе, чрезмерно узки и не отражают реального положения дел. На наш взгляд, очевидно, что, во всяком случае, сведения, сообщенные лицом в ходе произведенных с его участием очной ставки, проверки показаний на месте и предъявления для опознания, также должны признаваться его показаниями [5].

Второй принципиальный шаг, следующая «реперная точка»: разграничение «показаний» и «объяснений» участников процесса, причем для вторых должно быть найдено свое место в системе источников доказательств.

В настоящее время эта система, закрепленная в части 2 статьи 74 УПК РФ, прямо предусматривает только один вид устных сведений, сообщаемых участником процесса: его показания. Но в правоприменительной практике важные для разрешения дела сведения зачастую передаются не только в ходе перечисленных выше следственных действий, но и в других, самых разнообразных формах.

Так, устные сведения нередко сообщаются участниками иных следственных действий, таких как осмотр, обыск, следственный эксперимент. Могут ли и эти сведения использоваться в доказывании? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Неслучайно в части 5 статьи 164 УПК РФ, регламентирующей общие правила

производства следственных действий, прямо содержится требование к следователю в случае участия в них потерпевшего или свидетеля предупредить последних об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Часть 4 статьи 166 УПК РФ предусматривает, в свою очередь, описание в протоколе следственного действия выявленных при его производстве существенных для дела обстоятельств, а также изложение заявлений лиц, в нем участвовавших.

Обращаясь к правилам производства отдельных следственных действий также заметим, что, например, статья 287 УПК РФ, регламентирующая производство на этапе судебного следствия осмотра местности и помещения, закрепляет право суда задавать при этом подсудимому, потерпевшему, свидетелям и другим названным в законе лицам вопросы в связи с производимым осмотром. Полагаем, что ответы на заданные судом вопросы должны допускаться для использования в доказывании – иначе в них не было бы никакого смысла.

Но к какому источнику отнести указанные устные сведения? Считать их составляющими такого источника доказательств, как протоколы следственных и судебных действий, едва ли правильно – по своей природе сообщаемые участником устные сведения отличаются от того, что в окружающей обстановке воспринято непосредственно следователем или судом. Отнесение этих сведений к показаниям стало бы, возможно, неплохим выходом, но как быть со сведениями, сообщаемыми лицами, еще не имеющими соответствующего процессуального статуса (например, если производится осмотр до возбуждения уголовного дела или обыск у еще не допрошенного знакомого обвиняемого). Третий вариант – считать такие сведения объяснениями участника процесса, прямо закрепив «объяснения» в части 2 статьи 74 УПК РФ как допустимый источник доказательств.

Наряду со следственными действиями, важные для установления обстоятельств дела сведения зачастую получают и иными способами. Так, согласно положениям статьи 144 УПК РФ, следователь при проверке сообщения о преступлении вправе получать объяснения, а участвующим лицам разъясняется право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. В свою очередь, в части 3 статьи 86 УПК РФ предусмотрено право защитника собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия. Помимо этого, оперативно-розыскное мероприятие «опрос» предусмотрено статьей 6 Закона об ОРД, а статья 11 того же Закона разрешает использовать результаты ОРД в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими соби- рание, проверку и оценку доказательств.

Полагаем, что во всех перечисленных случаях правоприменители должны иметь возможность использовать сообщаемые устные сведения в качестве доказательств.

Ввиду того, что действующий УПК РФ не включил «объяснения» в перечень самостоятельных источников доказательств, вопрос о допустимости их использования в доказывании как подпадающих под категорию «иных документов» можно отнести к числу дискуссионных.

С одной стороны, Конституционный Суд РФ в своем Определении от 28 мая 2013 г. № 723-О прямо подчеркнул: «Иные документы, в том числе объяснения, которые в соответствии с частью первой статьи 144 УПК Российской Федерации вправе получать следователь <...> при проверке сообщения о преступлении, используются для установления обстоятельств уголовного дела с соблюдением требований норм, определяющих порядок соби- рания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности статей 75, 86, 87, 88, 234 и 235 данного Кодекса». Эту позицию разделяют многие исследователи [2, с. 88]; [4, с. 157]; [8, с. 271].

С другой стороны, суды общей юрисдикции зачастую отказываются считать полученные объяснения доказательствами, не соглашаясь рассматривать их в качестве «иных документов», и, соответственно, констатируя отсутствие законного источника соответствующих сведений.

Выходом, на наш взгляд, должно стать включение объяснений в часть 2 статьи 74 УПК РФ в качестве самостоятельного источника доказательств. При этом условиями допустимости сообщаемых сведений должны, помимо прочих, стать наличие законных оснований опроса (опрашивающий должен быть вправе его проводить), соблюдение прав опрашиваемого (например, добровольность дачи объяснений, неприменение мер процессуального принуждения, разъяснение прав, в том числе – права не свидетельствовать против себя самого и близких родственников; категорически запрещены насилие, угрозы и иные незаконные меры), запрет наводящих вопросов и иных действий, ставящих под сомнение достоверность полученных объяснений.

Помимо этого, общим правилом должен стать обязательный последующий допрос лица, давшего объяснения, в соответствующем процессуальном качестве. В случае расхождения содержания объяснений и показаний правоприменитель в силу принципа свободной оценки доказательств не вправе будет заранее отдавать предпочтение тем или иным сведениям; от него потребуются их всесторонняя проверка и оценка [6, с. 38–40].

Третьим важным моментом, ориентиром развития института показаний в отечественном уголовном процессе должно стать уточнение правил их оглашения на стадии судебного разбирательства. При этом, по нашему убеждению, необходимо сохранить существующий принципиальный подход законодателя к показаниям, добытым в ходе досу-

дебного производства, как к допустимым доказательствам (разумеется, при соблюдении закона), подлежащим самостоятельной проверке и оценке. Мы не можем согласиться с предложениями некоторых авторов кардинально перестроить существующую систему доказывания, закрепив в законе правило о том, что показания, имеющие доказательственное значение, могут быть получены только в суде [1, с. 108]. Предоставление суду возможности свободно, по своему внутреннему убеждению самостоятельно оценить все законно собранные по уголовному делу доказательства – важная гарантия постановления законного, обоснованного и справедливого приговора. Искусственно ограничивая суд в возможности использования таких доказательств, мы затрудним ему точное установление значимых обстоятельств дела, что чревато судебной ошибкой.

Что касается потребности изменений существующих правил оглашения показаний, то для демонстрации обоснованности выдвинутого тезиса приведем несколько примеров. Так, статья 276 УПК РФ, регламентирующая оглашение показаний подсудимого, не учитывает возможного наступления его смерти еще до момента дачи показаний в суде. В этом случае оглашение его прежних показаний оказывается заблокированным. Другой пример: потерпевший, успевший дать показания следователю, затем впал в кому; очевидец нападения, дав показания в качестве свидетеля, навсегда покинул Россию; при этом обвиняемый на момент их допросов еще не был установлен и, соответственно, не смог реализовать свое право задать вопросы упомянутым лицам. Сегодня в подобных ситуациях оглашать полученные показания статья 281 УПК РФ не позволяет. Полагаем, однако, что для таких исключительных случаев возможность их оглашения должна быть сохранена (как это сделано для случая смерти потерпевшего или свидетеля). Кстати, это не будет противоречить практике ЕСПЧ, требующей лишь, чтобы выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления не были основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на фактических данных, содержащихся в оглашенных показаниях, если обвиняемый (подсудимый) ранее не имел возможности их оспорить.

Четвертый ориентир: совершенствование процедуры получения показаний. Так, насущной потребностью правоприменителей является закрепление возможности использования видеоконференц-связи в ходе допроса на стадии предварительного расследования. Другое важное дополнение – наделение руководителя следственного органа правом производить допрос без принятия дела к своему производству не только при даче согласия на обращение в суд для избрания меры пресечения, но и в других случаях, когда он признает это необходимым (такое право, напомним, есть у следователя-криминалиста).

Наконец, пятой «реперной точкой» должна стать дальнейшая разработка комплекса правовых мер,

направленных на стимулирование правдивых показаний допрашиваемых лиц. В этот комплекс, на наш взгляд, входят меры поощрения, меры ответственности и меры защиты. И применительно к каждой группе мер имеются широкие возможности для дальнейшего совершенствования.

Так, обращаясь к мерам поощрения, заметим, что серьезной реформы заслуживает институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Краеугольным камнем реформы должен стать, по нашему мнению, отказ законодателя от требования выделять уголовное дело в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Существующий подход, при котором уголовные дела в отношении такого лица и его соучастников рассматриваются отдельно, не только более затратен, но и чреват судебной ошибкой [7]; [3, с. 32–33].

Переходя к мерам ответственности, подчеркнем, что борьба с лжесвидетельством в России нуждается сегодня в переосмыслении подходов. Если за рубежом свидетель за дачу заведомо ложных показаний может на длительный срок лишиться свободы и выплатить крупный штраф, то в нашей стране его ждет лишь чисто символическое наказание (как правило, штраф в пределах нескольких тысяч рублей). Поэтому мы выступаем за серьезное усиление уголовной ответственности для лжесвидетелей и ее дифференциацию при наличии таких признаков, как, например, согласованная дача заведомо ложных показаний двумя и более лицами.

Наконец, относительно мер защиты, направленных на обеспечение безопасности дающего показания лица, также отметим необходимость дальнейшего совершенствования как уголовно-правовой (например, дополнение в статью 309 УК РФ, чтобы подкуп или принуждение обвиняемого к даче ложных показаний или к отказу от дачи показаний рассматривались как уголовно-наказуемое деяние), так и уголовно-процессуальной (уточнение правил использования псевдонима в ходе уголовного судопроизводства) составляющей названных мер.

В завершении еще раз подчеркнем, что регламентация и практика получения и использования показаний играет важнейшую роль для всей уголовно-процессуальной деятельности. От этого напрямую зависит быстрота и точность установления значимых для дела обстоятельств, а значит и справедливость принятых решений.

Литература

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 304 с.
2. Зайцева С.А., Зейналова Л.М., Громов Н.А., Гушин А.Н., Царева Н.П. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс: Учебно-практическое пособие. 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2004. – 118 с.
3. Кириллова Н.П. / Досудебное соглашение о сотрудничестве и проблемы доказывания в суде.

ГлаголЪ правосудия: сборник научных трудов. Иркутский государственный университет, 2010. С. 32–34.

4. Киселев П.П. Адвокатское расследование: монография. – М.: Юрлитинформ. 2019. – 272 с.

5. Новиков С.А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Российский судья, 2002, № 6. С. 8–9.

6. Новиков С.А. Использование объяснений опрошенных лиц в доказывании по уголовным делам: «исключить нельзя допустить» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 3. С. 30–40.

7. Новиков С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский судья. 2012. № 11. С. 21–24.

8. Соловьев А.Б. Актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2006. – 384 с.

Obtaining and using testimony in Russian criminal proceedings: "reference points" of the upcoming path

Novikov S.A.

St. Petersburg State University

The article deals with topical issues of improving the institution of testimony in the Russian criminal process, and suggests guidelines for its upcoming reform. Special attention is paid to the need to clarify the concept of "testimony", its differentiation in the system of sources of evidence with the explanations of the participants in the process. The issues of disclosure of testimony during the trial, the development of the procedure for obtaining testimony, as well as the creation of additional legal incentives for giving truthful testimony were discussed.

Keywords: evidentiary law; system of evidence; testimony of participants in criminal proceedings; interrogation

References

1. Doctrinal model of criminal procedural evidence law of the Russian Federation and comments to it / ed. A.S. Alexandrova. - M. : Jurlitinform, 2015. -- 304 p.
2. Zaitseva S.A., Zeynalova L.M., Gromov N.A., Gushchin A.N., Tsareva N.P. Operational-search activity: improving the forms of entering its results into the criminal process: Educational-practical guide. 2nd ed., Add. and revised - M., 2004. -- 118 p.
3. Kirillova N.P. / Pre-trial cooperation agreement and problems of proof in court. Verb of justice: collection of scientific papers. Irkutsk State University, 2010. P. 32–34.
4. Kiselev P.P. Advocate investigation: monograph. - M. : Jurlitinform. 2019. -- 272 p.
5. Novikov S.A. The concept of "testimony" under the new criminal procedure legislation: the necessary clarifications // Russian judge, 2002, No. 6. P. 8-9.
6. Novikov S.A. The use of explanations of the interviewed persons in proving in criminal cases: "it cannot be excluded" // Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence. 2008. No. 3. P. 30-40.
7. Novikov S.A. Pre-trial agreement on cooperation as a basis for separating a criminal case // Russian judge. 2012. No. 11. P. 21–24.
8. Soloviev A.B. Actual problems of pre-trial stages of criminal proceedings. M. : Yurlitinform, 2006. -- 384 p.

К вопросу об электронном уголовном судопроизводстве

Суюнова Дильбар Жолдасбаевна

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Ташкентский государственный юридический университет

Статья посвящена актуальным проблемам применения информационных технологий при отправлении правосудия, автор указывает на изменения законодательства Узбекистана, касающиеся использования средств коммуникационных технологий в уголовном судопроизводстве, в том числе, посредством видеоконференцсвязи. Обращаясь к цифровизации уголовного судопроизводства, он поднимает проблему обеспечения при этом прав участников процесса, гарантированных процессуальным законодательством. Автор обоснованно отмечает необходимость привлечь внимание некоторые факторы, требующие разрешения для успешного внедрения информационно-коммуникационных технологий в уголовное судопроизводство.

Ключевые слова: отправление правосудия, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация уголовного судопроизводства, защита прав граждан

Внедрение в судебную деятельность информационно-коммуникационных технологий не явилось новшеством, когда стало известно о пандемии COVID–19, как о глобальном вызове всему мировому сообществу. К этому времени суды многих государств, в том числе Узбекистана, использовали в уголовном судопроизводстве опыт проведения судебного разбирательства в режиме видео-конференцсвязи (ВКС), автоматического распределения дел, закрепления хода и результатов следственных действий аудио-, видеозаписями, опубликования судебных решений в сети Интернет, направления исполнительных документов на принудительное исполнение в электронном формате и др.

Применение судами цифровых технологий в Узбекистане берет свое начало с принятием Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан «О мерах по внедрению в деятельность судов современных информационно-коммуникационных технологий» от 10 декабря 2012 года, которое явилось основанием предоставления интерактивных услуг и внедрения в судебную систему электронного документооборота. С 2013 года в Узбекистане разработана и запущена Национальная информационная система электронного судопроизводства «E-SUD».

Законом Республики Узбекистан от 23 мая 2019 года в уголовно-процессуальное законодательство внесены изменения, касающиеся использования ВКС в уголовном судопроизводстве. Эта компьютерная технология позволила проводить судебные процессы на значительном расстоянии, когда суд и осужденный находятся далеко друг от друга. Можно отметить позитивные моменты при рассмотрении уголовного дела в режиме ВКС: возможность свидетелям, потерпевшим, находящимся вне территории, где проходит судебное разбирательство, в целях экономии своих средств, участвовать в суде и давать показания по месту жительства, вероятность опроса в суде дополнительных свидетелей для установления истины по делу, сокращение сроков рассмотрения дел.

С началом пандемии COVID–19 актуальность проведения дистанционных судебных заседаний возросла, высший судебный орган Узбекистана разъяснил судам о необходимости принятия мер к своевременному рассмотрению уголовных дел с использованием средств ВКС [1, с.2].

Следует отметить, что в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения открытости и прозрачности деятельности судов, руководством Узбекистана принимаются все необходимые меры, в том числе направленные на внедрение в судебную систему современных информационно-коммуникационных технологий. Президент Узбекистана 3 сентября 2020 года подписал Постановление «О мерах по цифровизации деятельности органов судебной

власти», в котором определены задачи цифровизации деятельности органов судебной власти, а именно: обеспечение открытости и прозрачности деятельности судейского сообщества путем внедрения специальных информационных программ; расширение возможности дистанционного участия в судебных заседаниях, в том числе посредством мобильных устройств и других форм электронного взаимодействия, а также создание условий получения сторонами по делу судебных решений в режиме онлайн; фиксация судебных заседаний во всех судах посредством аудиозаписи на основе ходатайства сторон по делу и с согласия председательствующего, а также формирование протоколов судебных заседаний с использованием системы автоматического формирования судебных документов, разработка мобильного приложения, предоставляющего возможность участия в судебных заседаниях в режиме видеоконференцсвязи и многое другое [2].

В разных странах мира процедуры, связанные с введением дистанционного правосудия, имеют как сходства, так и различия. Во многих странах до возникновения пандемии COVID-19 уже были приняты законы и нормативные документы об организации ВКС в судебных заседаниях. Однако именно пандемия коронавируса и принимаемые государствами карантинные меры стали своеобразным толчком для массового использования судами средств коммуникационных технологий.

Как показал анализ практики судов по применению информационных технологий при отправлении правосудия, большинство стран мира в период ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса, перевели судопроизводство на дистанционный формат работы в целях предотвращения угрозы распространения коронавирусной инфекции [3].

В то же время увеличение объема уголовных дел, рассмотрение которых проводится в режиме ВКС, ведение электронного документооборота выявило некоторые особенности информационных технологий. Анализ проведения дистанционного судебного заседания показал следующее:

- в отдаленных от центра территориях все еще существует проблема к подключению к единой сети Интернет;

- не все граждане, выступающие в качестве потерпевших, свидетелей могут пользоваться новыми технологиями, судебный процесс и опрос его участников в большинстве случаев происходит в зданиях судов, что может оказать давление на потерпевших и свидетелей при дачи ими показаний;

- незащищенность сети, т.е. ведение публичного судебного заседания через сеть Интернет может придать широкой огласке участие гражданина в суде и стать причиной нарушения его чести и достоинства;

- участие обвиняемого, находящегося под стражей, в судебном заседании в режиме ВКС и дача им показаний вызывает некоторые сомнения в их

правдивости, поскольку процедура опроса осуществляется при участии работников следственного изолятора;

- отмечается, что ведение судебного заседания в режиме ВКС ограничивает права защитника и обвиняемого на беседу друг с другом, корректировать собственные показания и формулировать вопросы;

- отсутствие законодательной регламентации проведения судебного заседания в формате ВКС.

Безусловно, внедрение цифровых технологий в деятельность судов, проведение судебных заседаний в режиме ВКС, особенно в период пандемии COVID-19, помогли решить первоочередные задачи государства по отправлению правосудия. Но все же, учитывая специфику уголовного судопроизводства, следует принять во внимание следующие факторы, требующие скорейшего решения.

1. При работе с электронными документами требуется законодательная защита от несанкционированного доступа и недопущение внесения в документы изменений в их содержание. Цифровизация должна отвечать требованиям уголовного судопроизводства, его особенностям, в том числе, касающимся конфиденциальности показаний потерпевших, свидетелей и других участников процесса.

2. В период разгара пандемии COVID-19, вероятности второй ее волны, назрела необходимость разработки единой цифровой платформы для судов с повышенным уровнем защиты каналов, по которой передается информация лиц, участвующих в деле, а также самостоятельным сервером для хранения информации по каждому конкретному делу. Уместно отметить специфику дел, судебные заседания по которым в офлайн режиме проводились бы в закрытых судебных заседаниях (преступления против половой свободы, по делам, связанным с государственными секретами и др.), поскольку это вопрос следует регламентировать в законе отдельно.

3. Проведение судебных заседаний в режиме ВКС никоим образом не должно нарушать права участников уголовного судопроизводства. Обвиняемому должна быть предоставлена возможность в неограниченном времени общаться со своим защитником, потерпевшие и свидетели свои показания в суде должны давать свободно, без всяческого давления со стороны организаторов ВКС процесса. При этом обеспечение безопасности всех участников судебного процесса является основополагающим элементом справедливого судебного процесса.

4. Следует гарантировать всем участникам процесса обеспечение прав на защиту, как обвиняемого, так и потерпевших, свидетелей. Как правило, защитнику необходимо обеспечить отдельное помещение с налаженной сетью Интернет либо Skype, в целях его свободного общения со своим подзащитным в неограниченном времени периоде. В этом контексте следует также обеспечить обвиняемому его право на объективное, свободное повествование о событии преступления, поскольку обвиняемый, находящийся под стражей, участвует в судебном заседании в режиме ВКС в присутствии

сотрудников учреждения по исполнению наказания и находится под их надзором.

5. Конечно, мы не сможем полностью заменить реальный судебный процесс цифровыми технологиями. Однако события сегодняшнего дня, связанные с пандемией коронавируса, вынудили судебные органы использовать возможности видеоконференцсвязи в судебной деятельности, и таким образом осуществлять свои функции по отправлению правосудия.

Поэтому наша задача- использовать новые технологии с обязательным условием – соблюдения гарантий прав граждан, участников уголовного судопроизводства. Кроме того, следует принимать во внимание, что при оценке электронных доказательств, собранных по делу, суд должен проверить их достоверность с учетом качества изображения, звука и других факторов информационно-коммуникационных технологий, которые впоследствии, в силу своей специфичности, могут иметь колоссальное значения для решения вопроса о виновности или невиновности лица.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан «О некоторых вопросах применения судами законодательства в связи с введением на территории Республики Узбекистан мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции COVID-19». URL: www.supcourt.uz

2. URL: <https://prezident.uz/>

3. URL: <https://remotecourts.org/>

On the issue of electronic criminal proceedings Suyunova D.J.

Toshkent State University of law

The article is devoted to the current problems of the use of information technologies in the criminal justice, the author points to changes in the legislation of Uzbekistan concerning the use of communication technologies in criminal proceedings, including through videoconferencing. Turning to the digitalization of criminal proceedings, he raises the problem of ensuring the rights of participants in the process, guaranteed by procedural legislation. The author justifiably notes the need to take into account some factors that require permission for the successful implementation of information and communication technologies in criminal proceedings.

Keywords: criminal justice, information and communication technologies, digitalization of criminal proceedings, protection of citizens ' rights

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan "On some issues of the application of legislation by the courts in connection with the introduction in the territory of the Republic of Uzbekistan of measures to prevent the spread of coronavirus infection COVID-19." URL: www.supcourt.uz

2.URL: <https://prezident.uz/>

3.URL: <https://remotecourts.org/>

Классическая континентальная модель апелляции – будущее уголовного судопроизводства России: аналитический обзор на примере ФРГ

Трофимик А.Г.

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Сибирского федерального университета

В статье с использованием сравнительно-правовой методологии анализируется классическая континентальная модель уголовной апелляции и ее положительные стороны. Рассматривается частная проблема правового регулирования представления новых доказательств и ее практическое значение в апелляционном производстве уголовного процесса России. На основе исследования особенностей апелляции России и Германии формулируется вывод о необходимости устранения в отечественном уголовно-процессуальном праве ограничений по осуществлению полного пересмотра и свободном представлении новых доказательств на стадии апелляции. Приведен анализ ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ: рассмотрены условия представления новых доказательств, определены проблемы толкования и применения данного законоположения.

Ключевые слова: апелляция, судебные ошибки, уголовный процесс Германии, сравнительное право, доказывание в апелляции, новые доказательства, правосудие, пересмотр дела, элиминация судебных ошибок, реформирование законодательства.

Современный мир ежедневно демонстрирует, как тесно переплетены и взаимосвязаны самые разные явления. Полагаю, в этом отношении уместно в который раз обратиться к сравнительно-правовым исследованиям. Но не исключительно ради методологического многообразия, а для прогнозирования того, как изменится система уголовного судопроизводства и что станет для юридического сообщества днём насущным.

Попытаться развеять туман неопределенности можно осуществить на примере родственного Российской Федерации правопорядка континентально-правовой семьи, Германии.

Для начала стоит упомянуть, что в Германии обжалование во второй инстанции традиционно представляет собой полный пересмотр дела. Немецкая апелляция является ординарным (ordentlicher) суспензивным и деволутивным средством защиты [2, S. 339. Rn. 1101; 3, S. 653. Rn. 1013–1014; 4, S. 302. Rn. 858; 8, S. 585. Rn. 1901–1904; 9, S. 453. Rn. 3; 3]. Согласно § 312 StPO (Уголовно-процессуальный кодекс Германии) она допустима в отношении приговоров судьи по уголовным делам (Strafrichter), вынесенных единолично, или приговоров суда шёффенов [13].

Апелляция в Германии является второй «полноценной» инстанцией по фактическим обстоятельствам (zweite Tatsacheninstanz). Это означает, что уголовные дела рассматриваются в правовом и фактическом отношениях, то есть по так называемым вопросам права и факта (Tat- und Rechtsfrage) [4, Rn. 29, 875; 6, § 323: Rn. 4; 10, § 312: Rn. 1, 4]. Апелляция в Германии не ведает какие-либо ограничения доказывания, она всегда «полная». Легально закрепленным исключением из общего правила считаются случаи, когда приговор обжалуется лишь в определенной части, что следует непосредственно из доводов апелляционной жалобы.

Известного рода требование к качеству исследования обстоятельств уголовного дела судом первой инстанции, действует апелляционного производства в силу § 244 II StPO и § 261 StPO в их доктринальном и практическом истолковании [1, § 244: Rn. 1, 2; 5, § 244: Rn. 1; 7, § 244: Rn. 1, 2; 11, S. 44–46; 12, S. 16–19].

§ 244 II StPO закрепляет *принцип материальной истины* (Untersuchungsgrundsatz, Inquisitionsmaxime, Amtsaufklärungspflicht, Amtsermittlungsgrundsatz). Не давая легальной дефиниции истине, параграф 244 StPO аналогично советскому уголовно-процессуальному закону устанавливает обязанность для суда по своей инициативе (ex officio) достигать истину по уголовному делу.

В силу системного толкования § 244 II StPO применительно к апелляционному производству суд обязан предпринимать все возможные действия для собирания новых доказательств либо рассмотреть ходатайство о приобщении новых доказательств защитой, если оно поступило [5, § 323: Rn. 7; 6, § 323: Rn. 4, 5].

§ 261 StPO вводит принцип свободной оценки доказательств (Grundsatz der freien richterlichen Beweiswürdigung), по существу устанавливающий требование к суду о полном, всестороннем, объективном и исчерпывающем исследовании обстоятельств уголовного дела.

Приведенные нормативные положения, в особенности принцип материальной истины, ориентируют на безошибочное применение норм материального и процессуального права, а также гарантируют качество исследования обстоятельств уголовного дела и на этой основе законный и обоснованный результат процесса.

Нарушение § 244 II StPO, в том числе судом апелляционной инстанции, выступает так называемым потенциально «успешным» возражением (Rüge), то есть указанием на потенциальную судебную ошибку, которая может иметь ревизионный (revisibel) характер и подлежит обжалованию в кассации.

Уголовно-процессуальный закон усиливает постулат о «полноценной» апелляции тем, что в § 323 III StPO дополнительно отмечается следующее: «новые доказательства допустимы». Никаких ограничений по представлению новых доказательств нет. И независимо от наличия или отсутствия уважительных причин непредставления какого-либо доказательства в суд первой инстанции, оно может быть приобщено к материалам уголовного дела и исследовано коллегией судей.

По поводу регулирования, предусмотренного § 323 III StPO, в научно-практических комментариях отмечается, что, поскольку апелляция имеет статус второй инстанции по фактическим обстоятельствам, *исследование новых доказательств составляет одну из существенных задач апелляционного производства* [6, § 323: Rn. 4, 5.]. Без этого положения во многом теряется эффект «добавочной гарантии».

Собранные доказательства должны быть заново оценены на основе принципа свободной оценки доказательств (§ 261 StPO), а новые доказательства должны быть безусловно допущены к использованию.

Станут ли описанные аспекты классической континентальной модели будущим российской апелляции? Этот вопрос я оставляю без ответа. Однако можно ответить на вопрос, почему в строго обозначенных границах озвученные положения должны в том или ином виде появиться в отечественном уголовном процессе.

Речь идет о проблемах ст. 389.13 УПК РФ: в частности, о приобщении новых доказательств и квази-доказательствах («доказательственных суррогатах»).

Привлечение новых доказательств в апелляционном производстве уголовного процесса России является условным, то есть допустимым лишь в случае выполнения ряда легальных оговорок. В силу ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными.

Судебная практика Конституционного Суда РФ служит наглядным подтверждением тому, насколько остро обстоит проблема с рассматриваемым законоположением. Часть 6.1 ст. 389.13 УПК РФ с завидной регулярностью становится предметом соответствующих жалоб. Анализ судебных актов позволяет утверждать, что суды повсеместно игнорируют ходатайства о приобщении новых доказательств [14, 15, 16, 17].

При всем при этом отечественный законодатель отдал предпочтение «доказательственным суррогатам» – дополнительным материалам, которые, строго говоря, к доказательствам не относятся.

Сказанное говорит в пользу разворота российской апелляции в сторону классической континентальной модели. Произойдет ли это – говорить трудно. Тем не менее много известных российских правоведов положительно высказываются в пользу такого подхода. Думается, стоит поддержать эту позицию и дополнить ее новыми аргументами с использованием компаративистики.

Таким образом, модель апелляционного производства в уголовном процессе Германии во многом схожа с отечественной. Это позволяет при рациональном подходе применять опыт зарубежного государства. Для устранения внутренних противоречий российской апелляции и достижения истины по делу может быть использован подход безусловного допущения новых доказательств, характерный для Германии.

Литература

1. Gercke/Julius/Temming/Zöller. Strafprozeßordnung. Kommentar. C.F. Müller, 2019. 2544 S.
2. Heghmanns M. Strafverfahren. Berlin: Springer, 2014. 580 S.
3. Heiner-Kühne H. Strafprozessrecht. C.F. Müller, 2015. 838 S.
4. Hellman U. Strafprozessrecht. Springer, 2006. 387 S.
5. Löffelmann/Krekeler/Sommer. Strafprozeßordnung. Deutscher Anwalt Verlag, 2010. 2000 S.
6. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. In 3 Bänden. 1. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2016. 2472 S.
7. Pfeiffer G. Strafprozeßordnung. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2005. 1183 S.
8. Ranft O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis. Richard Boorberg Verlag, 2005. 794 S.

9. Roxin/Schünemann. Strafverfahrensrecht. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 576 S. 453.
10. Satzger/Schluckebier/Widmaier. Strafprozeßordnung mit GVG und EMRK: Kommentar. 1. Aufl. 2016. 2400 S.
11. Schulenburg J. Das Verbot der vorweggenommenen Beweiswürdigung im Strafprozess. Duncker & Humblot, 2002. 291 S.
12. Stamp F. Wahrheit im Strafverfahren. Nomos, 1998. 298 S.
13. Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I S. 431.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3339-О // СПС КонсультантПлюс.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 770-О // СПС КонсультантПлюс.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2283-О // СПС КонсультантПлюс.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1220-О // СПС КонсультантПлюс.

Classical continental appeal model – the future of criminal proceedings in Russia: analytical overview on the example of Germany

Trofimik A.G.

Siberian Federal University

The article, using a comparative legal methodology, analyzes the classic Continental model of criminal appeal and its positive aspects; researches the problem of legal regulation of the representation of new evidence in appeal. Based on the research of special aspects of appeal in Germany and Russia, the conclusion of the free presentation of new evidence at the appeal proceedings is formulated. A analysis of paragraph 6.1 the article 389.13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is provided: the conditions for the introduction of new evidence are considered, the problems of interpretation and application of this legislative provision are identified.

Keywords: appeal, miscarriages of justice, criminal procedure of Germany, comparative law, proving in the appeal, new evidence, justice, appellate review, elimination of justice miscarriages, reforming of the legislation.

References

1. Gercke / Julius / Temming / Zöllner. Strafprozeßordnung. Kommentar. C.F. Müller, 2019.2544 S.
2. Heghmanns M. Strafverfahren. Berlin: Springer, 2014.580 S.
3. Heiner-Kühne H. Strafprozessrecht. C.F. Müller, 2015.838 S.
4. Hellman U. Strafprozessrecht. Springer, 2006.387 S.
5. Löffelmann / Krekeler / Sommer. Strafprozeßordnung. Deutscher Anwalt Verlag, 2010.2000 S.
6. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. In 3 Bänden. 1. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2016.2472 S.
7. Pfeiffer G. Strafprozeßordnung. 5. Aufl. München: C.H. Beck, 2005.1183 S.
8. Ranft O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis. Richard Boorberg Verlag, 2005.794 S.
9. Roxin / Schünemann. Strafverfahrensrecht. München: Verlag C.H. Beck, 2017.576 S. 453.
10. Satzger / Schluckebier / Widmaier. Strafprozeßordnung mit GVG und EMRK: Kommentar. 1. Aufl. 2016.2400 S.
11. Schulenburg J. Das Verbot der vorweggenommenen Beweiswürdigung im Strafprozess. Duncker & Humblot, 2002.291 S.
12. Stamp F. Wahrheit im Strafverfahren. Nomos, 1998.298 S.
13. Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I S. 431.
14. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 19, 2019 No. 3339-O // ATP ConsultantPlus.
15. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.03.2020 No. 770-O // ATP ConsultantPlus.
16. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/27/2019 No. 2283-O // ATP ConsultantPlus.
17. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05/29/2019 No. 1220-O // ATP ConsultantPlus.

Обеспечение прав личности и современные тенденции в российском уголовном судопроизводстве

Шадрин В.С.

доктор юридических наук профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Необходимость обеспечения прав личности на уровне международных стандартов во многом предопределила реформирование российского уголовного судопроизводства. Реформирование привело к внедрению в уголовное судопроизводство состязательности с распространением ее не только на судебное, но и на досудебное производство. Однако вскоре после введения в действие УПК РФ проявилась тенденция к нейтрализации признаков состязательности в стадии предварительного расследования, что не повлекло за собой отрицательных последствий для обеспечения прав личности и является вполне закономерным вследствие принадлежности отечественного уголовного судопроизводства к смешанному (континентальному) типу уголовного процесса. Одновременно имеются основания констатировать наличие тенденции к дальнейшему развитию правовых статусов участников уголовного судопроизводства и укреплению гарантий их прав.

Ключевые слова: личность, гарантии прав личности, состязательность, досудебное производство, реформирование уголовного судопроизводства.

Провозглашение в 1993 году России демократическим правовым государством с возложением на государство обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации предопределило необходимость существенного усиления обеспечения прав личности во всех сферах государственной деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Более того, обеспечение прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство в различном правовом статусе, в том числе в качестве подозреваемого, обвиняемого, заслуживало особого внимания в силу предоставления ведущим производством по уголовному делу органам государства и их должностным лицам возможности производства различных следственных действий принудительного характера, таких, как обыск, выемка и других, неизбежно связанных с ограничением прав человека и гражданина на неприкосновенность личности и жилища, тайны телефонных и иных переговоров, и т.д. Как указывалось в Концепции судебной реформы в Российской Федерации, «подавляющее большинство предлагаемых настоящей Концепцией нововведений направлено на обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве» [4, с. 86]. По существу, пересмотру в направлении усиления гарантий прав личности, демократизации, гуманизации отечественного уголовного судопроизводства подлежали его основы и в целом форма, результаты чего требовалось закрепить в новом, соответствующем Конституции Российской Федерации уголовно-процессуальном законодательстве.

Большую роль в определении идеологии реформирования российского уголовного судопроизводства играли идеи, обусловленные признанием в теории уголовного процесса высокого значения общепризнанных прав человека. И.Ф. Демидов отмечал, что права человека выступают важнейшим фактором, определяющим назначение, содержание и формы процессуальной деятельности по уголовным делам. Не права человека должны подгоняться под нужды расследования преступлений, уголовного процесса в целом, а наоборот, уголовный процесс должен максимально соотноситься с правами человека. Данное положение является ключевым, выражает суть новой методологии изучения и реформирования уголовного процесса [3, с. 6, 37]. Задача государства по формированию современного правового регулирования процессуальной деятельности по уголовным делам состояла в том, чтобы гармонизировать в нем общественные и личные интересы с учетом значения прав человека и в конечном итоге создать надлежа-

щие условия для полноценной реализации указанных прав в ходе осуществлении уголовно-процессуальных отношений.

После многолетних дискуссий о формировании новой модели уголовного судопроизводства законодатель воплотил ее в УПК РФ, принятом в конце 2001 года. Многие его положения действительно отличались от изложенного в ранее действовавшем УПК РСФСР 1960 года, наглядно свидетельствовали о существенном расширении прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство и значительном усилении их обеспечения.

Если иметь в виду процессуальное положение лиц, подвергаемых уголовному преследованию, то оно значительно улучшилось. Подозреваемый и обвиняемый получили важные дополнительные права, выполняющие роль гарантий их права на защиту, в том числе право пользоваться услугами защитника с первого момента своего появления в уголовном деле, иметь с ним свидания наедине, конфиденциально до первого допроса и, как правило, без ограничения их числа и продолжительности. При этом предоставляемый им в статьях 46 и 47 УПК РФ внушительный перечень прав не должен рассматриваться как исчерпывающий. Впервые за ними закреплено право защищаться иными средствами и способами, не запрещенными действующими уголовно-процессуальным законом. В целях усиления обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого увеличен комплекс прав защитника, основания и условия участия защитника в производстве по уголовному делу заметно расширены в интересах повышения эффективности его защитительной деятельности, что нашло соответствующее отражение в статьях 49–53 УПК РФ.

Получили развитие также процессуальные статусы иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, причем не только заинтересованных в исходе уголовного дела – потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, но и других, в частности, свидетеля.

Возложение согласно ст. 18 Конституции Российской Федерации обеспечения прав и свобод человека и гражданина персонально на правосудие во многом предопределило усиление значения суда и судебной деятельности в уголовном судопроизводстве. Юридически и фактически суду отведена роль главного гаранта прав и законных интересов личности как в судебном, так и в досудебном производстве по уголовным делам. Практически любые ограничения прав личности, вовлекаемой в уголовное судопроизводство, в настоящее время допустимы исключительно по судебному решению. Действия (бездействия) и решения всех властных субъектов досудебного производства впервые в отечественном уголовном судопроизводстве могут быть обжалованы в судебном порядке (ст. 29 УПК РФ).

Переориентация российского уголовного судопроизводства на более высокий уровень обеспечения прав личности, отвечающий представлениям об уголовном процессе демократического право-

вого государства, привела к существенной перестройке уголовного судопроизводства в целом, вплоть до определенной корректировки его исторического типа.

Анализ произошедшего в российском уголовном судопроизводстве показывает, что создателями УПК РФ при его разработке был взят курс на состоятельность, подразумевающую наличие в уголовном судопроизводстве трех основных функций – обвинения и защиты, выполняемых сторонами с противоположной направленностью интересов, и функции разрешения уголовного дела (правосудия), выполняемой судом. И.Я. Фойницкий в свое время резонно отмечал, что «существенными признаками состязательного порядка является наличие в процессе сторон, стоящих отдельно от суда, и пользующихся правами участия в деле, равноправность сторон, освобождение суда от процессуальных функций сторон» [10, с. 63–64]. В период активного обсуждения будущего уголовно-процессуального закона наряду со многими различными суждениями по поводу его возможного содержания прозвучало мнение об аналогии разделения функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела с получившим закрепление в ст. 10 Конституции Российской Федерации разделением государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную [9, с. 172–173], что, с учетом потребности усиления обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, воспринималось как заслуживающий внимания законодателя аргумент в пользу перевода российского уголовного судопроизводства на «рельсы состязательности». Ведь согласно классической формулировке разделения властей Ш. Монтескье, ее цель – гарантировать безопасность граждан от произвола и злоупотребления властью [2, с. 4], а в создаваемом на демократических началах уголовном процессе необходимость надежно гарантировать ограждение личности от возможных произвольных действий со стороны ведущих производство по уголовному делу государственных органов и должностных лиц существенно возрастала.

Как бы то не было, состязательность получила в новом уголовно-процессуальном законе статус принципа уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ). При этом состязательность была распространена на все, в том числе на досудебные стадии уголовного судопроизводства. Чтобы исключить сомнения на сей счет, законодатель счел должным специально разъяснить, что уголовное судопроизводство – досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Соответственно все государственные органы и должностные лица, осуществляющие досудебное производство и ответственные за его результаты, в том числе следователи, дознаватели оказались законодательно отнесены к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ). На них недвусмысленно возложена обязанность уголовного преследования (с. 21 УПК РФ), чего не было в УПК РСФСР, и тем более не могло быть в Уставе уголовного судопроизводства России 1864

г., согласно которому следователь принадлежал к органам судебной власти. При буквальном толковании положений ст. 21 УПК РФ в совокупности с установленным законом запретом одновременного возложения уголовно-процессуальных функций на один и том же орган или на одно и то же должностное лицо, следователю, дознавателю фактически предписывается заниматься исключительно изобличением подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, что заведомо вступает в противоречие с одновременно подлежащим выполнению ими требованию устанавливать все без исключения обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу согласно ст. 73 УПК РФ, в том числе которые могут повлечь за собой освобождение подозреваемого или обвиняемого лица от уголовной ответственности. Ответ на вопрос о том, как разрешать подобное противоречие, из анализа законоположений никак не вытекал, был, получается, оставлен на усмотрение правоприменителя.

Продвижение состязательности в досудебное производство выразилось также в предоставлении подозреваемому и обвиняемому права предоставлять доказательства (п. 4 ч. 4 ст. 46, п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), а их защитнику права собирать доказательства предусмотренными законом способами (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), что стало в теории уголовного судопроизводства стало рассматриваться как проявление «адвокатского расследования» [5, с. 107].

Реализация идей внедрения состязательности в досудебное производство выразилась, в частности, и в том, что в описательно-мотивировочной части обвинительного заключения, составляемого следователем по итогам проведения предварительного расследования, законодатель предложил при формулировании доказательственной базы обвинения обходиться лишь изложением перечня подтверждающих обвинение доказательств (п. 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ), без раскрытия их содержания. На научных конференциях, где в дискуссиях затрагивалась данная новелла, вызывавшая недоумение представителей не только стороны обвинения, но и стороны защиты, мне доводилось слышать объяснение такого подхода законодателя тем, что в условиях состязательности и повышения значимости судебной деятельности судей желательно было сориентировать на то, чтобы они в большей степени самостоятельно осуществляли анализ и оценку каждого доказательства по уголовному делу, рассматриваемому в судебном заседании, и делали собственные выводы о доказанности обвинения независимо от аргументов органов предварительного расследования.

Только уже вскоре после введения УПК РФ в действие начался, по существу, отказ от рассмотренных выше нововведений, предназначенных по воле законодателя для конкретного преобразования существовавшего ранее досудебного производства, в целом обладавшего основными чертами инквизиционности, в состязательное.

В связи с тем, что отнесение органов предварительного расследования к стороне обвинения в практической их деятельности стало приводить к

большему, чем ранее, проявлению обвинительного уклона, пагубного как для установления истины по уголовному делу, так и для обеспечения прав подозреваемых, обвиняемых, чем озаботились даже депутаты Государственной Думы, Конституционный Суд Российской Федерации сделал важное разъяснение, по существу дезавуирующее положение уголовно-процессуального закона об отнесении следователей, дознавателей исключительно к стороне обвинения. Как разъяснил Суд, выдвигаемое следователем, дознавателем обвинение в силу требований законности, обоснованности и мотивированности (ст. 7 УПК РФ), может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Указанное условие подлежит соблюдению, несмотря на установленный ч. 2 ст. 15 УПК РФ запрет возложения функций обвинения, защиты, разрешения уголовного дела на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо [8]. По существу следователь, дознаватель тем самым были фактически переориентированы на проведение всестороннего, полного и объективного исследования по уголовному делу, то есть на то, чем они всегда занимались в период действия УПК РСФСР.

Подобная участь постигла и продекларированное в ст. 86 УПК право защитника собирать доказательства. Согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, органы предварительного расследования не обязаны безоговорочно принимать представляемые стороной защиты, как подозреваемым, обвиняемым, так и их защитником, материалы для включения в уголовное дело и вправе, на основе собственного критического анализа, не признавать их доказательствами [7]. Хотя представленным материалам можно найти иное применение. В частности, «полученные защитником в результате опроса сведения могут рассматриваться как основание для допроса указанных лиц в качестве свидетелей или для производства других следственных действий, поскольку они должны быть проверены и оценены, как и любые другие доказательства, с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела» [6]. Таким образом, фактически деятельность стороны защиты по «собираанию доказательств» носит предпроцессуальный характер, а признание представленных стороной защиты результатов ее познавательной деятельности доказательствами, как и прежде – прерогатива следователя, дознавателя.

С учетом реальных потребностей практики ревизии и новелла уголовно-процессуального законодательства, касающаяся содержания обвинительного заключения. Пункт 5 ч. 1 ст. 220 УПК РФ «Обвинительное заключение» с 09.03.2010 г. действует в следующей редакции: «перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания». Тем самым словесное выражение данной правовой нормы приведено в соответствие

с определением понятия доказательства, предусмотренного ст. 73 УПК, согласно которому доказательство представляет собой единство содержания и формы, где содержание – определенные сведения об устанавливаемых по уголовному делу фактах, а форма – источники таких сведений.

Рассмотренные выше случаи нейтрализации реальной практикой производства по уголовным делам тех новелл регламентации досудебного производства, которые можно было бы считать признаками его состязательности, приводят к вполне определенному выводу, что такие случаи отнюдь не случайны, а являются проявлением вполне очевидной тенденции. Как говорят математики, несколько точек в одном направлении уже линия, в данном случае – линия на восстановления свойств предварительного расследования, существовавшего до принятия УПК РФ. Объяснение этому заключается в том, что отечественное уголовное судопроизводство принадлежало и продолжает в целом принадлежать к смешанному типу уголовного процесса, содержит в себе объективные предпосылки к сохранению его в данном качестве.

Реально розыскной (следственный) характер российского досудебного производства в целом остается неизменным. Как отмечалось ещё в период действия УПК РСФСР в одном из популярных комментариях к нему, особенность указанного характера заключается в том, что «уголовное преследование возбуждается согласно безличной воле закона, которая обязывает должностное лицо государственного органа возбудить уголовное дело при наличии к тому законного повода и основания и произвести предварительное расследование. В то время как при состязательной форме уголовного процесса единственным основанием уголовно-процессуальной деятельности является обвинение, предъявляемое обвиняемому через суд» [10, с. 14].

Возникает вопрос: не отразилась ли нейтрализация проявлений состязательности в досудебном производстве на обеспечении прав его участников, на вообще свойствах действующего российского уголовного судопроизводства как уголовного процесса демократического правового государства? Думается, что нет. Подтверждением тому может служить опыт Франции, Германии, в которых применяется смешанный (континентальный) тип уголовного судопроизводства, и в принадлежности которых к правовым государствам нет оснований сомневаться.

Обеспечение прав лиц, вовлекаемых в российское уголовное судопроизводство, находится на сравнительно высоком уровне и продолжает усиливаться, что можно также считать проявлением определенной тенденции.

Об этом свидетельствует развитие процессуального статуса потерпевшего, состоявшееся в 2013–2019 годы и отраженное в ряде изменений и дополнений ст. 42 УПК РФ, появление дополнительных гарантий от незаконного и необоснованного наложения ареста на имущество, сопровождавшиеся внесением изменений в ст. 115 УПК РФ и введением в УПК РФ ст. 115.1, появление новой

меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) как альтернативы заключению под стражу и домашнему аресту, и т.п., что можно считать дополнительным проявлением гуманизации уголовного судопроизводства.

Литература

1. Агутин А.В., Александрова А.С., Алексеева Л.Б. и др. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1996.
2. Азаркин Н.М. Монтескье. М., 1988.
3. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе (концептуальные положения). М., 1995.
4. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М, 1992.
5. Мартынич Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: ИГ «Юрист», 2009.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 N 100-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бургова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 N 467-О "По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" от 29.06.2004 г. № 13-П // "Вестник Конституционного Суда РФ". 2004. № 4.
9. Смирнов В.П. Разделение основных функций и равноправие сторон – принципы уголовного процесса // Правоведение. 1999. № 3.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. Санкт-Петербург, 1966.

Ensuring the rights of the individual and current trends in russian criminal proceedings

Shadrin V.S.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The need to ensure the rights of the individual at the level of international standards has largely determined the reform of the Russian criminal justice system. The reform led to the introduction of adversarial proceedings in criminal proceedings, extending it not only to judicial proceedings, but also to pre-trial proceedings. However, shortly after the entry into force of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, there was a tendency to neutralize the signs of competition in the preliminary investigation stage, which did not entail negative consequences for ensuring the rights of the individual and is quite natural due to the fact that domestic criminal proceedings belong to the mixed (continental) type of criminal proceedings.

Keywords: personality, guarantees of individual rights, adversarial nature, pre-trial proceedings, reform of criminal proceedings.

References

1. Agutin A.V., Alexandrova A.S., Alekseeva L.B. et al. Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR. M., 1996.

2. Azarkin N.M. Montesquieu. M., 1988.
3. Demidov I.F. The problem of human rights in the Russian criminal process (conceptual provisions). M., 1995.
4. The concept of judicial reform in the Russian Federation. M, 1992.
5. Martynchik E.G. Advocate investigation in criminal proceedings. Theoretical and methodological foundations of the doctrine of legal investigation. M.: IG "Yurist", 2009.
6. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.04.2006 N 100-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Bugrov Alexander Anatolyevich on violation of his constitutional rights by paragraph 2 of part three of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation ... 2006. No. 4.
7. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2004 N 467-O "On the complaint of citizen Pyatnichuk Pyotr Efimovich on violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 46, 86 and 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2005. No. 3.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation "In the case of checking the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of State Duma deputies" dated June 29, 2004, No. 13-P // "Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation". 2004. No. 4.
9. Smirnov V.P. Separation of basic functions and equality of the parties - principles of criminal procedure // Jurisprudence. 1999. No. 3.
10. Foinitskiy I.Ya. Criminal Procedure Course. Vol. 1. St. Petersburg, 1966.

Проблемы борьбы с наркопреступностью в исправительных колониях

Дук Юрий Иванович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет им. И.А. Бунина»

В статье рассматриваются современные проблемы эффективности противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в исправительных колониях для взрослых лиц системы ФСИН РФ. На основе анализа статистических данных уровня незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в исправительных учреждениях автором предлагаются пути повышения эффективности мероприятий, проводимых по пресечению и предупреждению незаконного оборота наркотиков, осуществляемых сотрудниками ФСИН и ОМВД.

Ключевые слова: исправительная колония, незаконный оборот наркотических средств, эффективность, противодействие, мероприятия, наркотрафик.

Последние годы наша страна находится в стадии реформирования самых разнообразных систем жизнедеятельности общества, добиваясь как позитивных, так и негативных результатов. Одной из негативных составляющих реформирования, на наш взгляд, является крайне напряженная ситуация с наркоманией, которую Президент Российской Федерации назвал «угрозой национальной безопасности».

Эта угроза потребовала принятия самостоятельного концептуального документа – Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. В данном документе определены основные направления работы по снижению незаконного оборота наркотических средств и немедицинского потребления наркотических средств.

В 1997 году в Российской Федерации был принят новый Уголовный кодекс[1], в котором нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, претерпели существенные изменения. В действующем Уголовном кодексе ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ предусмотрена статьями 228-234, входящими в главу 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Законодатель, учитывая опасность преступных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, предусмотрел ужесточение наказания за тяжкие преступления и снижение уголовной ответственности за преступления небольшой тяжести. Однако, данный подход к формированию уголовной ответственности не оправдал ожиданий законодателя и всего населения в борьбе с наркоманией, а привел к обратному эффекту, выразившемуся в катастрофическом положении с наркотизацией населения нашей страны. По сути, принятый Уголовный кодекс легализовал наркоманию в стране, позволив безнаказанное употребление наркотических средств, отменив уголовную ответственность за немедицинское потребление наркотических средств. Лицо, совершающее немедицинское потребление наркотических средств, ранее являвшееся преступником, благодаря новому Уголовному кодексу превратилось в большого человека без общественного порицания, что автоматически привело к практически безнаказанному употреблению, и как следствие, стремительному распространению наркотиков. Наиболее серьезное положение дел с наркотизацией населения образовалось среди молодежи. Сработал основной закон

экономики «Спрос рождает предложение», что позволило наркодилерам создавать сети по реализации наркотиков через «больных» наркоманией.

Критикуя законодательные нововведения УК РФ, авторы, придерживающиеся жестких правовых мер в борьбе с наркоманией, требуют в настоящее время изменить пределы наказаний по основным составам в сторону увеличения сроков лишения свободы. Они полагают, что в России состояние преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, недостатки в системе медицинского обслуживания и воспитательного воздействия как раз требуют принятия самых решительных и жестких мер [2, с. 12-13].

Печальные цифры статистической информации говорят о том, что число наркоманов в России с каждым годом увеличивается, несмотря на усилия государства, общественных объединений, церкви и различных движений. Статистика наркомании в России по отчетам ФСКН за 2016 год озвучивает довольно невеселые цифры:

- наркотики пробовали или употребляют время от времени около 18 млн. россиян;
- 8 млн. человек употребляют их постоянно;
- 90% наркоманов принимают дозу инъекциями;
- на долю России приходится пятая часть мирового оборота наркотика – героин[3]. Несмотря на то, что в 2017 году на учет было поставлено на 2,21% меньше наркозависимых людей, чем в прошлые годы, существует целый ряд факторов, которые способствуют росту наркомании не только в нашей стране, но и во всем мире:
  - наркотики дешевеют, несмотря на экономические кризисы и общую инфляцию;
  - появляется больше синтетических наркотиков, их не успевают классифицировать и вносить в реестр запрещенных веществ;
  - теневой интернет облегчает покупку наркотиков и усложняет работу правоохранительных органов;
  - трудно отследить маршруты доставки;
  - в странах, переживающих экономический кризис, люди больше склонны уходить от реальности, они стремятся снять напряжение, прибегая к использованию психотропных веществ[4].

Удручающее положение с наркотизацией населения в нашей стране негативно сказывается на многих сферах жизнедеятельности нашего общества. Ухудшается криминогенная обстановка и в исправительных учреждениях и колониях, в которых ежегодно отбывают наказания более полумиллиона наших граждан, осужденных за различные преступные деяния, в том числе и за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Анализ статистических данных ФСИН РФ показывает, что последние годы значительно вырос незаконный оборот наркотических средств, изымаемых сотрудниками ФСИН при проведении различных режимных мероприятий. Так, если в 2003 году в исправительных колониях для взрослых при проведении режимных мероприятий было изъято 36 754,060 грамма наркотических веществ, то в 2017

изъято 43754, 859 граммов. При этом если учитывать, что в 2003 в данной категории исправительных учреждениях отбывало наказание 698812 человек, а в 2017 году 495139, то рост изъятия наркотических веществ в расчете на 1000 осужденных составил 41%, с 52,595 граммов в 2003 году до 88,368 граммов в 2017 году[5]. Этот показатель характеризует количество наркотиков, изымаемых сотрудниками исправительных учреждений из незаконного оборота при проведении режимных мероприятий, так как включает в себя только изъятые наркотические вещества. Действительный незаконный оборот наркотических средств, как утверждают ученые, гораздо выше. И это вполне понятно, ведь при тотальном изъятии сотрудниками ФСИН наркотиков, переправляемых преступным элементом в исправительные колонии, эта преступная деятельность потеряла бы свой смысл, однако в силу объективных и субъективных причин этого не происходит. Данный факт подтверждает, что имеющиеся методики противодействия незаконному обороту наркотических средств в местах лишения свободы имеют ряд проблем.

Наркотические вещества, незаконно переправляемые в места лишения свободы, являются не только результатом преступного деяния лица или группы лиц, организовавших наркотрафик, но и причиной совершения иных преступных деяний на территории исправительного учреждения, дестабилизации обстановки, нарушения порядка и правил функционирования исправительного учреждения.

Как показала практика, наркотические вещества, переправляемые в исправительные учреждения, проходят длительный путь. Они изготавливаются, фасуются, хранятся, камуфлируются и транспортируются, причем все эти действия происходят вне территории исправительного учреждения, и только попадая на территорию, они могут быть обнаружены сотрудниками ФСИН. Данный факт указывает, что действующие нормативные документы, регламентирующие совместную работу сотрудников оперативных служб ФСИН и ОМВД по выявлению преступных схем и преступных действий, пресечению наркотрафиков в исправительные учреждения не отвечают современным требованиям.

Статистические данные указывают на устойчивый спрос среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях, на наркотические средства, это подтверждает значительный рост количества изымаемых наркотиков при проведении оперативно-розыскных и режимных мероприятий сотрудниками ФСИН в исправительных учреждениях.

Нелегальные каналы наркотрафика могут представлять самые разнообразные алгоритмы. Наиболее распространенным является передача наркотиков от лиц (родственники, друзья, бывшие подельники и т.д.), находящихся на свободе, в исправительное учреждение. В качестве перевалочного пункта может использоваться следственный изолятор, малый размер наркотического вещества и высокая его концентрация позволяют использовать и

этот канал поставки. Как правило, длительность использования канала и объем наркотиков, доставляемых с использованием данного канала, целиком зависят от ухищренности организаторов наркотрафика и возможностей обеспечивающих тайность поступления.

Одной из проблем существования наркотрафика является коррумпированность сотрудников ФСИН, непосредственно осуществляющих противодействие доступу наркотических веществ в исправительную колонию, наличие опыта организации наркотрафика у лиц, отбывающих наказание, и лиц, переправляющих наркотические вещества, знания преступниками системы контроля в ИУ.

Отрицательно сказывается и отсутствие современных систем обнаружения наркотических веществ, и очень малое количество специально обученных собак, работающих на обнаружение наркотиков, как на территории исправительной колонии, так и при досмотре лиц и объектов, поступающих на ее территорию. Малый размер контейнера с наркотиком, содержащий огромное количество доз и позволяющий использовать самые разнообразные микротайники, затрудняющие их поиск при хранении и перемещении, также имеет негативную составляющую.

Проблемой противодействия пресечения наркотрафика является возможность осужденных оплачивать наркотики, незаконно поставляемые в исправительные колонии. Среди источников наиболее существенными являются собственные накопления, оставшиеся у осужденных наличные денежные средства и средства на счетах в банках, наличные деньги «общака», денежные средства, полученные преступным путем в период отбывания наказания посредством вымогательства, продажи запрещенных предметов, занятия азартными играми, использования мошеннических схем с использованием средств связи и т.д.

Проблемой противодействия наркотрафику является недостаточное количество сотрудников, вызванное сокращением штатов, влекущее за собой переработку, сказывающуюся на нарушении сроков и периодичность проведения режимных мероприятий по обыску объектов исправительных колоний на предмет наличия запрещенных предметов и наркотических веществ.

Во многих исправительных учреждениях отсутствуют современные электронные системы и возможность кинологического досмотра осужденных, имеющих выход за пределы исправительных учреждений, возвращающихся в исправительную колонию после завершения работ.

Наличие неформальных групп, серьезное влияние воровского закона в ИУ среди заключенных, ставит под вопрос эффективность воспитательной работы среди лиц, отбывающих наказание, в том числе индивидуальной работы по предупреждению организации наркотрафика в исправительной колонии.

Огромной проблемой противодействия наркотизации среди отбывающих наказание в ИУ, этот факт отмечается и самими лицами, отбывающими

наказание, является низкая занятость осужденных трудовой деятельностью.

Наркоманы, отбывающие наказание, в силу отсутствия физической возможности трудиться в полном объеме, часто конфликтуют с остальными осужденными на этой почве. Их стремление вовлечь в наркотрафик или приобщить к наркотикам других заключенных не всегда вызывает одобрение последних.

Содержание осужденных, страдающих наркоманией и осужденных за незаконный оборот наркотиков, вместе с остальными заключенными является не только проблемой последних, но и сотрудников ФСИН. Это положение неизбежно приводит к усилению наркотизации среди осужденных, увеличению уровня преступности, и как следствие, осложнению оперативной обстановки в ИУ. Преступники-наркоманы, и лица, осужденные за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, на наш взгляд, должны содержаться в отдельных специализированных исправительных колониях, имеющих лечебные подразделения наркологического профиля, с возможностью осуществления принудительного лечения от наркомании. Располагаться такие колонии должны в отдаленных, малонаселенных районах страны с целью разрушения сформированных преступных связей. Такой механизм противодействия наркотрафику сможет значительно снизить или исключить поставку наркотических средств в исправительные колонии.

Еще одной существенной проблемой является небольшой объем изымаемых при проведении режимных мероприятий в ИУ наркотических средств, что исключает возможность применения такого следственного действия как контроль и запись переговоров в отношении участников наркотрафика. Практика показывает, что современные средства мобильной связи, незаконно находящиеся у осужденных, отбывающих наказание в ИУ, активно используются заключенными, в том числе для организации наркотрафика на территорию ИУ. В целях документирования преступной деятельности лиц, осуществляющих организацию каналов поставки наркотических средств в места лишения свободы, необходимо внесение поправок в действующее уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, предусматривающих возможность проведения контроля и записи переговоров независимо от степени тяжести преступления.

Также при задержании всей цепочки наркотрафика и документировании необходимо проведение освидетельствования всех участников преступной цепочки с целью установления наличия микроследов и микрочастиц, подтверждающих причастность лица к наркотрафику в ИУ. Практика показывает, что данные мероприятия проводятся крайне редко.

При проведении обыска объектов и личного обыска подозреваемых, необходимо привлекать сотрудников, имеющих опыт и знания специфики борьбы с наркотрафиком в ИУ. Сотрудникам необходимо исключить возможность уничтожения и сброса наркотиков задержанным лицом, для этих целей необходимо использовать наблюдателей из

числа членов следственно-оперативной группы, снабженных средствами видеорегистрации. Наркотические вещества могут находиться в различных тайниках как в общем объеме, расфасованные на части, так и закамуфлированные под различные предметы. В этом случае следователю при обнаружении наркотических веществ вне мест лишения свободы при расследовании каналов поставки наркотических веществ в ИУ, необходимо строить алгоритм поиска с учетом информации, полученной от оперативных сотрудников ФСИН о приемах и способах камуфлирования наркотических веществ, подготавливаемых к передаче в места лишения свободы. Особо ценным положением является возможность привлечения самих сотрудников оперативных подразделений ФСИН к участию в обыске для получения непосредственной консультации и помощи следователю[6].

Решение указанных проблем, оказывающих негативное влияние на уровень незаконного оборота наркотиков в исправительных колониях, позволит повысить эффективность противодействия наркотрафика, снизить уровень преступности и стабилизировать оперативную обстановку в ИУ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. (по сост. на 30 марта 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. *Клименко Т.М.* Уголовно-правовые проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (особенности юридического анализа и квалификации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 23 с.
3. Статистика наркомании в России: цифры и факты. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://stop-zavisimost.ru/blog/statistika-narkomanii-v-rossii.html> (19.03.2018)
4. Статистика наркозависимых в России [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://stranaprotivnarkotikov.ru/statistika-narkozavisimyx-v-rossii/> (19.03.2018)
5. ФСИН России официальный сайт. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. [Электронный ресурс] – Режим доступа <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (19.03.2018).
6. Уголовно-исполнительное право / *Бугера Н.Н. Стрилец О.В., Канубриков В.А.* и др. Тамбов, 2015.

Problems of fight against narcocrime in corrective labor colonies Duk Yu.I.

Yelets State university of I.A. Bunin

In article modern problems of efficiency of counteraction to illicit trafficking in drugs and psychotropic substances in corrective labor colonies for adult persons of system of FSIN of the Russian Federation are considered. On the basis of the analysis of statistical data of level of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances in correctional facilities the author offers ways of increase in efficiency of the events held on suppression and prevention of drug trafficking which are carried out by the staff of FSIN and OMVD.

Keywords: corrective labor colony, drug trafficking, efficiency, counteraction, actions, drug traffic.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Feder. law: adopted by the State. Duma on May 24, 1996 (as of March 30, 2016) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. *Klimenko T.M.* Criminal and legal problems of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances (features of legal analysis and qualifications): author. dis. ... Cand. jurid. sciences. Saratov, 1999. 23 p.
3. Statistics of drug addiction in Russia: figures and facts. [Electronic resource] - Access mode <https://stop-zavisimost.ru/blog/statistika-narkomanii-v-rossii.html> (03/19/2018)
4. Statistics of drug addicts in Russia [Electronic resource] - Access mode <http://stranaprotivnarkotikov.ru/statistika-narkozavisimyx-v-rossii/> (19.03.2018)
5. Federal Penitentiary Service of Russia official website. Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. [Electronic resource] - Access mode <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/> (19.03.2018).
6. Criminal executive law / *Bougera N.N. Strilets O.V., Kanubrikov V.A.* et al. Tambov, 2015.

Киберпреступность в период пандемии коронавируса COVID-19

Харланов Алексей Сергеевич

к.т.н., д.э.н., профессор кафедры мировой экономики Дипломатической Академии МИД России, kharlanov2009@mail.ru,

Бобошко Андрей Александрович,

к.э.н., доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, boboshko25@gmail.com

Гросу Анастасия Вячеславовна

бакалавр факультета мировой экономики Дипломатической академии МИД России, anastasiagrosu1999@mail.ru

Киберпреступность стремительно развивалась в большинстве стран мира еще до пандемии COVID-19, а вирус лишь предоставил преступникам новые возможности и лазейки. Наряду с традиционными видами киберпреступности, передовые таргетированные кибератаки продолжают совершенствоваться и использоваться для получения выгоды из ситуации с пандемией COVID-19. Основной целью подобных атак являются объекты инфраструктуры, включая больницы и лаборатории по разработке вакцин. При этом применяются вредоносные программы, программы-вымогатели, а также DDoS-атаки. Мотивом для подобных атак служит не только получение прибыли, но и возможность доступа к персональным данным и другой конфиденциальной информации, представляющей ценность. Таким образом, киберпреступность оказалась угрозой, которой необходимо уделять больше внимания во всех секторах общества. В долгосрочной перспективе возникает ряд вопросов о том, как рост киберпреступности, связанный с пандемией, повлияет на события, которые уже происходили до начала пандемии. В частности, киберпреступность, связанная с COVID-19, и то внимание, которое ей уделяется во всем мире, могут иметь долгосрочные последствия для глобального сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и для управления сети Интернет в более широком смысле.

В статье рассматриваются изменения современной киберпреступности в период пандемии COVID-19. Рассмотрены причины увеличения преступлений в киберпространстве, выявлены самые распространенные методы кибератак, приведены актуальные статистические данные о киберпреступности.

Ключевые слова: киберпреступность, COVID-19, пандемия, кибератака, злоумышленники, фишинг, вредоносное программное обеспечение.

Масштаб киберпреступности начал представлять реальную угрозу экономической и правовой безопасности современного общества еще до появления пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Киберпреступность образует деяния, совершенные в киберпространстве, представляющие собой противоправные вмешательства в функционирование компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей; несанкционированные модификации компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров, компьютерных сетей и программ [1,2]. Повсеместное распространение технологий и растущие темпы использования сети Интернет [3,4] превратили киберпреступность в малорискованную и высокодоходную деятельность для широкого круга субъектов. Устаревшие технологии, используемые в ключевых инфраструктурных объектах, и отсутствие достаточных инвестиций в информационную безопасность в компьютерных сетях также усугубляют проблему [5]. Более того, методы, используемые для совершения киберпреступлений, эволюционируют, причем злоумышленники все чаще используют такой метод кибератак, как фишинг или же другие формы с использованием социальной инженерии.

Правоохранительные органы с трудом успевают за скоростью развития данной сферы, что приводит к значительному глобальному пробелу в правоприменении в киберпространстве, позволяющему компьютерным преступникам действовать практически безнаказанно. По оценкам аналитического центра Third Way, в 2018 году только 3 из 1000 зарегистрированных киберинцидентов в США привели к аресту одного или нескольких преступников. Хотя масштабы всего глобального пробела в правоприменении неизвестны, показатели в других странах ненамного лучше [6]. Существует множество технических и стратегических проблем, которые способствовали возникновению этого пробела, включая значительные препятствия, связанные со сбором, обработкой и передачей электронных данных. При всем многообразии правовых инструментов, имеющих в наличии у органов государственной власти, на данный момент еще наблюдаются некоторые сложности в их применении для борьбы с деятельностью преступных элементов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [7].

Если еще до кризиса, вызванного COVID-19, киберпреступность продолжала расти и трансформироваться, то теперь пандемия только ускорила этот процесс. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оказывает серьезное влияние на глобальную картину киберугроз. Усугубление кризиса

здравоохранения резким ростом активности киберпреступников оказывает значительное давление на правоохранные органы во всем мире. По данным Интерпола (Международной организации уголовной полиции), в первые месяцы пандемии, а именно с января по апрель 2020 года, было обнаружено 907 000 спам-сообщений, 737 инцидентов с использованием вредоносным ПО, и 48 000 вредоносных URL-адресов – все они связаны с COVID-19 [8].

В настоящее время по всему миру действуют комплексные меры социального дистанцирования. Эти меры привели к значительному увеличению использования средств онлайн-коммуникаций государственными органами, предприятиями и частными лицами. Для многих работа с использованием онлайн-технологий в подобном масштабе непривычна. Данные аудитории представляют собой обширную, привлекательную и уязвимую целевую группу для киберпреступников. В связи с необходимостью удаленной работы и обучения, в Сети все больше пользователей, которые менее осведомлены об угрозах и в большей степени подвергают себя рискам находясь дома, чем на работе или в школе.

С целью максимизации ущерба и финансовой прибыли, киберпреступники переключают свое внимание с частных лиц и малого бизнеса на крупные корпорации, правительства и ключевые инфраструктурные объекты, которые играют решающую роль в реагировании на вспышку кибератак. Как было упомянуто выше, в связи с внезапным и необходимым глобальным переходом на работу в дистанционном режиме, организациям пришлось быстро развернуть удаленные компьютерные системы, сети и приложения. В результате киберзлоумышленники используют возросшую уязвимость систем безопасности для кражи данных, получения прибыли и нарушения работы систем [9].

В свете данных событий руководство Интерпола по киберпреступности подготовило Глобальный отчет о сетевой преступности в период COVID-19 на основе доступа к данным 194 стран-членов и частных партнеров для того, чтобы представить всесторонний анализ ситуации в первые месяцы пандемии. Отчет основан на данных, полученных от стран-членов и частных партнеров Интерпола в рамках Глобального опроса Интерпола о киберпреступности.

На основе анализа данных, полученных от стран-членов и частных партнеров в качестве основных угроз в отношении пандемии COVID-19 были определены самые распространенные киберугрозы, а именно фишинг и вредоносное программное обеспечение (ПО).

Около двух третей стран-членов, ответивших на опрос, сообщили о значительном использовании тематики COVID-19 для фишинга и онлайн-мошенничества с момента вспышки пандемии. Фишинг – это вид интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальной

информации пользователя, то есть к логину и паролю. Значительная часть инцидентов, о которых сообщили правоохранные органы, была связана с использованием субъектами угроз фишинговых писем с тематикой COVID-19 для вымогательства учетных данных и паролей пользователей. Эти письма часто выдают себя за официальные правительственные и медицинские учреждения, утверждая, что предоставляют необходимую информацию и рекомендации относительно пандемии.

Фишинговые электронные письма, якобы отправленные от министерств здравоохранения или Всемирной организации здравоохранения, содержали вредоносные вложения, использующие уязвимости системы для запуска вредоносного кода. Такие вредоносные программы, как Emotet, Trickbot и Cerberus, разработанные специально для кражи информации, были зарегистрированы как широко используемые в фишинговых письмах.

Кроме того, компрометация корпоративной электронной почты по-прежнему является предпочтительной схемой для многих субъектов угроз. Тактика была адаптирована к текущему контексту COVID-19 – подмена адресов электронной почты поставщиков и клиентов или использование почты идентичных адресов электронной почты для проведения атак. Как только люди переходят по ссылке или загружают документ, учетная запись становится скомпрометированной. Компрометация учетной записи может быть заметна жертве, но чаще всего она остается скрытой и позволяет установить долгосрочный доступ к учетной записи, организации и связанным с ней программным обеспечением. Крайняя потребность в предметах первой необходимости и медицинских товарах представляет собой идеальный сценарий для злоумышленников по сбору информации или перенаправлению денежных средств на счета преступников.

К числу основных тем фишинга COVID-19 относятся: электронные письма от национальных или глобальных органов здравоохранения; правительственные постановления и инициативы по финансовой поддержке; поддельные запросы на оплату и возврат денег; предложения вакцин и медицинских препаратов; приложения для отслеживания COVID-19 для мобильных телефонов; просьбы о благотворительности и пожертвованиях для заболевших коронавирусом инфекцией.

В целом, из-за COVID-19 и последующей самоизоляции, фишинговые приманки на тему коронавируса набирали обороты, привлекая уязвимых пользователей сети Интернет. Особенно это касается граждан пожилого возраста, которые зачастую менее осведомлены об опасностях в Интернете. Данная группа населения становится мишенью для киберпреступников, использующих их для загрузки и пересылки вредоносных ссылок через электронные спам сообщения о COVID-19, а также в целях распространения ложной информации среди друзей и членов семьи (Рисунок 1).

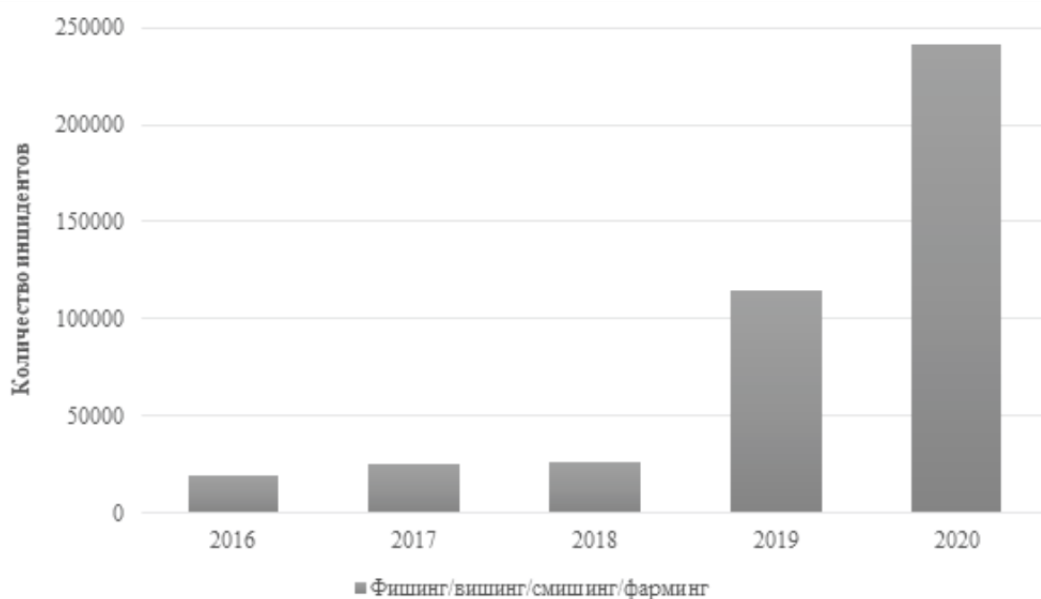

Рисунок 1 – Гистограмма фишинг-инцидентов в период с 2016 по 2020гг.
 Источник: составлено авторами на основе данных FBIInternetCrimeReport 2020

В соответствии с рисунком 1, количество фишинг-инцидентов, включая вишинг (телефонное мошенничество), смишинг (SMS-фишинг), фарминг (ложный IP-адрес), с 2016 по 2020 г. увеличилось на 221 877. Причем основной скачок пришелся на 2019 и 2020 г., и причина этому пандемия COVID-19.

Второй по распространенности киберугрозой является использование злоумышленниками вредоносных ПО, в основном таких, как Ransomware и DDoS. Согласно Рисунку 2, с учетом вспышки коронавируса количество атак вредоносных программ увеличилось, одновременно менялись и объекты киберугроз. Данные кибератаки производятся с целью срыва или затруднения нормальной работы

веб-сайта, сервера или другого сетевого ресурса. Хакеры осуществляют такие атаки разными способами. Один из них – это отправка на сервер многочисленных запросов, которая может привести к затруднению или срыву работы, если ресурсов сервера окажется недостаточно для их обработки. Стоит отметить, что основной фокус кампаний по распространению вредоносного ПО сместился с частных лиц и малого бизнеса на государственные учреждения и сектор здравоохранения, где могут быть выдвинуты более высокие финансовые требования.

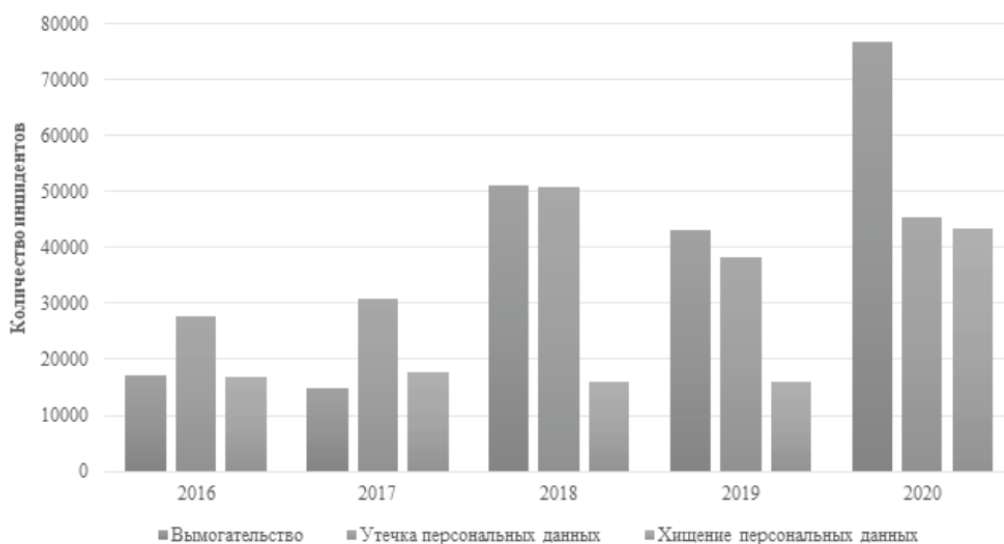

Рисунок 2 – Гистограмма основных видов киберпреступлений с использованием вредоносных ПО в период с 2016 по 2020гг.
 Источник: составлено авторами на основе данных FBIInternetCrimeReport 2020

Согласно рисунку 2, количество таких киберпреступлений, как вымогательство, утечка и хищение персональных данных, продолжает увеличиваться.

В 2020 году произошел резкий скачок вымогательств и хищений персональных данных, что больше, по сравнению с 2019 г., на 33 640 и 27 277 инцидентов соответственно.

Множество учреждений сообщали об атаках вредоносных программ на критически важную инфраструктуру правительственных организаций, больниц и медицинских центров, перегруженных в связи с кризисом здравоохранения. Такие программы-вымогатели, как Ransomware или DDoS, направлены на то, чтобы перекрыть доступ к данным или нарушить работу системы, усугубляя и без того тяжелую ситуацию.

Ярким примером может послужить инцидент в Германии, где более 30 внутренних серверов Университетской клиники Дюссельдорфа были зашифрованы в результате действия вируса-вымогателя. В связи с этим деятельность IT-инфраструктуры учреждения была приостановлена, а пациенты в тяжелом состоянии были переведены в другие медучреждения. Хакеры использовали вирус-шифровальщик с целью вымогательства. Попав в систему, вирус шифрует пользовательские файлы, требуя выкуп за ключ расшифровки. Следует отметить, что данная атака не была единичным случаем. Известно, что во время пандемии злоумышленники также атаковали систему больниц Парижа, медицинские клиники и учреждения здравоохранения в США, Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), учреждения, занимающиеся исследованием вакцин от COVID-19, и многие другие.

Конечное воздействие Ransomware и DDoS-атак зависит от конкретного случая и может включать в себя нарушение работы, установку блокировочных замков на особо важные системы и потерю данных, что повлечет за собой финансовые потери в период неисправного состояния, восстановление систем и файлов.

Что касается ситуации с киберпреступностью в России, то согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в январе-августе 2021 года было зарегистрировано 358,8 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 12,7% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 23,3% в январе - августе 2020 года до 26,5%. Практически все такие преступления (98,3%) выявляются органами внутренних дел. Более того, резкий скачок количества киберпреступлений в России негативно сказался на общей раскрываемости уголовных дел. На общую раскрываемость негативно повлияло резкое увеличение количества посягательств, совершенных с использованием IT-технологий, и объективные сложности в установлении причастных к ним лиц (Рисунок 3).

В соответствии с рисунком 3, две трети (67,3%) совершается с использованием сети «Интернет» (241,5 тыс.; +32,2%), более трети (40,2%) – средств мобильной связи (144,4 тыс.; +6,4%).

Подобные инциденты напоминают о постоянной угрозе, которую киберпреступность представляет для национальной, экономической и социальной безопасности стран. Киберпреступность стремительно развивалась в большинстве стран мира еще

до пандемии COVID-19, а вирус лишь предоставил преступникам новые возможности и лазейки. Наряду с традиционными видами киберпреступности, передовые таргетированные кибератаки продолжают совершенствоваться и использоваться для получения выгоды из ситуации с пандемией COVID-19. Основной целью подобных атак являются объекты инфраструктуры, включая больницы и лаборатории по разработке вакцин. При этом применяются вредоносные программы, программы-вымогатели, а также DDoS-атаки. Мотивом для подобных атак служит не только получение прибыли, но и возможность доступа к персональным данным и другой конфиденциальной информации, представляющей ценность. Таким образом, киберпреступность оказалась угрозой, которой необходимо уделять больше внимания во всех секторах общества. В долгосрочной перспективе возникает ряд вопросов о том, как рост киберпреступности, связанный с пандемией, повлияет на события, которые уже происходили до начала пандемии. В частности, киберпреступность, связанная с COVID-19, и то внимание, которое ей уделяется во всем мире, могут иметь долгосрочные последствия для глобального сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и для управления сети Интернет в более широком смысле.

Рисунок 3 – Преступления, совершенные с использованием IT-технологий, на территории Российской Федерации за 2021г. Источник: составлено авторами на основе отчета МВД РФ 2021

Литература

1. Афанасьева, О. Р. Криминология и предупреждение преступлений : учебник и практикум для среднего профессионального образования / О. Р. Афанасьева, М. В. Гончарова, В. И. Шиян. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 360 с. (дата обращения: 10.10.2021)
2. Киберпреступность: риски и угрозы : материалы Всероссийского студенческого круглого научно-практического стола с международным участием / Под ред. д-ра юрид. наук, доцента Е. Н. Рахмановой. – Санкт-Петербург : Астерион, 2021. – 236 с. (дата обращения: 10.10.2021)
3. Зенкина Е.В., Ивина Н.В., Малинин А.А. Информационные технологии как современный канал влияния на устойчивое экономическое развитие

стран - Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2019. № 3 (41). С. 52-57.

4. Зенкина Е.В. Информационное пространство - новое поле международной конкуренции - Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 1 (43). С. 57-61.

5. Зенкина Е.В. К вопросу об изменении силы воздействия мировой экономики на финансовую сферу России - Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 1. С. 27-38.

6. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.unodc.org/> (дата обращения: 12.10.2021)

7. FBI : InternetCrimeComplaintCenterIC3 [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.ic3.gov/> (дата обращения: 10.10.2021)

8. Interpol [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.interpol.int/> (дата обращения: 12.10.2021)

9. Министерство внутренних дел РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.10.2021)

Cybercrime during the COVID-19 coronavirus pandemic

Harlanov A.S., Boboshko A.A., Grosu A.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

Cybercrime has developed rapidly in most countries of the world even before the COVID-19 pandemic, and the virus has only provided criminals with new opportunities and loopholes. Along with traditional types of cybercrime, advanced targeted cyber attacks continue to evolve and be used to capitalize on the COVID-19 pandemic. The main targets of such attacks are infrastructure facilities, including hospitals and vaccine development laboratories. This involves malware, ransomware, and DDoS attacks. The motive for such attacks is not only profit, but also the ability to access personal data and other confidential information of value. Thus, cybercrime has proven to be a threat that needs to be given more attention in all sectors of society. In the long term, a number of questions arise about how the rise in cybercrime associated with the pandemic will affect events that already took place before the pandemic began. In particular, COVID-19-related cybercrime and the worldwide focus on it could have long-term implications for global cooperation in the fight against cybercrime and for the governance of the Internet more broadly.

The article examines the changes in modern cybercrime landscape during the COVID-19 pandemic. The reasons for the increase in crimes in cyberspace are considered, the most common methods of cyberattacks are identified, and current statistics on cybercrime are given.

Keywords: cybercrime, COVID-19, pandemic, cyberattack, cybercriminal, phishing, malicious software.

References

1. Afanasyeva, O. R. Criminology and crime prevention: textbook and workshop for secondary vocational education / O. R. Afanasyeva, M. V. Goncharova, V. I. Shiyani. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. -- 360 p. (date of access: 10.10.2021)
2. Cybercrime: Risks and Threats: Materials of the All-Russian Student Round Scientific and Practical Table with International Participation / Ed. Dr. jurid. Sciences, Associate Professor E. N. Rakhmanova. - St. Petersburg: Asterion, 2021. -- 236 p. (date of access: 10.10.2021)
3. Zenkina E.V., Ivina N.V., Malinin A.A. Information technology as a modern channel of influence on the sustainable economic development of countries - Izvestia of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management. 2019. No. 3 (41). S. 52-57.
4. Zenkina E.V. Information space - a new field of international competition - Izvestia of higher educational institutions. Series: Economics, finance and production management. 2020. No. 1 (43). S. 57-61.
5. Zenkina E.V. On the issue of changing the impact of the world economy on the financial sphere of Russia - Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Control. Right. 2020. No. 1. S. 27-38.
6. United Nations [Electronic resource] - Access mode: <https://www.unodc.org/> (date of access: 12.10.2021)
7. FBI: InternetCrimeComplaintCenterIC3 [Electronic resource] - Access mode: <https://www.ic3.gov/> (date accessed: 10.10.2021)
8. Interpol [Electronic resource] - Access mode: <https://www.interpol.int/> (date of access: 12.10.2021)
9. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [Electronic resource] - Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (date of access: 10.10.2021)

Об особенностях организации и тактики производства отдельных следственных действий в пенитенциарных учреждениях

Акчурин Александр Владимирович

к.ю.н., доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

В последние годы термины «пенитенциарная преступность», «пенитенциарные преступления» и «пенитенциарный преступник» стали все чаще применяться в юридической литературе. Под пенитенциарной преступностью понимается преступность в местах лишения свободы, особенности которой определяются спецификой условий в учреждениях пенитенциарной системы и особой социальной средой осужденных. Общественная опасность пенитенциарных преступлений в последние годы значительно повысилась.

В статье изложены основные тезисы, характеризующие пенитенциарную преступность. На основе осмотра места происшествия, допроса и обыска предпринята попытка показать специфику их тактики и организации при расследовании пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, исправительные учреждения, осужденный, расследование, осмотр места происшествия, допрос, обыск.

В большинстве современных государств одной из основных функций является уголовное преследование лиц, совершивших преступления. После установления вины в содеянном, таких граждан, довольно часто, направляют в специализированные пенитенциарные учреждения, с целью отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Как отмечают Ю.М. Антонян и Е.Н. Колышницына, одним из парадоксов принудительной изоляции в местах заключения состоит в том, что осужденные совершают там новые преступления разной степени тяжести [1, с.83].

В последние годы термины «пенитенциарная преступность», «пенитенциарные преступления» и «пенитенциарный преступник» стали все чаще применяться в юридической литературе.

Под пенитенциарной преступностью понимается преступность в местах лишения свободы, особенности которой определяются спецификой условий в учреждениях пенитенциарной системы и особой социальной средой осужденных [2].

Общественная опасность пенитенциарных преступлений в последние годы значительно повысилась. Это связано с тем, что уголовная политика государства все больше отражает тенденцию гуманизации. В результате существенно изменился состав контингента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Суды стали назначать лишение свободы наиболее запущенным в нравственном и правовом отношении, многократно судимым и соответственно, представляющим повышенную общественную опасность лицам. Данные обстоятельства отрицательным образом сказались на криминогенной ситуации в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [3, с.7].

Необходимо заметить, что на протяжении последних 5 лет пенитенциарная преступность не отличалась существенной динамикой. Ежегодно лицами, находящимися в местах лишения свободы, совершается около тысячи преступлений.

Вместе с тем степень латентности пенитенциарной преступности весьма велика, что создает реальную угрозу безопасности уголовно-исполнительной системы [4, с.61-62].

Характерными преступлениями рассматриваемой категории можно назвать: причинение вреда здоровью различной степени тяжести; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; побеги из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи или уклонение от отбывания лишения свободы; дезорганизация деятельности учреждений,

обеспечивающих изоляцию от общества [5, с.80-81].

Согласно исследованию Н.Г. Шурухнова преступления в исправительных учреждениях совершают три основные группы лиц, отбывающих наказание: первая – криминально активные лица, устойчиво ориентированные на совершение преступлений; вторая – лица, склонные к криминальной деятельности, но не имеющие постоянной установки на совершение преступлений; третья – лица, случайно вовлеченные в преступления [6, с.74-75].

При расследовании преступлений, совершенных в исправительных учреждениях, на организацию и тактику производства отдельных следственных действий влияет ряд дополнительных условий и факторов, обуславливающих особенности их организации, тактики поведения [8, с.11].

Осмотр места происшествия. Применительно к организации и тактике осмотра места происшествия в условия исправительного учреждения следует выделить три существенно разнящиеся ситуации:

осмотр места пресеченного или выявленного в момент совершения пенитенциарного преступления,

осмотр места длящегося пенитенциарного преступления (массовые беспорядки, побег и т.п.),

осмотр места происшествия, выявленного после совершения пенитенциарного преступления.

Применительно к первым двум ситуациям, основной особенностью организации осмотра места происшествия будет необходимость его увязки и сочетания с оперативно-режимными мероприятиями, зачастую с определенной коллизией целей.

Определенным тактическим преимуществом выступает в этих ситуациях тот факт, что на месте происшествия с самого начала будут присутствовать представители администрации исправительного учреждения, которые могут обеспечить сохранность обстановки, а в крайнем случае зафиксировать происшедшие в ней изменения.

Третья ситуация в этом смысле отличается тем, что к моменту установления факта совершения пенитенциарного преступления, обстановка на месте, где оно произошло, может быть изменена заинтересованными лицами, что исключит возможность обнаружения существенных материальных доказательств.

В любой ситуации значительно возрастает роль начальника исправительного учреждения как организатора сохранения обстановки на месте происшествия, руководителя осмотра места происшествия силами оперативного состава учреждения и инициатора активного использования средств криминалистической, оперативной и специальной техники, имеющихся в учреждении.

Определенные особенности организационного характера имеются и в привлечении специалистов для участия в осмотрах мест происшествий в исправительном учреждении, а так же в организации экспертного исследования вещественных доказательств, обнаруживаемых в результате осмотров мест происшествий [8].

Допрос. Организация и производство любого вида допроса применительно к условиям расследования пенитенциарных преступлений имеет свои специфические черты [9].

Прежде всего, потерпевшие и свидетели (и не только из числа осужденных, но и иногда из числа лиц вольнонаемного или начальствующего состава администрации исправительного учреждения) по многим причинам далеко не всегда дают достоверные показания, которые можно класть в основу движения версий по делу.

Часто это объясняется практической невозможностью полного сохранения следственной тайны в условиях исправительного учреждения, где информация о самом факте допроса может иметь существенное значение, особенно в условиях конфликтов между осужденными.

Потерпевшие и свидетели могут стараться избежать допроса, а будучи допрошенными, уклонятся от дачи показаний по существу дела или давать заведомо ложные показания, опасаясь мести от расправы со стороны еще неустановленных преступников или их сообщников.

Поэтому резко возрастает значение организационного обеспечения подготовки и проведения допросов, тесного взаимодействия следователя с оперативными работниками исправительного учреждения, начальниками отрядов, младшими инспекторами и др.

Тактика допроса свидетеля и потерпевшего будет в значительной степени зависеть от знания следователем его психологической характеристики, характера отношений с другими осужденными, роли неформальных группировках осужденных и личностной социальной установки.

Установление психологического контакта с допрашиваемыми потерпевшим или свидетелем из числа осужденных как правило, обеспечивает успех допроса.

Еще сильнее возрастает значение организованных мер и подготовленности следователя при допросе подозреваемых или обвиняемых из числа осужденных, особенно ранее судимых, т.е. имеющих определенные знания о тактике следствия и методах оперативной работы.

Конечно, установление психологического контакта и получение признательных правдивых показаний весьма желательно и в случае допроса подозреваемого и обвиняемого из числа осужденных, но такую возможность не стоит переоценивать.

Следователь должен строить тактику и организовывать расследование таким образом, чтобы иметь к моменту допроса подозреваемого достаточные фактические и юридические основания для допроса даже предъявления обвинения, имея в виду, что допрашиваемый может не дать никаких показаний.

Практика показывает, что наиболее успешно ведут расследование пенитенциарных преступлений, следователи, специализирующиеся на расследования именно этой специфической категории.

Обыск. Применительно к исправительным учреждениям различаются следующие виды обыска:

личный, спального места осужденного, его рабочего места, личных вещей, хранящихся на складе, и помещения [10;14;15].

Личный обыск производится на основе общих правил. Всегда, когда это возможно, его следует проводить в помещении. Обыск должен быть оформлен протоколом с соблюдением всех необходимых уголовно-процессуальных требований.

При обыске спального места обследуются койка (нары), постельные принадлежности, тумбочка, находящиеся в ней личные вещи, а также стены и потолок поблизости от спального места. Одновременно целесообразно провести обыск спальных мест соседей осужденного, а также его земляков и лиц, поддерживающих с ним дружеские отношения.

Обыск личных вещей осужденного проводится по месту их хранения, т.е. в помещении склада (или каптерки).

Объектом обыска может быть все жилое помещение или какая-либо его часть, квартира вольнонаемного сотрудника исправительного учреждения, номер гостиницы и т.д.

Все обыски на территории жилой и производственной зон исправительного учреждения целесообразно проводить в отсутствие основной массы осужденных (когда они находятся на работе, во время спортивных и иных общеобязательных мероприятий и т.д.). При проведении обысков необходимо использовать криминалистическую технику (металлоискатель, магнитный подъемник).

Следует иметь в виду отличие обыска (процессуального действия) от обыска (режимного мероприятия), проводимого представителями администрации. Режимный обыск проводится в целях реализации норм уголовно-исполнительного законодательства. Участвовать в его проведении могут любые сотрудники исправительного учреждения на усмотрение руководства исправительного учреждения. Результаты его проведения оформляются актом [11; 12;13].

Литература

1. *Антонян Ю.М., Колышницына Е.Н.* Мотивация поведения осужденных: монография. М., 2009. 142 с.

2. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. *А.И.Долговой*. М., 2000. 596 с.

3. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / *В.С. Жеребин [и др.]*. Владимир. 2005. 419 с.

4. *Панасенко Е.К.* Латентность пенитенциарной преступности как угроза криминологической безопасности УИС // Закон и право. 2006. № 10. С. 61-62.

5. *Акчуринов А.В.* Типичный пенитенциарный преступник: от криминологии к криминалистике // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 1. 2015. С. 80-88.

6. *Шурухнов Н.Г.* Личность пенитенциарного преступника // Социологические исследования. 1993. №3. С.74-83.

7. *Кулагин Н.И.* Организация и тактика предварительного следствия в местах лишения свободы: учебное пособие. Волгоград, 1977. 125 с.

8. Расследование преступлений, совершаемых в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы: практическое руководство для следователей, дознавателей правоохранительных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы / под ред. *Е.П. Ищенко, О.А. Белова*. М.: Юрлитинформ, 2013. 376 с.

9. *Лютынский А.М.* Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: дис. ...канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 198 с.

10. *Валеев А. Т.* Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы: научные и организационно-правовые основы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 228 с.

11. *Аверкин С.Д.* Использование результатов режимных мероприятий (досмотра и обыска), проводимых в исправительных учреждениях, в расследовании преступлений: дис. ...канд. юрид. наук. Люберцы, 2009. 231 с.

12. *Плетнева А.П., Никонович С.Л.* Правовое положение осужденных // Актуальные проблемы современной юриспруденции. Институт права и экономики. 2017. С. 176-180.

13. *Волынский А.Ф., Тишутина И.В., Никонович С.Л.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: организационные основы // Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы противодействия преступности. Сборник материалов международного межвузовского круглого стола. Институт права и экономики. 2016. С. 49-55.

14. *Никонович С.Л.* Некоторые проблемы предварительного следствия в свете нового УПК РФ // Право и правоприменение: история, проблемы, тенденции, перспективы. Сборник научных трудов. Липецк, 2005. С. 107 – 110.

15. Уголовно-исполнительное право / *Бугера Н.Н., Стрилец О.В., Канубриков В.А.* Тамбов, 2015.

On the organization and tactics of production individual investigations in prisons Akchurin A.V.

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
In recent years, the terms "penitentiary crime", "penitentiary crimes" and "penitentiary offender" have become increasingly used in the legal literature. Penitentiary crime is understood as criminality in places of deprivation of liberty, the features of which are determined by the specifics of conditions in the institutions of the penitentiary system and the special social environment of convicts. The public danger of penitentiary crimes has increased significantly in recent years.

The article presents the main theses characterizing penitentiary crime in General.

On the basis of examination of the scene, interrogation and search, an attempt was made to show the specificity of their tactics and organization in the investigation of penitentiary crimes.

Keywords: crime, prison, correctional facility, convicted, investigation, scene examination, interrogation, search.

References

1. Antonyan Yu.M., Kolyshnitsyna E.N. Motivation of Convict Behavior: Monograph. M., 2009.142 p.
2. Russian criminological encyclopedia / under total. ed. A.I.Dolgovoy. M., 2000.596 p.
3. Penitentiary crime: essence and actual problems of prevention: monograph / V.S. Zherebin [and others]. Vladimir. 2005.419 p.

4. Panasenko E.K. Latency of penitentiary crime as a threat to the criminological security of the UIS // Law and Law. 2006. No. 10. S. 61-62.
5. Akchurin A.V. Typical Penitentiary Offender: From Criminology to Criminalistics // Legal Science and Law Enforcement Practice. No. 1. 2015. S. 80-88.
6. Shurukhnov N.G. The personality of a penitentiary criminal // Sociological research. 1993. No. 3. S.74-83.
7. Kulagin N.I. Organization and tactics of preliminary investigation in places of deprivation of liberty: textbook. Volgograd, 1977.125 p.
8. Investigation of crimes committed in the bodies and institutions of the penal system: a practical guide for investigators, investigators of law enforcement agencies and operational officers of the penal system / ed. E.P. Ishchenko, O.A. Belova. Moscow: YurLitinform, 2013.376 p.
9. Lyutynsky A.M. Tactics of interrogation of participants in criminal proceedings from among persons sentenced to imprisonment: dis. ... Cand. jurid. sciences. Vladimir, 2006.198 p.
10. Valeev AT Tactics of search and seizure in the investigation of crimes committed in the institutions of the penal system: scientific and organizational and legal foundations: dis. ... Cand. jurid. sciences. M., 2006.228 p.
11. Averkin S.D. The use of the results of security measures (inspection and search) carried out in correctional institutions in the investigation of crimes: dis. ... Cand. jurid. sciences. Lyubertsy, 2009.231 p.
12. Pletneva A.P., Nikonovich S.L. Legal status of convicts // Actual problems of modern jurisprudence. Institute of Law and Economics. 2017.S. 176-180.
13. Volynsky A.F., Tishutina I.V., Nikonovich S.L. Forensic support for the disclosure and investigation of crimes: organizational foundations // Criminal-legal, criminological and forensic problems of combating crime. Collection of materials of the international interuniversity round table. Institute of Law and Economics. 2016.S. 49-55.
14. Nikonovich S.L. Some problems of the preliminary investigation in the light of the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Law and law enforcement: history, problems, trends, prospects. Collection of scientific papers. Lipetsk, 2005.S. 107 - 110.
15. Criminal executive law / Bougera N.N., Strilets OV, Kanubrikov V.A. Tambov, 2015.

Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, с учетом особенностей расследования коррупционных преступлений в сфере дорожного строительства

Габоев Н.В.

адъюнкт Нижегородской академии Министерства Внутренних Дел РФ

В статье затрагиваются актуальные вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании. Уделяется внимание проведению оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование фактов противоправной деятельности в сфере дорожного строительства, а также рассматривается проблема доказывания по данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; результаты оперативно-розыскной деятельности; уголовное судопроизводство; доказывание; доказательства; коррупционные преступления; сфера дорожного строительства; дорожная отрасль.

Оперативно-розыскная деятельность (далее ОРД), не являясь стадией уголовного процесса, выполняет важнейшую роль, как самостоятельный вид деятельности, основными целями которой, в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (далее ФЗ «ОБ ОРД»), являются защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Для более эффективной защиты охраняемых законом прав и интересов гражданина, общества и государства законодатель наделил уполномоченные оперативные подразделения исключительным правом осуществлять указанную деятельность гласными и негласными методами, тем самым подчеркнув специфическую особенность оперативно-розыскного процесса. Такая исключительность, вытекает из задач, закрепленных в нормативно-правовом поле, и современных процессов, протекающих в социальной, информационной, экономической и иных сферах общества и государства.

Оперативно-розыскная деятельность существенно отличается от уголовного судопроизводства, но в то же время прочно с ним связана. С точки зрения процесса познания, оперативно – розыскная деятельность, как и уголовно-процессуальное доказывание используют возможности применения эмпирического и рационального познаний, направленных на интересующие объекты, отражаемые в объективной действительности, дифференцированным по своим качествам и свойствам. Однако фиксация только внешних явлений фрагментарно и не способствует установлению истинных процессов криминальной деятельности. Примером может служить, закрепление объективной стороны преступления, предмета и субъектов противоправных деяний, без учета субъективных факторов, включающих в себя цели, мотивы и форму вины. Учитывая данный аспект, оперативно-розыскная деятельность имеет более широкий спектр документирования таких факторов, в связи с возможностью использования негласных методов фиксации, в случае получения первичной информации. Тем не менее, процедура получения объективных оперативных данных, в том числе установления виновности субъекта преступной деятельности, не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам, не пройдя сложный процессуальный путь. Говоря другими словами, негласно полученные сведения, переданные в следственные

органы, могут быть отнесены к доказательствам только после проведения процессуальных действий, которые подтверждают указанные сведения.

Ст. 11 ФЗ «Об ОРД» указывает на то, что результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, в качестве доказывания с соблюдением соответствующих процессуальных норм, регламентирующих собрание, проверку и оценку доказательств, либо могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела[1]. Анализ данной нормы показывает, что результаты ОРД, направленные в следственные органы, выполняют информационную функцию, необходимую для принятия дальнейших процессуальных решений. При этом, до тех пор пока процессуальными действиями, в том числе проведением допросов, обысков, выемок, судебных экспертиз и т.д., не будет подтверждена достоверность предоставленных оперативно-розыскных сведений, они не могут рассматриваться в качестве допустимых доказательств.

Данная позиция отражена Конституционным Судом РФ, который определил, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются только сведениями об источниках фактов, полученных с соблюдением требований законодательства, регулирующего оперативно-розыскную деятельность. Данные факты могут быть признаны доказательствами исключительно после их закрепления надлежащим процессуальным путем[2].

В уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной науках ОРД также рассматривается в качестве источника непроцессуальной информации, которая используется должностными лицами органов расследования для решения определенных задач уголовного процесса.[3] При этом отмечается, что непроцессуальная деятельность без последующего использования ее результатов в уголовном процессе была бы бесцельной [4].

Сложившаяся ситуация вытекает из различия нормативно-правового содержания правил и регламентов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность и уголовный процесс. Стоит обратить внимание на то, что уголовное судопроизводство регулируется исключительно нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УК РФ), что требует строгого правового упорядочивания. В свою очередь, оперативно-розыскная деятельность, наряду с Федеральным законом и в пределах установленных данным законом, предполагает использование ведомственных актов, без которых ее правовое регулирование оказывается невозможным.

Однако, допущение специфических методов и средств достижения целей ОРД, не предполагает их использование вне норм уголовно-процессуального законодательства. В соответствии со ст. 89 УК РФ в процессе доказывания запрещено использовать результаты оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам.[5] Иными словами, в ходе документирования преступной дея-

тельности методами и средствами ОРД, необходимо оценивать полученные результаты, с учетом установленных правил оценки доказательств, с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности.

Тем не менее, в юридической науке действие указанной статьи, подвергается критике. Так, профессор Зажицкий В.И. указывает на то, что название ст. 89 УК РФ не соответствует ее содержанию, так как исходя из смысла рассматриваемой нормы, «в ходе оперативно-розыскной деятельности никогда не могут быть получены результаты, которые отвечали бы установленным требованиям», предъявляемым к доказательствам [6].

Несмотря на имеющиеся различия в форме и содержании рассматриваемых процессов, нельзя отрицать тот факт, что задачи оперативно-розыскной деятельности могут быть наиболее успешно достигнуты только в рамках уголовного судопроизводства.

С учетом возникающих проблем, хотелось бы рассмотреть вопрос взаимодействия оперативных подразделений и следственных органов через призму формирования доказательственной базы, посредством оперативно-розыскных мероприятий, в ходе расследования коррупционных преступлений в сфере дорожного строительства.

Невзирая на имеющиеся сложности, важнейшим условием качественного расследования коррупционных преступлений в дорожной отрасли является успешное осуществление оперативно-розыскных мероприятий, в соответствии с требованиями законодательства РФ, регулирующего оперативно-розыскную деятельность, а также правильное применение мер доследственной проверки после реализации оперативных материалов.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудники оперативных подразделений, в пределах своей компетенции, установленной ведомственными нормативно-правовыми актами, проверяют полученную информацию о признаках подготавливаемых, совершаемых, совершенных коррупционных преступлений, связанных с неправомерным использованием бюджетных денежных средств, направленных на строительство и капитальный ремонт автомобильных дорог. Наличие достоверной информации, включающей в себя все стороны противоправной деятельности интересующих субъектов, дает полноценную возможность получить объективные и всесторонние доказательства и установить всех участников преступления. Иными словами, качественная первичная оперативная информация создает действенную и эффективную основу для проведения необходимых следственных действий и осуществления уголовного преследования преступных элементов.

Уполномоченные оперативные сотрудники самостоятельно, в пределах своей компетенции, осуществляют выбор необходимых оперативно-розыскных и технических мероприятий, принимая соответствующие меры по маскировке процесса документирования от участников преступной деятель-

ности, в отношении которых получена и проверяется оперативная информация. Стоит обратить внимание, что меры фиксации должны подбираться, с учетом прогнозирования результатов на предмет их законности, качества, убедительности и достоверности.

В контексте оценки ожидаемых и возможных результатов оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, совершающих, либо совершивших коррупционные преступления в сфере дорожного строительства, с целью более эффективного выполнения задач ОРД, необходимо осуществить сбор и проверку оперативной информации по следующим этапам и направлениям:

1) Получение достоверных данных о должностных лицах органов исполнительной и законодательной власти, являющихся участниками коррупционной схемы при освоении бюджетных средств на объекты дорожной инфраструктуры.

2) Выявление подконтрольных подрядных организаций, являющихся частью коррупционных схем.

3) Проверка оперативных данных о возможном вовлечении руководителей и должностных лиц экспертно-строительных организаций, с целью сокрытия следов преступной деятельности.

4) Установление и фиксация фактов завышения объемов выполненных работ и иных незаконных действий, в ходе строительства объектов дорожной инфраструктуры.

5) Обнаружение предметов и документов, используемых в процессе совершения противоправной деятельности, с учетом требований, предъявляемых уголовно-процессуальным законодательством к вещественным доказательствам.

6) Принятие мер по выявлению каналов легализации доходов, полученных в результате преступной деятельности, с целью возмещение материального ущерба.

7) Непосредственная фиксация противоправных деяний субъектов коррупционной деятельности в дорожной отрасли и их преступных связей.

Правовая основа эффективного использования данных направлений, закреплена в ФЗ «Об ОРД», которые включают в себя:

– проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, в том числе затрагивающих конституционные права граждан;

– использование специальных информационных систем, с помощью которых осуществляется сбор и систематизация дополнительных сведений, а также заведение дел оперативного учета, с целью проверки и оценки результатов оперативно-розыскной деятельности;

– привлечение отдельных лиц с их согласия к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий, с соблюдением принципа конфиденциальности;

– защита сведений о негласных оперативно-розыскных мероприятиях, силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности [1].

Необходимо разграничивать первичную информацию о коррупционных преступлениях в сфере дорожного строительства. Поступающие сведения могут содержать как факты получения либо дачи взяток (коммерческого подкупа), так и факты хищения денежных средств, в ходе исполнения контрактов (договоров) в сфере дорожного строительства.

Рассматривая первую ситуацию, необходимо указать, что эффективное и всестороннее документирование взяточничества (коммерческого подкупа) в сфере дорожной деятельности, осуществляется с применением только негласных методов и средств, которые оперативный работник подбирает, исходя из складывающейся оперативной обстановки. Практика показывает, что проблема, как правило, возникает в процессе реализации оперативных данных. Следственные органы, даже в случае задержания лица с поличным, затягивают принятие процессуального решения до получения оперативных материалов в полном объеме, при рассмотрении которых следователь оценивает их с учетом требований, предъявляемых к доказательствам, согласно ст.ст. 87-89 УПК РФ. Возникающая ситуация дает возможность субъектам взятки (коммерческого подкупа) всячески противодействовать ходу проверки, в том числе путем давления на свидетелей, что может изменить объективные обстоятельства, которые впоследствии будут не соответствовать представленным результатам ОРД. При таких условиях, следственный орган, может признать существенную часть оперативных данных не допустимых в качестве доказательств, так как на момент производства процессуальных действий объективно не будут подтверждаться содержащиеся в них сведения.

Во второй ситуации, проблема возникает при оценке и проверке полученной информации о хищении денежных средств, выделенных на строительство или капитальный ремонт определенного участка дороги. Сотрудники оперативных подразделений, при оценке таких данных могут рассматривать их с точки зрения очевидности, не требующей глубокого анализа и документирования, применяя только гласные мероприятия. Такой подход является непродуктивным и не решает задачи ОРД.

В рассматриваемой ситуации, сотрудники органов, уполномоченных на проведение ОРД, не проводят поэтапную оценку и проверку полученной информации, с учетом рассмотренных выше направлений, опережают ход и порядок проверочных мероприятий. Проведение официальной строительно-технической экспертизы на предмет установления завышенных объемов выполненных работ, на первоначальном этапе, является преждевременным и ошибочным. Во-первых, проведение такого рода экспертиз целесообразно осуществлять в рамках доследственной проверки, проводимой в соответствии с УПК РФ, что очень сильно сужает возможности применения методов ОРД. Во-вторых, применение данного способа документирования, с большой долей вероятности приведет к раскрытию проверочных мероприятий и к осведомленности участников преступной схемы, что в свою

очередь может оказать существенное противодействие ходу проверки.

Как уже было сказано выше, любые результаты ОРД могут быть признаны доказательствами исключительно после их закрепления надлежащим процессуальным путем. Заключение строительно-технической экспертизы не является исключением. Результаты таких исследования буду рассматриваться следственными органами, в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД», как одно из оснований возбуждения уголовного дела. Движения оперативного работника от факта установления завышенных объемов работ, не дает полной картины противоправной деятельности, не позволяет установить весь круг лиц, причастных к преступлению, а также оставляет пробел в доказывании субъективной стороны, в том числе вины.

Поэтому, в случае получения сведений о фактах хищения в дорожной отрасли, было бы более целесообразным и эффективным использовать негласные методы и средства, в том числе связанные с установлением фактических объемов работ, путем проведения обследования участка местности, в соответствии с требованиями ФЗ «Об ОРД» и ведомственными нормативными актами, с привлечением соответствующих специалистов.

В случае правильного использования мер оперативно-розыскной деятельности и получения достаточных данных о наличии признаков состава преступления, с учетом законности и достоверности оперативных данных, полученные результаты и материалы передаются в следственные органы на основании Приказа МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Однако, представленные результаты, могут быть допустимыми по своему содержанию, так как указывают на конкретные признаки состава преступления, но по способу их получения могут не соответствовать процессуальным нормам. Такая ситуация возникает в случаях:

- согласования производства ОРМ должностными лицами не уполномоченными на это;
- отсутствия оснований, предусмотренных ФЗ «Об ОРД» для проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- неправильное оформление оперативно-служебных документов, в том числе наличие ошибок в их содержании;
- осуществление ОРМ, не регламентированных оперативно-розыскным законодательством.

Профессор В.Н. Исаенко в своем анализе указывает на то, что в сложившейся практике часто обжалуется законность и обоснованность проводи-

мых оперативно-розыскных мероприятий и, вследствие этого, правомерность доказательств по уголовным делам, возбужденным на основании таких оперативно-розыскных данных.[8]

Таким образом, несоответствие результатов, получаемых в рамках оперативно-розыскного процесса, правовой структуре доказательств, установленной уголовно-процессуальным законодательством, вызывает существенные проблемы в процессе доказывания по уголовным делам. Повышение качества доказательственной базы, в соответствии с правилами оценки доказательств, с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности с одной стороны, и расширение уголовно-процессуального понятия доказательств, с учетом специфики оперативно-розыскной деятельности с другой стороны, может привести к существенному повышению качества расследования уголовных дел указанной категории.

Литература

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

2. По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности": Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 3.

3. *Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И.* Правовые основы оперативно-розыскной деятельности, учебное пособие; под общ. ред. *В.В. Степанова*. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016 С. 59.

4. *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М. : Юридическая литература, 1991. С. 80.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральный закон РФ от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) //СПС «КонсультантПлюс»

6. *Зажицкий В.И.* Трудности представления результатов оперативно-розыскной деятельности властными участниками уголовного судопроизводства остаются // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 51–52.

7. *Исаенко В.Н.* Допустимость доказательств, полученных при исследовании результатов оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2011. № 1.

Problems of using the results of operative-personal activity as proofs in criminal proceedings, with regard to the peculiarities of investigation of corruption crimes in the sphere of road construction

Gaboev N.V.

Nizhny Novgorod Academy Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article addresses topical issues of using the results of operative-search activity in criminal procedural proof. Attention is paid to conducting operational search activities aimed at documenting the facts of unlawful activities in the field of road construction, and also examines the problem of proof of this category of criminal cases.

Keywords: operatively-search activity; results of operative-search activity; criminal proceedings; proof; evidence; Corruption crimes; sphere of road construction; road industry.

References

1. On operational-search activity: Federal Law of the Russian Federation of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 06.07.2016) // SPS "ConsultantPlus".
2. On the complaint of citizens MB. Nikolskaya and M.I. Saprionov for violation of their constitutional rights by certain provisions of the Federal Law "On Operational Investigative Activity": Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 4, 1999, No. 18-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1999. No. 3.
3. Alferov V.Yu., Grishin A.I., Ilyin N.I. Legal bases of operational-search activity, textbook; under total. ed. V.V. Stepanov. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the PRUE. G.V. Plekhanov, 2016 p. 59.
4. Bednyakov D.I. Non-procedural information and crime investigation. M.: Legal Literature, 1991.S. 80.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation Federal Law of the Russian Federation of December 18, 2001. No. 174-FZ (as amended on 02.19.2018) // SPS "ConsultantPlus"
6. Zazhitsky V.I. Difficulties in presenting the results of operational-search activities by the authorities in criminal proceedings remain // Russian Justice. 2008. No. 2. P. 51–52.
7. Isaenko V.N. Admissibility of evidence obtained in the study of the results of operational-search activity // Legality. 2011. No. 1.

Криминалистическое моделирование как универсальный метод научного познания события преступления

Пристанков В.Д.

кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция криминалистического научного познания события преступления определяется точной постановкой цели и задач его изучения как криминального явления действительности, произошедшего в прошедшем временном периоде, и логическим обоснованием стратегии его исследования. Использование ретроспективного моделирования как универсального метода изучения криминального события путем создания трех уровней моделей: концептуальной (понятийной), информационной (описательной) и логической (факторной) позволяет структурировать перечень событийных компонентов криминального явления как цельного и единого объекта познания, осуществить описание понятий системных элементов структуры и выявить и проанализировать многоуровневую систему внутренних и внешних взаимосвязей, обуславливающих закономерные процессы его развития и следообразования.

Ключевые слова: концепция познания события преступления; криминалистическое моделирование как метод научного познания криминального события; концептуальная, информационная и логическая модели события преступления; закономерности развития криминального события.

Концепция любого научного исследования *по существу* представляет собой точное определение цели и задач исследования и обоснование рабочей гипотезы в рамках исследовательского замысла. Формирование же задач по достижению цели вытекает из специфики конкретной предметной области исследования и проблем, актуальных для ее познания. *По содержанию* концепцию можно определить как методику системного исследования предметной области, нужное направление которому придает четкая формулировка его цели и поставленных задач. **Методика** (концепция) – это совокупность разработанных методов исследования, правил их применения и интерпретация полученных результатов.

В криминалистической науке концептуализация как методологическая процедура, обеспечивает теоретическую организацию криминалистических знаний, включая в себя, в том числе, процесс определения когнитивных признаков объектов реального мира, познаваемых криминалистикой.

Особый интерес для криминалистической науки представляет прикладная направленность системного анализа, который применяется как инструмент для решения проблем по изучению различных явлений реальной действительности, в том числе имеющих криминальную направленность, к которым, прежде всего, относится событие преступления (п.1 ч.1 ст. 73 УПК). Следует особо отметить, что с позиции системного подхода, криминальная деятельность, как системный процесс, обладающий пространственно-временной категорией, объективизируется в реальной действительности в структуре целостного завершенного явления действительности – события преступления. На всех стадиях уголовного судопроизводства именно оно является постоянным объектом криминалистических исследований, проводимых на основе применения системного анализа.

Методология криминалистического познания события преступления – это системное исследование, предполагающее решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, изучение системных элементов структуры криминального факта как динамично развивавшегося реального явления, имеющего определенные закономерности возникновения, функционирования и прекращения, а также отражения на объектах окружающей среды; во-вторых, конструирование системы понятийных категорий, обуславливающих системные связи изучаемого объекта и делающих упорядоченным сам процесс познания.

Событие преступления как реально произошедший факт действительности, представляет собой совокупность фактических обстоятельств, полное и всестороннее ретроспективное исследование кото-

рых позволяет получить информационное подтверждение наличия элементов состава преступления или их отсутствия. Именно установление фактических событийных обстоятельств совершения преступления предопределяет обоснованность квалификации содеянного и позволяет изобличить обвиняемого или защитить невиновного от необоснованного обвинения.

Являясь объектом научного криминалистического исследования, событие преступления познается как реальное явление, отразившееся в прошедшем временном периоде на объектах окружающей среды в виде следовой картины, запечатлевшей закономерный процесс его развития.

К такому пониманию значения криминального события (происшествия с признаками элементов состава преступления) и фактическому событийно – системному определению преступного деяния, как центрального конструктивного блока криминального явления реальной действительности, подошли многие ученые криминалисты в своих работах, посвященных криминалистической характеристике преступления или криминалистическому понятию преступления [5, с.78–85; 10, с. 8–16; 12, с.156–160].

Так Г.А. Густов в элементы «криминальной (реальной) системы преступления» включает вовлеченных в процесс преступной деятельности людей, предметы, процессы, явления и т. д. Также он отмечает, что «в отличие от уголовно правовых элементов состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны), являющихся юридическими понятиями, элементы реальной системы преступления существуют фактически и обладают всеми качествами, присущими объектам материального мира» [5, с. 51].

Аналогичной точки зрения придерживается и Н.П. Яблоков. В систему структурных элементов он включает: «субъекты (основные и второстепенные участники деяния), предмет (жертва) посягательства, его цель (вся субъективная сторона состава преступления), само преступное поведение (способы и средства, уловки и ухищрения, используемые преступниками), обстановка совершения (все окружающие субъекта условия, в которых совершается преступная деятельность) и результат (физический, имущественный и моральный вред, причиненный потерпевшему, охраняемым законом отношениям» [13, с. 26].

В.А. Образцов выделяет более широкий перечень системных элементов: преступника (группу преступников), предмет посягательства (человек, вещь и т. д.), цель, мотив, средства достижения преступной цели (орудие, действия, транспорт, способ совершения преступления и т. д.), механизм преступления, последствия содеянного, место и время совершения преступления, обстановку места и вокруг места происшествия (погодные условия, вид и назначение объекта социального характера и т. д.), материально фиксированные следы преступления и преступника, носители следов памяти и сообщаемые ими сведения, внутренние и внешние связи преступления, включая причинную

связь действий и наступивших последствий. По его мнению, указанные объекты «образуют сложный и хотя не однородный, но взаимосвязанный комплекс обстоятельств как потенциальных носителей информации о преступлении и преступнике»[8, с. 39, 50].

Выйдя за рамки изложения криминалистической характеристики преступления ученые фактически перешли к описанию системных обстоятельств события преступления, как четко структурированного реального явления. Нельзя не отметить и фактор, обусловивший во многом такой подход, а именно: криминалистическая характеристика преступления как элемент криминалистической методики расследования преступлений не оправдала возлагаемой на нее методологической функции. На этот познавательный дефект первым обратил внимание Р.С.Белкин, назвав криминалистическую характеристику фантомом, он предложил отказаться от нее как криминалистической категории «не способной на практике служить даже ориентиром в расследовании»[1, с. 223].

А.Ф. Лубин высказал сомнение в полезности для следственной практики криминалистической характеристики, как понятия, не имеющего никакого научно-методического значения [7, с. 97].

Это подтверждают и результаты проведенного нами интервьюирования более 100 следователей и прокуроров, надзирающих за следствием, в 2002–2007г.г. и в 2017–2019г.г., из которых более 90% высказались, что криминалистическая характеристика преступлений в методиках расследования преступлений или в научно-практических рекомендациях по криминалистической методике расследования конкретных видов преступлений, мало информативна, и ими в практической работе не используется. Для получения представления о конкретном виде преступления, они отдают предпочтение уголовно-правовой характеристике или комментариям к конкретным статьям Уголовного кодекса РФ. Для выдвижения следственных версий и планирования расследования и проведения следственных действий считают более полезным описание обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию.

Результаты указанного исследования только лишь еще раз подтверждают предложение Р.С. Белкина включать в конкретную частную методику «в качестве первого ее элемента» описание специфических особенностей предмета доказывания по конкретной категории уголовных дел [2, с.11–12]. Напомним, что первым в этом перечне указано событие преступления.

Научное познание события преступления осуществляется с использованием различных методов, адаптированных для этой цели. Из них для изучения события криминального происшествия, закономерностей развития его в целом и в отдельности структурообразующих системных элементов (обстоятельств), а также образования его следовой картины и ее обнаружения и исследования наиболее универсальным является метод криминалистического моделирования. Исторический обзор при-

менения моделирования как метода научного познания в криминалистике свидетельствует о том, что потенциал возможностей его применения далеко еще не исчерпан. Без преувеличения гносеологического значения моделирования следует отметить, что разработка моделей объектов, познаваемых криминалистической наукой, позволяет решать многие сложные криминалистические задачи на стадиях поисково-познавательной и познавательно-аналитической деятельности следователя по установлению и исследованию обстоятельств события преступления и системному формированию судебных доказательств.

Принимая во внимание иерархическую структуру системы события преступления познать все аспекты его развития в одноуровневой модели довольно сложно. Поэтому для оптимизации научного познания криминального события, на наш взгляд, должно осуществляться последовательное использование трех уровней создания его моделей: концептуального (понятийного), информационного (описательного) и логического (факторного).

В методике научного криминалистического познания события преступления концептуальный подход как конструктивный принцип позволяет на основе изученных событийных фактов создать первоначальное образное представление концептуальной модели события преступления и построить его иерархическую структуру.

Концептуальный уровень модели отражает предметную область в самом общем виде. В криминалистическом познании на этом уровне определяется содержание и структура криминального события как ретроспективной модели общего значения безотносительно к видам или группам преступлений.

В качестве такой *концептуальной модели* события преступления как системы элементов, обеспечивающих своими свойствами и отношениями его цельность и динамику развития, считаем, наиболее подходит структурированный перечень событийных компонентов криминального явления, предложенный Г.А. Густовым: субъект, предмет посягательства, физическая деятельность, психическая деятельность, факты-последствия, место, время и обстановка. Составляя указанный перечень, Г.А. Густов исходил из следующих принципов: «необходимости (т.е. без данного элемента система преступления как целое реальное явление существовать не может); общности для всех преступлений или для определенного вида; значимости для решения криминалистических и правовых задач» [6, с. 51]. «Каждый из перечисленных элементов необходим, но только все они в совокупности образуют целостность» криминального явления [6, с. 51].

Анализ выделенных событийных компонентов по уровням иерархической структуры осуществляется путем применения структурно-аналитической формулы как инструмента познания системных элементов события преступления (по Г.А. Густову). Указанная формула включает в себя:

СбтПр → [Прд · Сб · (ФзД → ПсхД → ФПсл) · Мст · Вр] ↔ Обст,

где:

СбтПр – событие преступления;

Прд – предмет (жертва) преступного посягательства (имущество, здоровье и жизнь человека и др.);

Сб – субъект – преступник;

ФзД – физическая деятельность – трехэтапная деятельность преступника: действия до совершения посягательства; система действий как способ преступного деяния; действия после совершения преступления;

ПсхД – психическая деятельность (мотив, целеполагание, цель);

ФПсл – факты-последствия – события, возникшие вследствие совершенного преступного деяния, или события, на которые повлиял факт преступления;

Мст – место совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Вр – время совершения действий по каждому из этапов деятельности преступника;

Обст – обстановка – причины, способствовавшие преступной деятельности и условия, в которых событие преступления развивалось.

В продолжение развития выше указанных положений, относящихся к системным элементам структуры событийного криминального явления представляется важным также отметить, что перечисленные авторами объекты «криминальной (реальной) системы преступления» также требуют самого четкого и выверенного понятийного определения, что диктуется спецификой, как предмета посягательства, так и тех процессов и явлений, которые выступают в качестве детерминант внутреннего механизма совершения посягательства. В структуре преступного посягательства кроме способа совершения преступления, как формы внешнего проявления конкретных действий субъекта, присутствует еще и процесс, возникающий вследствие этих действий. Например, развитие патологического процесса в организме жертвы вследствие причиненных ей колото-резанных ран, или отравления, или вследствие дефекта – повреждающего фактора, возникшего по причине ненадлежащего исполнения медиком своих профессиональных обязанностей. В указанных процессах также участвуют отдельные явления, требующие своего понятийного объяснения их признаков (свойств, отношений) и причин возникновения. Без уяснения смысла понятия любого фактора – детерминанта в структуре посягательства невозможно обоснованно установить причинно-следственную связь, как важный элемент объективной стороны состава преступления.

Осуществить на основе системного анализа описание понятий структурных элементов события преступления и возникающих между ними причинно-следственных отношений (внутренних связей) и их взаимодействие с объектами окружающей среды (внешние связи) призваны информационная и логическая модели.

Создание *информационной модели* применительно к конкретному виду или определенной группе преступлений позволяет «раскрыть» внут-

реннее содержание каждого из системных элементов криминального события с учетом специфики предмета, характера и механизма посягательства.

Информационная модель события преступления как совокупность информации, характеризующей существенные его свойства и состояния в процессе развития, требует разработки понятийного аппарата, используемого для описания каждого событийного элемента и тех операционных актов и процессов, которые выступают детерминантами непосредственно механизма посягательства.

Строится информационная модель события преступления на основе ретроспективного анализа следовой картины физической деятельности преступника и его сообщников и результатов криминалистических исследований обстоятельств криминального происшествия, проведенных с применением системного анализа каждого из них как самостоятельной структурированной микросистемы в системе события (макросистемы). Методика (концепция) как способ понимания и трактовки информации о признаках системных элементов структуры события преступления, позволяет определить комплекс оптимальных научных методов их полного и всестороннего изучения. При создании информационной модели востребован помимо криминалистического моделирования системно-структурный метод. Особенно важно его применять при научном познании криминального события, совершенного в сфере профессиональной деятельности вследствие использования субъектом дефектов организационного или технологического аспекта или ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей. В качестве примера можно привести разработанную Г.А. Густовым структуру события хищения, в которую им были включены: субъект, предмет хищения, источник хищения (подотчетные, резервные, сторонние ценности, неучтенная продукция); операция производственная (технологическая), используемая для совершения посягательства; способ завладения ценностями; размер посягательства; умысел на хищение, факты-последствия хищения; место и время хищения; обстановка хищения [3, 4]. Или рассмотрим структуру события ятрогенного преступления, совершаемого медиком по причине неадекватного оказания профессиональной помощи пациенту: субъект (медицинский работник); жертва посягательства (пациент); процесс оказания медицинской помощи (МП); нарушение правил оказания МП; мотивация (мотив, целеполагание, цель); ятрогенный дефект (повреждение, отравление заражение и др.); ятрогенная (симптом, синдром, конкурирующая патология, болезнь отдаленного периода); неблагоприятные последствия (причинение вреда здоровью, смерти); место и время посягательства; обстановка [9, с. 131].

Описание понятий системных элементов события специфических преступления, требующих применения специальных знаний, понимания используемых терминов, а именно создание понятийного аппарата является важной частью криминалистического обеспечения процессов выявления и расследования таких криминальных явлений. Следует

также принимать во внимание при изучении системных элементов структуры события, что каждый из них также имеет свою внутреннюю иерархичную структуру. Продемонстрируем внутреннюю структуру системного элемента на примере «ятрогенного дефекта»; его модельная структура включает: повреждение, заражение, отравление, нарушение восприятия, оставление инородного предмета в организме, развитие патологии на фоне неадекватного врачевания. Каждый из указанных элементов имеет также свою понятийную структуру, например, повреждение включает в себя систему понятий его признаков: механический (порез, перелом, разрыв, ушиб и др.); физическим (термический, электрический или лучевой ожог, тепловой или электрический удар, отморожение и др.); химический (ожог и др.); аллергический (асфиксия); психологический (травматический невроз в результате эмоционально болезненного и вредного события). Среди выделенных элементов некоторые из них также могут иметь свою особую структуру элементов, системный анализ которых позволит также построить системную конструкцию следующего уровня, требующую описания их понятий. Каждый из системных элементов многоуровневой (иерархичной) структуры события имеет определенные свойства, благодаря которым он вступает с другими элементами в причинно-следственные отношения линейного характера. Таким образом, возникает многоуровневая система отношений, требующая своего анализа, описания и комплексной оценки на предмет их влияния на объективную сторону состава преступления в целом и в частности на механизм посягательства. В таких ситуациях следственная модель причинно-следственной связи выстраивается на экспертной модели (выводах эксперта), однако, последняя в структуре экспертного заключения является объектом следственной оценки ее обоснованности и логичности. Такой системный подход к углубленному научному познанию обстоятельств события преступления для полноты и чистоты его осуществления нуждается в разработке отдельной модели причинно-следственных отношений и связей (внутренних и внешних), а также создания криминалистической классификации закономерностей развития события преступления отдельного вида или группы, т.е. ретроспективной логической модели криминального события.

Логический уровень моделирования требует помимо моделирования применения поэлементно-факторного анализа, который позволяет выявить логические внутренние (между элементами события) и внешние (между событием или его элементами и объектами окружающей среды) связи, обуславливающие закономерности динамики события преступления в целом и процесса развития непосредственно посягательства в частности. Выявление и познание этих закономерностей позволяет создать *логическую модель* многоаспектной системы развития события преступления, а также выявить и системно описать не только факторы, непосредственно детерминирующие причинно-след-

ственную связь между деянием субъекта и наступившими общественно опасными последствиями, но и четко описать различные варианты характера и механизма ее развития, и таким образом создать криминалистическую классификацию типичных причинно-следственных связей, характерных для событий отдельных видов или групп преступлений [11, с. 87–99].

Познание события преступления путем применения трехуровневого моделирования с использованием, адаптированных для криминалистических исследований специальных методов, безусловно, расширит стратегию совершенствования и разработки новых направлений научного изучения событийных элементов структуры криминального явления, характера и механизма причинно-следственных внутренних и внешних связей и порождаемых ими закономерностей развития криминальных происшествий. Также, надеемся, что постановка научных проблем в совершенствовании криминалистических исследований обстоятельств события преступлений даст соответствующий импульс для активизации междисциплинарного сотрудничества по созданию адекватного понятийного аппарата, необходимого для создания новых инновационных исследовательских технологий по установлению криминального события и изобличению лиц, причастных к его совершению.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма-Инфа-М, 2001. С. 223.
2. Белкин Р.С. Понятие, ставшее криминалистическим пережитком // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Тула: ТГУ, 2000. С. 11–12;
3. Густов Г.А. Построение модели события хищения / Вопросы совершенствования предварительного следствия. Вып. 3. Л., 1974;
4. Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации. Факторный анализ: Учебное пособие Л., 1985.
5. Густов Г. А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2000, № 2. – С. 78–85
6. Курс криминалистики: в 3 т. Т.1. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика. СПб.: Издательство «Юридический центр». 2016. С. 51.
7. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1997. С. 97.
8. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ. 1995. С. 39, 50.

9. Пристансков В.Д. Криминалистическая теория расследования ятрогенных преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи: монография. СПб.: Академия менеджмента и агробизнеса нечерноземной зоны РФ (АМА НЗ РФ). 2007. С.131.

10. Пристансков В.Д. Криминалистическое понятие преступления // Криминалистика первопечатный. – 2013. – №6. – С. 8–16.

11. Пристансков В.Д. Методологические проблемы установления причинно-следственных связей при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками. Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 14. Право. 2015. № 3. С. 87–99.

12. Серова Е. Б. К вопросу о криминалистическом понятии преступления // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. Вып. 2, 2009. С. 156–160.

13. Яблоков Н.Л. Криминалистика: учебник. М.: Юристъ. 2005. С. 26.

Forensic simulation as a universal method of scientific knowledge of a crime Pristanskov V.D.

St. Petersburg State University

The concept of forensic scientific knowledge of a crime event is determined by the precise setting of the goal and objectives of its study as a criminal phenomenon of reality that occurred in the past time period, and the logical justification of the strategy of its research. The use of retrospective simulation as a universal method for cognition a crime as event by creating three levels of models: conceptual (conceptual), informational (descriptive) and logical (factorial) allows you to structure the list of event components of a criminal phenomenon as an integral and unified object of knowledge, to describe the concepts of system elements of the structure and to identify and analyze a multilevel system of internal and external relationships that determine the regular processes of its development and trace formation.

Keywords: the concept of cognition of a crime event; forensic modeling as a method of scientific knowledge of a criminal event; conceptual, informational and logical models of a crime event; patterns of development of a criminal event.

References

1. Belkin R.S. Forensic Science: Problems of Today. Topical issues of Russian forensic science. M.: Norma-Infra-M, 2001. S. 223.
2. Belkin R.S. The concept that has become a forensic relic // Russian legislation and legal sciences in modern conditions: state, problems, prospects. Tula: TSU, 2000. P. 11–12;
3. Gustov G.A. Building a model of the theft event / Issues of improving the preliminary investigation. Issue 3. L., 1974;
4. Gustov G.A. Detection of a method of official theft in a difficult situation. Factor analysis: Textbook L., 1985.
5. Gustov GA Towards the definition of the criminalistic concept of crime // Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2000, No. 2. - P. 78–85
6. The course of criminalistics: in 3 volumes. T.I. General theoretical questions. Forensic technology. Forensic tactics. SPb.: Publishing house "Legal Center". 2016. S. 51.
7. Lubin A.F. The mechanism of criminal activity. Forensic research methodology. N. Novgorod: NYU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. S. 97.
8. Obratsov V.A. Identification and exposure of the offender. M.: Yurist. 1995. S. 39, 50.
9. Pristanskov V.D. Forensic theory of investigation of iatrogenic crimes committed in the provision of medical care: monograph. SPb.: Academy of Management and Agribusiness of the Non-Chernozem Zone of the Russian Federation (AMA NZ RF). 2007. S. 131.
10. Pristanskov V.D. Forensic concept of crime // First printed criminalist. - 2013. - No. 6. - S. 8-16.
11. Pristanskov V.D. Methodological problems of establishing causal relationships in the investigation of careless crimes committed by medical workers. Bulletin of St. Petersburg University, series 14. Law. 2015. No. 3. P. 87–99.
12. Serova EB On the question of the criminalistic concept of crime // Gaps in Russian legislation. Legal journal. Issue 2, 2009, pp. 156–160.
13. Yablokov N.L. Forensic science: textbook. M.: Yurist. 2005. S. 26.